

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

3

2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3/2016 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- В.Д. Пузанов** — Русское государство и кочевники на юге Западной Сибири в первой половине XVII в. 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Е.В. Сироткина** — Граф Алоис Лекса фон Эренталь 32

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- В.В. Ишутин** — Из истории идеи института президентства в России 49

ПУБЛИКАЦИИ

- Дневники Н.Ф. Финдейзена и материалы «Русской музыкальной газеты» о первой мировой войне. Публикацию подготовила **М.Л. Космовская** 69

СООБЩЕНИЯ

- Д.Н. Копелев** — Предыстория секретной экспедиции Петра I на Мадагаскар 1723–1724 гг. 90

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

С.В. Кондратьев — Антикварные мифологемы и границы королевской власти в Англии в первой половине XVII в.	108
Н.П. Подгорнова — Туареги	121

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

М.А. Киселёв — И.И. Шувалов и Манифест о вольности дворянства 1762 г.	131
---	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Н.З. Мосаки — Межбиблиотечное сотрудничество и книгообмен в культурной политике СССР в Ираке в конце 50-х — 60-х гг. XX в.	144
Н.А. Мицюк, Н.Л. Пушкарёва — Кормиличный промысел в России в 1850—1917 гг.	151

ИСТОРИОГРАФИЯ

В.А. Поляков — Трансформация российского транспорта в 1917—1920-х гг. (к историографии проблемы)	159
А.И. Колганов — Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»	169

Русское государство и кочевники на юге Западной Сибири в первой половине XVII в.

В.Д. Пузанов

Аннотация. В начале XVII в. русские на территории Западной Сибири встретились с кочевниками ойратами. В это время ойраты мигрировали с востока Азии и заняли южные территории по Иртышу, Ишиму, Тоболу, Яику, Волге. Ойраты стали главным кочевым соседом русских на юге Западной Сибири, изгоняя оттуда ясачное население. Русские власти Сибири не имели достаточных военных сил для защиты южных уездов. В 1634 г. ойраты организовали набеги на важные политические русские центры на юге Западной Сибири — Тару и Тюмень. К середине XVII в. отношения русских и кочевников в Сибири улучшились.

Ключевые слова: уезд, воевода, служилые люди, казаки, кочевники.

Abstract. In the early 17th century Russian people met Oirat nomads in Western Siberia. At that time the Oirats migrated from the East of Asia and occupied Southern territories along the following rivers: the Irtysh, the Ishim, the Tobol, the Yaik, the Volga. The Oirats became the most significant neighbour for the Russians in the South of Western Siberia and the Oirats expelled the yasak population from there. Russian government in Siberia didn't have enough military forces to protect Southern counties. In 1634 the Oirats invaded important Russian political centres, Taru and Tyumen. By the middle of the 17th century the relations between Russian people and nomads had improved.

Key words: district (uyezd), commander (voevode), cossacks, nomads.

В своем движении на Восток в XVI—XVII вв. русские столкнулись с десятками народов, как уже известных им, так и встреченных впервые. Особое место среди этих контактов заняли отношения с кочевыми племенами. Это время стало последней эпохой, когда кочевники могли представлять серьезную опасность для оседлого мира. Раньше русские имели постоянные отношения в основном с привычными для себя кочевыми группами Белой орды (в нашей исторической науке ее принято называть Золотой), которые этнически и культурно являлись потомками кипчаков и находившихся здесь до них тюркских орд, подчинившихся монголам. Арабский автор XIV в. Эль-Омари писал, что после завоевания кипчаков монголами «они смешались

Пузанов Владимир Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор Курганского государственного университета. E-mail: oi@kgsu.ru.

Puzanov Vladimir D. — doctor of historical sciences, professor of Kurgan State University. E-mail: oi@kgsu.ru.

и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кипчаки, как будто они одного рода, оттого что монголы поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их»¹. В.В. Бартольд отмечал, что, в отличие от других нашествий в эпоху завоеваний монголов, на запад переселилось очень небольшое число кочевников. В Белую орду перебралось, по одним данным, только 4000, а по другим — 9000 монгольских семей². Теперь русским пришлось вступать в отношения с ордами, о которых они могли только слышать.

Территория Западно-Сибирской равнины примыкает к одному из отрезков так называемой Великой степи, где во время завоевания Россией Сибирского царства боролись между собой несколько кочевых союзов — ойраты, казахи и ногаи. Все они в политическом и культурном отношении были наследниками монгольской империи. Ногаи — ближайšie соседи Сибирского царства и союзники Кучума — уже ко второму десятилетию XVII в. были вытеснены из азиатских степей за Волгу ойратами.

В русской исторической науке Г.Ф. Миллером, о. Иакинфом, Бартольдом, В.Л. Котвичем, И.Я. Златкиным было отмечено, что западные монголы называли себя ойратами, а «калмыки» — это название, которое дали ойратам тюркоязычные народы, через посредство которых этот термин был усвоен и русскими в XVI—XVII веках. Позднее определение «калмыки» (в значении «отделившийся» от основной массы) было принято волжской группой ойратов, отошедших от остальных монголов в XVII веке. По данным о. Иакинфа, название «ойрат» означало «ближние родственники»³.

Ойраты были известны в исторической литературе с XI—XII вв., будучи одним из племенных объединений монголов. В империи монголов ойраты управлялись своими владетельными князьями, мало выделяясь из общей массы монгольских племен. Они участвовали в завоеваниях монголов. В XIII—XIV вв. несколько тысяч ойратских семей жили в Иране. В эпоху распада империи монголов и их изгнания из Китая в 1368 г. ойраты первыми выступили против ханов Монголии.

В результате, с XV в., по мнению Златкина, можно говорить о формировании особой этнической общности — ойратской народности с рядом этнографических отличий. В XVI в. ойраты оказались в сложном положении: путь в Среднюю Азию преграждал Могулистан, на востоке шла постоянная борьба с монголами. В XVI в. началось противостояние ойратов с казахами, которые в середине XV в. заняли долины рек Чу и Талас. Борьба с казахами продолжалась с перерывами около 200 лет. В это время ойратам пришлось вести войну на три фронта, в результате чего их положение стало достаточно тяжелым. В XVI в. княжества Монголии объединялись и совершали набеги на ойратов. В 1552 г. монгольская знать разбила ойратов, отбросив их с кочевий на р. Орхон на запад. В 1562 г. монголы заставили ойратов отойти к Иртышу⁴. В конце XVI в. ряд поражений нанесли им казахи, хан которых Тевеккель с 1594 г. включил в свой титул именование, означавшее власть над ойратами.

Златкин полагал, что в конце XVI в. ойратское общество находилось в кризисе, вызванном потерей ряда пастбищных территорий, военными поражениями и политической слабостью ойратов — результатом все большей раздробленности и разделения улусов⁵. В итоге ойраты отошли на новые западные земли, еще не занятые могущественными кочевыми племенами.

В XVII в. ойраты совершали экспансию в трех направлениях — на восток, запад и юг. Бартольд отмечал, что в XVI в. калмыки служили в войсках узбекских правителей, с 1603 г. начались набеги калмыков на государства Средней Азии. По другим данным, набеги калмыков на города Туркестана были проблемой для населения еще в XV веке. Английский дипломат Дженкинсон, в 1558—1559 гг. совершивший путешествие на Восток, отмечал, что города Средней Азии подвергаются частым набегам могущественных кочевых народов — казахов и калмыков. В итоге, в XVII в. Бухарское ханство оказалось в зависимости от кочевников⁶. Отправившаяся после 1618 г. на запад группа торгоутов (50 тыс. кибиток) во главе с тайшей Хо-Орлеком (Урлюком — в русских актах), включившая в свой состав более мелкие племенные образования, в 20-е гг. XVII в. мигрировала по территории современного Северного Казахстана на Волгу.

Бартольд полагал, что торгоуты Урлюка отделились от других групп ойратов в 1618 году⁷. В 1618 г. хан Урлюк с Иртыша перешел в верховье рек Ишим, Тобол и Эмба. В 1628 г. он вместе с шестью сыновьями начал движение дальше на запад и в 1630 г. прибыл к берегам Волги, подчинив себе обитавшие на р. Яик тюркские племена⁸. В это время улус Урлюка насчитывал 50 тыс. кибиток. Район Волги по своим природным характеристикам был очень удобен для кочевания ойратов. Когда улус Урлюка расположился от Яика до Волги, ойраты знали, что эти земли принадлежат Белому царю — правителю Русского государства. Однако Урлюк занял их, не спрашивая разрешения у Москвы⁹.

В 1634 г., под натиском ойратов, ногаи перешли на правый берег Волги, где князь Канай и мурзы били челом царю, прося защитить их от набегов ойратов. Однако служилых людей на Волге было мало, воевода Астрахани А.Н. Трубецкой просил прислать в город многих ратных людей, которые были направлены в Астрахань по царскому указу из верховых городов с приказом над ойратами «поиск чинить»¹⁰.

Степные пространства Западно-Сибирской равнины на протяжении XVII в. становились частью ойратского мира, раскинувшегося от озера Кукунор до Волги. Характерно, что отряды ойратов принимали участие в таких важных событиях на восточной и западной окраинах Евразии, как бои под Пекином в 1644 и под Веной в 1683 году.

По данным П.С. Преображенской, в конце XVI в. начались передвижения ойратских племен из Западной Монголии на территорию Южной и Западной Сибири¹¹. Отношения с кочевниками стали наиболее важными в Сибири в XVII веке. К тому времени Россия имела большой опыт подобных отношений. В 1616 г. в Посольском приказе были опрошены сибирские служилые люди Т. Петров и И. Куницын о поездке к ойратам. Русские послы прожили месяц в улусе Талая, вождя дербетов, в то время наиболее авторитетного и влиятельного из ойратской знати. Петров и Куницын решили, что Талай и является

верховным правителем всех ойратов. «А начальной тайш у всей Колмацкой земли тот Багатырь Талай-тайш. И называют его всю Колмацкою землею царем, а сам он себя царем не пишет»¹².

Царский титул, происходивший из Римской империи и пришедший на Русь из Византии, после монгольского завоевания стали применять не только к императору Константинополя, но и к правителям Белой орды, а позднее — тех государств, на которые она распалась. В Сибири царем, безусловно, признавался Кучум, а затем и его наследники, называвшиеся царевичами и тогда, когда само их государство давно находилось под русской властью. В XVII в. попавшие на Русь в качестве пленных или добровольно царевичи официально получали очень высокое положение среди русской знати.

В 1690 г. высший у калмыков титул хана принял Аюка. Он обменивался посольствами с Персией, Хивой, Китаем¹³. Особенно показательны были отношения с Китаем: русские цари несколько раз в XVII в. отправляли туда послов, но первое посольство этой страны в 1714 г. прибыло не в Москву или Петербург, а в ставку калмыцкого хана, признававшегося русским подданным. Аюка считал себя носителем верховной власти на юге России, свои письма к астраханским воеводам он называл указами, и самое удивительное, что до 1719 г., когда в Астрахань приехал А.П. Вольтер, эти указы калмыцкого хана принимались местной властью. Аюка говорил китайским послам: «Хотя я живу вдали от вашего государства, но вы видите по моей шапке и платью, что я почти ничем не разнюсь от вас, примените нас к русским и смотрите как велика разница между нами и ими и по платью и по шапкам, и по языку и по всему образу жизни»¹⁴.

Между русскими властями и ойратами неоднократно возникали споры по вопросу о принадлежности ряда территорий между южными сибирскими уездными городами и калмыцкими кочевьями. В конце XVI в., по данным Ремезовской летописи, ойраты кочевали к западу от рек Ишим, Нор-Ишим, Омь и Камышлов, которые вообще тогда считались «калмыцким рубежом». Однако сама эта территория не находилась еще под контролем ойратов. После поражения сюда отступил из Сибирского царства Кучум со своими детьми и «между озер в крепких местах и ту живяше скрытно» напал на Тарский уезд.

Позднее русское правительство заявило о своих правах на всю ту территорию, где жил Кучум после бегства из Кашлыка. Отмечалось, что он построил городок по реке Иртыш, взятый в 1595 г. русским отрядом, а иногда кочевал еще южнее этого городка «по Иртышу в 6, а от Оми реки выше в 2 днях, а в котором урочище неизъяснено». Позднее русские отмечали, что в 1595 г. служилые люди, разгромив Кучума, не упоминали о том, что рядом кочуют калмыки¹⁵. «Калмыцкой землей» в летописи считаются верховья Иртыша, в частности, озеро Зайсан-нор, куда совершил свой последний набег за лошадьми Кучум¹⁶.

Преображенская считала, что первое упоминание об ойратах встречается в грамоте Ивана IV Строгановым 1574 г., где ойраты отмечены в числе кочевых народов Азии. Когда русские в Сибири познакомились с ойратами? По данным Сибирского приказа, первые контакты состоялись в самый ранний период русского продвижения, когда русские только утверждали свою власть над Сибирским царством. Ку-

чум в борьбе за юг Сибири нанимал на службу небольшие отряды ойратов, пытаясь таким образом пополнить свои силы после понесенных его двором крупных потерь. Иногда в этот район заходили с востока военные отряды калмыков. Здесь на службу Кучуму поступил отряд в 300 ойратов. В июле 1596 г. служилые татары Тары, посланные на разведку, сообщили воеводе Фёдору Елецкому, что в улусе Кучума, кочевавшего южнее г. Тары по Иртышу, произошло столкновение с отрядом ойратов, которые хотели отделиться от него. Кучум пытался задержать ойратов, произошла стычка, в которой были убиты 3 его человека. В результате, после этого боя улус Кучума серьезно ослабел, от него отошли 300 человек с женами и детьми и направились на верхний Иртыш¹⁷. Однако и позднее русские источники также отмечают наличие ойратов в улусе Кучума. В апреле 1598 г. ясачные татары сообщили воеводе г. Тары, что «Кучум стоит в собрании со всеми людьми и с ойраты, и с ногайскими людьми» и собирается идти войной на город и волости¹⁸.

К сожалению, источников по русско-калмыцким отношениям этого периода очень мало. Златкин считал, что первоначально калмыки избегали конфликтов с русскими властями и населением. Этот вывод нуждается в уточнении: по данным источников, уже на рубеже XVI—XVII вв. появляются противоречия между интересами русских и групп ойратов. Можно предположить, что эти противоречия были вызваны борьбой за южные тюркские группы, которые ранее входили в Сибирское царство. После военного разгрома в 1598 г. Кучума, контролировавшего некоторые из этих территорий, русским пришлось столкнуться здесь с ойратами, часть которых, возможно, ранее воевала в улусе Кучума. В 1598 г. воевода Тарского уезда Воейков получил известие, что к Оби прикочевало с юга 500 калмыков.

Характерно, что еще в наказе 1599 г. четвертому тарскому воеводе Я.И. Старкову предлагалось собирать сведения только о мурзе Алее, ногаях и бухарцах, в которых Москва видела главных соперников на юге после разгрома Кучума. В наказе 1603 г. тарскому воеводе князю И.А. Солнцеву-Засекину требовалось посылать отъезжие станицы за вестями о ногаях и ойратах — «не чаять ли от них к сибирским х которым городом и на волости приходу, и нет ли у них з бухарскими и с юргенскими людьми ссылки»¹⁹. Первый раз требование Москвы собирать вести об ойратах было послано в наказе воеводе Тобольска Ф.И. Шереметеву от 11 февраля 1601 года.

В 1606 г. ойраты и русские начали переговоры по инициативе тайши Урлюка. В сентябре 1606 г. его калмыки заняли часть ясачных волостей Тарского уезда, захватывая промысловые места и беря в плен татар. Урлюк направил в Тару посольство, где просил признать этот захват, дав разрешение кочевать по рекам Ишим и Камышлов и торговать с Тарой. Воевода Тары князь Сила Гагарин отправил к Урлюку послов, которые сообщили ему, что это разрешение может быть дано только при условии принятия русского подданства «быти под нашею царскую высокую рукою». Это предложение оказалось неприемлемым для калмыков, и послы были убиты в улусе Урлюка²⁰.

Первоначально русско-калмыцкие столкновения проходили именно на территории Тарского уезда, который стал пограничным по отношению к мигрировавшим на север группам калмыков. В 1606 г. из

Тары был предпринят поход для изгнания ойратов из уезда, который закончился победой русских служилых людей над одной из групп ойратов. 200 служилых людей получили награды за калмыцкую службу. Однако ойраты продолжали кочевать на юге уезда. Недостаток сил в Таре заставил власть организовать ряд походов из центров русской Сибири — Тюмени и Тобольска. Весной 1607 г. по приказу правительства на калмыков был послан крупный военный отряд из Тобольска, Тюмени, Тары, а также других сибирских городов. В феврале 1608 г. приказ Казанского дворца сообщал, что в Тобольске и Таре имеется значительное количество пленных калмыков, взятых в кочевьях ²¹.

Одновременно с Урлюком на север мигрировал и ряд других тайшей. 27 января 1607 г. из Тары послали посольство в улусы, находившиеся под властью пяти старших тайшей, из которых наиболее влиятельным был тайша Талай, с предложением перейти в русское подданство. 16 июня в Тару приехало посольство калмыков во главе с тайшей Кугонаем Тубиевым, который от лица 50 тайшей и их улусов, где числилось, по его словам, 120 тыс. калмыков, обещал «быти под нашею царскою высокую рукою» и платить ясак. В обмен на это калмыки получили разрешение на кочевание в районе озер по реке Иртыш и гарантию прекращения русских походов в улусы.

В 1607—1608 гг. тайша Урлюк кочевал в трех днях пути от Тары, по северной стороне реки Камышлов (правый приток Иртыша) до Калмыцкого озера. В результате территория по р. Камышлов и южнее была фактически выведена из-под русского контроля. Калмыки Урлюка заняли районы промыслов тарских ясачных татар, и воевода Тары не мог отправлять туда русские станицы. Тайши Талай и Ичиней мигрировали на левый приток Иртыша — реку Омь, в четырех днях пути от Тары. В отличие от Урлюка, Омь была занята с предварительного согласия тарского воеводы.

В сентябре 1607 г. 5 больших тайшей во главе с Ичинеем и Талаем послали посольство в Москву, где были приняты царем Василием Ивановичем. Послы сообщили о желании ойратов стать русскими подданными в обмен на разрешение кочевать по Иртышу и обратились с просьбой построить в районе своих новых кочевий на р. Оми русскую крепость для защиты от возможного нападения монголов Алтын-хана, обещая при опасности защищать это укрепление совместно с русским гарнизоном ²².

Правительство очень заинтересовалось этим предложением, так как в России продолжалась Смута и судьба новоприобретенных владений на востоке была неясна, а переход 120 тыс. «привычных к войне» калмыков «под царскую руку» должен был сильно укрепить русское влияние в Сибири. Ойраты Ичиней и Талай получили царское разрешение не только на кочевание в уже занятых районах, но и на занятие новых мест, «где похотят». Кроме того, ойратам была обещана защита от казахов, ногаев и монголов, чтобы они отныне «великому государю служили и прямили во всем». Тарскому воеводе было предписано еще раз вступить в переговоры с Урлюком, самовольно занявшим русскую территорию, с целью побудить его к принятию русского подданства и даже при отказе последнего запрещалось посылать на Урлюка войска, чтобы не возникли противоречия с ойратами Ичиней и Талай.

В 1608 г. в грамоте на Тару правительство царя Василия Шуйского разрешило ойратам кочевать в Сибирской земле по Иртышу, Оми, Камышлову и в других местах, где они захотят быть «под царской рукою», то есть занятие подобных территорий обуславливалось принятием русского подданства. Правительство разрешило ойратам торговать в Тобольске, Таре, Тюмени, Перми, Уфе, Казани и Москве.

Принятие русского подданства ойратами Ичиней и Талая носило вынужденный характер и было обусловлено тяжелым внешнеполитическим положением ойратов, которые воевали одновременно с тремя соседями — казахами, монголами и ногаями. При необходимости борьбы на востоке, западе и юге от кочевий, ойратам было крайне важно урегулировать свои отношения на севере и получить поддержку русской власти. Военные действия требовали мобилизации всех боеспособных калмыков, что было возможно лишь при условии неуязвимости кочевий, где находились их семьи и имущество. Обеспечив свой тыл соглашением с русскими, тайши мобилизовали всех воинов и нанесли в 1607—1608 гг. несколько сильных ударов по главным соперникам — монголам и казахам.

Осенью 1607 г. калмыки, собрав всех улусных людей, пошли походом на казахов, оставив в кочевьях на территории Тарского уезда жен, детей и имущество, не опасаясь русских набегов. Большие тайши сообщили тарским торговым сартам, что они «нашей царской милости жадны». Затем калмыки обрушились на монголов. Русское посольство, посланное в октябре 1608 г. из Томска в государство Алтын-ханов и Китай, не смогло проехать дальше киргизских земель из-за нападения калмыков на зимние кочевья Алтын-хана — «Алтын-царя воюют и отгнали от зимнего ево кочеванья далече, где он преж сего кочевал». Поражение Алтын-хана вызвало восстание против него ряда зависимых от монголов племен²³.

Победы над казахами и монголами сопровождалась борьбой между большими тайшами «меж собя», в ходе которой умер или был убит наиболее влиятельный среди калмыков тайша Ичиней, а во главе союза ойратов встали жена Ичиней и тайша Кочешет. В результате побед часть ойратов мигрировала на юг, на верхнее течение Иртыша, где они могли больше не опасаться нападений. 20 марта 1609 г. из Тары к ойратам было отправлено посольство Голубина, которое потребовало от больших тайшей прибыть в Тару и там лично принести присягу царю и начать платить ясак. Ойраты заявили, что они никогда и не думали переходить под власть русского царя, «а послов они своих посылали к нам бити челом, чтобы ... не воеваться, и торговати и на зверовье съезжаться повольно». Тайши наотрез отказались от ясака — «ясаку никому не даывали, и сами с Белых Колмаков ясак емлют, и вперед ясаку давати никому не хотят». По поводу нахождения на территории Тарского уезда, что по московским традициям обязывало ойратов к принятию подданства, тайши сообщили, что вообще «люди они кочевные... где похотят, тут и кочуют». Тайши сказали послам, что собираются воевать с ясачными татарами Барабинской и Теренинской волостей Тарского уезда, «что грубны им», и отказались разрешать конфликт через представителей русской власти, «а посылать о управе на тех татар к воеводам на Тару не хотят, упра-

вятца и сами»²⁴. В улусе русское посольство было ограблено, в довершение ко всему Голубин узнал от пленных о готовящемся нападении ойратов на русских служилых людей в районе озер по Иртышу.

Теперь, после победы калмыков над казахами и монголами, они не нуждались больше в русской помощи и разговаривали с представителями русской власти на равных. После недавних обещаний и просьб о принятии подданства этот независимый тон не мог не восприниматься в Москве иначе, как открытый вызов. Ойраты, судя по всему, представляли себе масштаб трудностей, с которыми столкнулась центральная власть в это время. Напротив, московское правительство было очень осторожно. В июне 1610 г. оно приказало тарскому воеводе вторично предложить калмыкам принятие подданства, а при отказе потребовать, чтобы они покинули русскую территорию по Оми, Камышлову и озерам, угрожая послать рать со всех сибирских городов. Отныне правительство советовало воеводам руководствоваться общим принципом — калмыки, не принявшие русского подданства, не должны были находиться на русской территории²⁵. Однако эти угрозы пока носили декларативный характер, правительство приказало воеводе Тары ограничиться обороной самого города и ясачных волостей, не посылая служилых людей на калмыков без специального разрешения из Москвы. Эта осторожность являлась следствием очень тяжелого положения, в котором находилось московское правительство.

В 1610 г. русско-калмыцкое противостояние в Прииртышье возобновилось. Первый удар был нанесен по русским позициям в районе озер. В 1610—1611 гг., по словам тобольского воеводы князя Ивана Катырева-Ростовского, «калмыки озера отняли», так что туда пришлось отправлять военную экспедицию. В Тарском уезде ойраты постепенно продвигались на север, принимая в свои улусы всех ясачных татар, бежавших от русской власти, отказывая в их выдаче. В 1610 г. отряд из 200 калмыков совершил набег под Тару, разграбив по пути ряд ясачных волостей. В ответ на это в июне 1611 г. состоялся поход объединенных сил сибирских городов на калмыков. Большой поход, в котором принимали участие гарнизоны нескольких крупнейших сибирских городов, сочетался с рядом частных походов, совершенных силами только Тары, которая находилась в наиболее опасном положении. В 1612 г. оттуда был отправлен отряд в 300 служилых людей и тарских ясачных татар, который разбил кочевье калмыков у Кизирла озера, пленив семьи двух тайшей²⁶.

По данным Черепановской летописи, в 1613 г. калмыки опять заняли озера, не пуская туда русских, что вызвало экспедиции русских военных сил сибирских городов. В 1613 г. из Тары было организовано 3 похода на калмыков. Отправленный 6 июля отряд атамана Третьяка Кутукова должен был дойти до озера Ямыш «проведывать колмацких людей, сколь далече кочуют от города и от тарских ясачных волостей». 15 июля в 10-и днях от Тары на Большом озере русский отряд разбил калмыков, идущих в низовья Иртыша. 22 сентября тарский отряд ротмистра Воина Волконовского переправился через Камышлов в районе урочища Чеканбаша, разбил там калмыков, взяв в плен тайшу Байгуша и его семью. 22 сентября отправленный из Тары 5 сентября отряд атамана Пospела Фёдорова разбил отряд калмыков на перевозе Каратун по Иртышу²⁷.

В результате этих успешных походов были возобновлены переговоры, причем по инициативе ойратов. 25 ноября 1613 г. в Тару пришли послы Талая и Тургеня с просьбой «прежние вины их отдать», обещая не совершать больше набегов на Тару и ясачные волости, не мешать русским экспедициям на озера, вернуть пленных русских и татар и совместно с русскими «стояти заодин» против тех ойратов, которые попытаются вернуться к старому. В 1615 г. с Тары к ойратам отправилось посольство, которое приняло присягу у трех тайшей: Тургеня, Бутака и Малдышера. Тайши послали в Тару своих послов, которые просили возобновить торговые отношения с русскими городами и прекратить вооруженные столкновения, чтобы русские «их калмыцких людей не побивали». Весной 1616 г. из Тобольска к ойратам Талая отправилось посольство Томилы Петрова и Ивана Куницына. Тайши обещали «государю служить» и просили принять улусы «под свою царскую руку», сообщив о присяге, которую калмыки дали между собой, «что им под государевы города не ходити» и не воевать больше с русскими подданными. Талая сказал, что отныне калмыки будут во всем послушны царской воле и будут кочевать в том месте, где предпишет им русский царь. Несмотря на это заявление, отношения русских и калмыков восстанавливались с трудом.

Воевода Тюмени Матвей Годунов ожидал нападения 11 тыс. калмыков на главные русские центры Сибири — Тобольск, Тюмень и Тару — в июле 1615 года. В свою очередь, калмыки опасались похода на их улусы в июне 1616 г. следующего воеводы Тюмени — Фёдора Коркодинова. Приказ Казанского дворца направил в Тюмень особую грамоту с укоризной воеводам, что они мешают в проведении государственной политики, собираются воевать с калмыками, когда те «хотят быти под нашу царскую высокою рукою». Подобное миролюбие объяснялось внешнеполитическими проблемами. Ойратам к тому времени удалось победить и подчинить своих ближайших соседей — большую орду казахов и киргизов, но одновременно они сами попали в зависимость от могущественных государств на востоке — Алтын-ханов и Китая, которым большие тайши были вынуждены ежегодно платить по 200 верблюдов и 1000 лошадей и овец.

В 1616 г. тарские служилые люди Василий Тюменец и Иван Петров посетили посольство Алтын-хана, который при них сказал послам Талая: «под государевы сибирские города учнете приходить, и твоих государевых служилых людей... или ясачные волости воевать, и я на вас пойду войною. А от государя и великого князя Михаила Фёдоровича всеа Руси пойдут на вас же, и вам, колмаком нигде не избыть». В 1619 г. Алтын-хан предложил Михаилу Фёдоровичу план совместного похода против улуса Харахулы: с русской стороны должны были выступить гарнизоны Тобольска, Тары и Томска, а с востока — монголы — и быстро разгромить калмыков, так как «люди они немногие»²⁸.

Таким образом, принятие русского подданства ойратами в 1608 г. не привело к фактической зависимости кочевников от Русского государства. Исследователи Востока о. Иакинф и В.В. Григорьев полагали, что для кочевых племен принятие подданства являлось торговой операцией, с помощью которой они рассчитывали получить значительную прибыль²⁹. В.В. Трепавлов справедливо отмечал, что под-

данство калмыков 1608 г. русскому царю имело условный характер. Кочевники, давая обещания, не соблюдали подобные договоры с правителями государств³⁰. В.И. Колесник считал, что в первой половине XVII в. ойраты «не хотели быть подданными Русского государства» и не давали никаких оснований к подобным отношениям³¹.

Как показал Трепавлов, еще в XVI в. ойраты совершали набеги на запад до Волги, нападая на казахов и ногаев. Позднее им удалось взять под свой контроль всю территорию современного Северного Казахстана. В 1608 г. отряд калмыков появился на р. Эмбе, что вызвало большие опасения у ногаев, кочевавших в то время на Яике. Русские походы из сибирских городов в 1612—1613 гг. привели к усилению натиска ойратов в западном направлении. В 1613 г. отряд из 4 тыс. калмыков разбил ногайский улус на Яике, в результате чего ногаи бросили свои кочевья и бежали за Волгу³².

В 1606—1607 гг. часть ойратов, мигрировав из верхнего Прииртышья, заняла бассейн Иртыша в районе рек Омь и Камышлов, а также южнее. Кочевья ойратов на востоке к 1616 г. распространились до бассейна р. Ишима, где кочевники зимовали. Северной границей ойратов являлась местность, известная как Белое городище, в 2-х неделях пути от устья р. Ишим. Однако скоро район их кочевания переместился.

В 1619—1620 гг. различные группы ойратов организовали набеги на монголов, казахов и ногаев, что имело большие последствия. На западе в 1619 г. ойраты разгромили кочевья ногаев между Яиком и Волгой, но на юге и на востоке они понесли большие потери. В 1620 г. во время переговоров хана Казачей орды Ишима с послами ойратов, они совершили набег на улусы казахов. Ишим «велел колмацких послов побить», а затем совершил набег на ойратские улусы, перебив двух тайшей и «многих людей». После этого на ойратов напали отряды Алтынхана. Это нападение было еще более серьезным — «улусы колмацкие повоевали, и людей многих побили», взяли в плен двух тайшей³³.

В результате, в 1620 г. ойратам, по выражению воеводы Уфы О.Я. Прончищева, «учинилась теснота великая» от казахов и монголов. В поисках безопасных кочевий они перешли р. Ишим и вышли к Тоболу. В сентябре 1620 г. Талай кочевал на расстоянии месяца пути от Тобольска «в поле против Итыка горы железные» на территории современного Северного Казахстана, а «иные многие тайши с колмацкими людьми прикочевали близко твоей царской отчины, сибирских городов, и кочуют ныне вверх по Ишиму промеж Тоболом». Улус Байбагиша в октябре 1620 г. занял район верховий Ишима и Иртыша. Большая часть ойратских улусов кочевала, по данным царевича Ишима, в то время в районе р. Камышлов. В марте 1621 г. послы Байбагиша сообщили в Москве, что ойраты кочуют на р. Тобол, в 18-ти днях от государевых городов Сибири³⁴.

Воевода Тобольска М.М. Годунов, сообщая о перекочевке ойратов, указал и ее причину: «А прикочевали, государь, те колмацкие люди близко твоих государевых городов для того, что воюют их колмацких тайшей, Алтын-царь да Казачья орда». По данным томского воеводы И.Ф. Шаховского, между тремя кочевыми народами был заключен военный союз — «а слажился Алтын-царь с Казацкою ордой, а казацкие люди с нагаи, и где ане (ойраты) в степех кочевали, и стех их кочевья збили»³⁵.

Позднее, в 1621 г., Талай со своим улусом перекочевал в район озер между Обью и Иртышом, где к этому времени сосредоточились основные силы ойратов. Видимо, Талай находился около озера Ямыш, так как власти отложили поход туда служилых людей. Талай, по русским источникам, имел летние кочевья в верховьях р. Ишим, а зимние — около владений казахов и Ургенча. В то же время, ряд ойратских улусов перекочевал на Обь. По сообщению теленгутов, часть ойратов во главе с Харахулой еще осенью 1620 г. собиралась к весне следующего, 1621 г., завоевать Томск и Кузнецкий острог, чтобы затем перекочевать в район по Томи и Оби ³⁶.

21 августа 1621 г. томский юртовской татарин князь Тоян сообщил воеводе Томска И.Ф. Шаховскому, что многие тайши «пришли на Обь реку... на устье реки Чюмыша, зделали городок», с целью зимовать и кочевать между Томском и Кузнецким острогом. Эти известия вызвали большие опасения среди томских служилых людей, которые в количестве всего 283 чел. должны были защищать территорию двух уездов, Томского и Кузнецкого, «... теми служилыми людьми держати некем, потому что, государь, тех служилых людей в Томском городе мало. А к Томскому, государь, городу и к Кузнецкому острогу прилегли орды многие и кочюют...» ³⁷.

В 1622 г. монголы Алтын-хана нанесли новое поражение ойратам, отбросив их от района озер между Обью и Иртышом. В июне 1623 г. ойраты кочевали от Иртыша до Ишима, причем их основные силы находились на р. Ишиме. Непосредственно около русских владений стоял тайша Талай, пришедший с юга, южнее располагались кочевья Урлюка и Чокура. По данным русских властей, тайши собирались перейти в район Камышлова, оставить там семьи и имущество, а затем выступить «войною на мунгальских людей». Начало войны было удачным для ойратов — в 1623 г. тайша Харахула с 4 тыс. воинов совершил набег на улус Алтын-хана и взял много пленных. Однако затем 7 тыс. монголов Алтын-хана нагнали и полностью разгромили отряд ойратов. По русским данным, из всего войска удалось бежать только самому Харахуле и его сыну ³⁸. В 1624 г. ойраты организовали наступление на монголов, однако в бою те побили многих представителей знати и воинов ойратов ³⁹.

На новых кочевьях ойраты также подвергались давлению монголов. В мае-июле 1623 г. русский посол из Уфы сын боярский Василий Волков находился в улусе Талая в районе «Итыковых гор». Так как Талай ушел в поход против монголов, посла принял его брат тайша Мангит. По сообщению В. Волкова, даже здесь «были у него, Мангита, от мунгальского царя людей частые всполохи. И погромили изгоном от него, Исенгила, во днище тайшу, и тот тайша, справясь, за ними гонял, ничего не учинили» ⁴⁰. Таким образом, на восточном фронте ойраты продолжали терпеть неудачи, зато на юге им удалось добиться определенных успехов. Отряды калмыков проникли глубоко в казахские улусы, откуда вывели множество туркменских рабов (их в 1624 г. Талай обменивал в Тюмени на калмыцких пленных).

В 1625 г. большая часть ойратов, откочевав из района озер, находилась около верхнего Ишима и Тобола, «блюдясь от мунгальских людей войны», по данным служилых людей, посланных из Тобольска в посольство к ойратам весной 1625 года. Часть ойратов отошла дале-

ко на запад — на р. Яик ⁴¹. Отдельно от них находились большие тайши Талай и Байбагиш со своими улусами. Зимой 1624 г. они провели на границах владений Казачей орды, «боясь от мугальских людей утеснения». Ойраты собирались весной начать войну с казахами, рассчитывая выступить в союзе с Бухарой, правитель которой в то время воевал с ханом казахов Ишимом. Однако к весне Ишим успел заключить мир с Бухарой, и Талай не решился нападать на казахов, что могло бы поставить ойратов на грань войны. В 1624 г. Талай кочевал на расстоянии 4-х недель от Тобольска. В результате этого, Талай с детьми в 1625 г. кочевал по территории современного южного Казахстана по р. Юнкеле в 3-х неделях пути от Бухары ⁴². К 1630 г. кочевья Талай переместились на запад и находились на расстоянии месяца пути от Юргенча. В 1625 г. внешнеполитические проблемы ойратов были осложнены борьбой между большими тайшами.

Все эти события имели последствия для уездов русской Сибири, особенно для ясачного населения. В 1615 г. ясачные татары верхних волостей Тарского уезда сообщили, что они не могут платить ясак полностью, «а как на них приходят наши изменники непослушники ойратские люди и воюют их и детей в полон емлют». К этому времени ойраты захватили часть южных промыслов, многих ясачных людей побили и взяли в плен. Служилые люди Тары писали в 1615 г., что к городу «прилегли многие орды и царевичи, собрався с ойратскими людьми и с ногаи» в 7—8 днях от города, нападают на город и волости ⁴³. В 1618 г. на ясачные волости Тарского уезда совершил набег царевич Ишим с ойратами, а осенью — тайша Зенгул, что вызвало отправление двух военных экспедиций из Тары. Начиная с 1620-х гг., ойраты постоянно проникали на южные территории Тюменского уезда, вытесняя оттуда тюрское население.

Следующий этап ухудшения русско-калмыцких отношений был связан с борьбой внутри этноса калмыков, вспыхнувшей с новой силой, когда внешняя опасность была на какое-то время устранена. К XVII в. — времени начала русско-калмыцких контактов — ойраты, не имея единого государства, разделились на 4 большие группы, которые в исторической литературе получили название племен или родов. Во главе каждого из них находился верховный предводитель — большой тайша. Талай возглавлял дербетов, Байбагиш — хошоутов, Харахулла — джунгар и Урлюк — торгоутов.

Объективные обстоятельства первой половины XVII в. делали необходимым для ойратов образование единого государства: их окружали 4 сильных и воинственных народа (монголы, казахи, ногаи и русские). Монголы и казахи представляли главную опасность для ойратов, угрожая самому их существованию и независимости. Однако сама по себе объективная потребность и даже уровень социального развития не могли создать государства, так как ни одно из четырех ойратских племен не было настолько сильным, чтобы добиться подчинения всех остальных. В то же время, внешнеполитическая обстановка заставляла ойратов пойти на образование союзов, объединявших знать нескольких племен.

По данным бухарского посла, в 1633 г. большие тайши заключили оборонительный договор, согласно которому каждый из правите-

лей защищал весь ойратский союз от нападения соседей. Урлюк оборонял ойратов от ногаев, Талай контролировал Бухару, Куйша — казахов, Батур — монголов. В 1635 г. объединенные силы дербетов и джунгар совершили крупный набег на казахов. По словам послов князя Абака в Тобольске, «был у них бой великой», на котором ойраты разгромили силы Казачей орды и взяли в плен сына Ишима царевича Янгира. В 1635 г. ойраты собирались пойти в поход на монголов.

Постепенно политика Русского государства по отношению к ойратам менялась. В декабре 1616 г. Боярская дума постановила основное внимание на востоке уделить именно отношениям с ойратами, с которыми предполагалось обмениваться посольствами и подарками с целью установления подданства над ними — «приводити их под государеву руку». Центром русско-ойратских связей оставался Тобольск. Ойратские посольства к царю должны были сразу отправляться из Тобольска в Москву, с другими государствами, соседями русской Сибири, предполагались менее интенсивные отношения, о Китае и государстве Алтын-ханов необходимо было собрать дополнительные сведения, а до того времени с ними «ссылке не быти», с Бухарой следовало обмениваться грамотами, но без подарков ⁴⁴.

В январе 1621 г. Боярская дума в ответ на запрос тобольского воеводы Годунова решила не принимать ойратские посольства, проходящие в города Сибири по причине нападений ойратов на ясачное население края. От ойратов требовалось откочевать подальше от русских городов, при этом однако предусматривалось продолжение торговых отношений, но в особом месте — подальше от Тобольска. В 1623 г. из Уфы в Москву были присланы новые ойратские послы, после чего Михаил Фёдорович приказал принимать посольства на месте — в Уфе и сибирских городах, не посылая в Москву, «и для того отказывать, что они люди многие и воинские» не узнали туда дорогу ⁴⁵.

В 20-е гг. XVII в. положение на юге русских владений в Сибири серьезно обострилось. Причиной этого стала борьба между Алтын-ханом и ойратами. В 1620 г. в результате побед Алтын-хана под его влияние перешли енисейские киргизы, которые отказались платить дань в Томск. В свою очередь, к 1621 г. под влиянием киргизов отказалась платить дань в русские города целая группа зависимых от них тюркских и тюркизованных народов Южной Сибири — сагайские татары, маты, саяны, аринцы, тубинцы и моторцы. В 1622—1624 гг. киргизы совершили ряд нападений на территорию Кузнецкого и Томского уездов, разорив те племена, которые продолжали выплачивать ясак русским ⁴⁶.

В 1624 г. под давлением калмыков отказались платить ясак «многие кузнецкие люди». Калмыки сами стали собирать с них дань, при этом ясачным людям, продолжавшим производить выплаты в Кузнецк, устроили «истеснение великое... мучат и в полон емлют, а иных секут» ⁴⁷. Воевода, сообщая об этом, писал, что в Кузнецке мало служилых людей и наличными силами невозможно защитить ясачное население.

В 1623 г. калмыки тайши Исенгула (джунгарского улуса) разорили башкирские ясачные волости Кипчак и Томьян Уфимского уезда — «башкирцов побили и жен их и детей в полон поимали» ⁴⁸. В 1623—

1624 г. калмыки совершили набег на 2 ясачные деревни у Красного Яра, отогнав лошадей, «а иных и государевых ясачных людей на зверовье переграбили и побили, и ругаючись груди вспарывали», что вызвало ответный набег с Тары.

К 1624 г. калмыки перекрыли пути из Средней Азии в Сибирь — «пройти немочно». В 1625 г. русские послы жаловались Талаю: «по вся годы калмыцкие люди и государев изменник Ишим-царевич волости, которые к сибирским городам и Уфимскому уезду воюют и государевых ясачных людей в полон емлют»⁴⁹. В 1624 г. царевич Ишим умер, его сыновья были еще малы и кочевали с улусом тайши Чокура. Таким образом, Кучумовичи несколько лет не могли организовывать набеги. Однако на юг Сибири нападали ойраты. В 1626 г. торгоуты Урлюка подошли на полтора дня пути к Таре, собирая дань с южных волостей Тарского уезда. Осенью отряды джунгар осадили 2 русских пограничных острожка — Барабинский и Убинский — полностью разорив верхние волости. В 1627 г. ойраты улуса Урлюка кочевали по р. Тобол в районе р. Утыка, заняв территорию ясачного населения Тюменского уезда⁵⁰.

В 1628 г. ойраты заняли южную часть Тюменского уезда, подойдя к городу на расстояние «за 3 днища и ближе», изгоняя ясачных людей Киньрской, Бачкурской и Терсяцкой волостей с их угодий и вотчинных речек и, по словам самих тюрков, «многих ясачных татар на промыслах всех побивают и мягкую рухлядь у них отнимают»⁵¹.

Таким образом, в 20-е гг. XVII в. представители монгольского мира — калмыки и монголы Алтын-хана — заняли и подчинили своему политическому влиянию всю южную окраину Сибири, от киргизов до Уфимского уезда. Одним из результатов ойрато-монгольского противостояния стал выход из-под русского контроля всего сибирского юга.

Русско-ойратские противоречия в 20-е гг. XVII в. постепенно нарастали. Их главной причиной стала борьба за ясачное население и промысловые территории богатой южной части старого Сибирского царства. Калмыки, потеряв старые кочевья, пытались компенсировать свои потери на сибирском юге, занимая промысловые угодья сибирских татар и подчиняя себе местные группы ясачных людей. При этом калмыки пытались сохранить видимость хороших отношений с русскими властями, так как нуждались в постоянном товарообмене с русскими городами и опасались повторения русских походов в степь.

Положение неустойчивого мира закончилось в результате движений самих ясачных людей южных окраин Сибири, которые испытывали двойное давление — как со стороны русских властей, которые требовали полного сбора ясака, так и со стороны калмыков, занявших часть их угодий и начавших собирать с них албан. Это движение началось на востоке, где в 1624 г. кузнецкие татары, отказавшись от подчинения русским, готовились к вооруженной борьбе с Кузнецком. Однако наиболее серьезную опасность для русских властей составили движения ясачных татар Тарского и Тюменского уездов.

В 1627 г. на территории Тарского уезда кочевали тайши Айдар, Мангит и многие мелкие тайши. По сообщению Тарского воеводы князя Ю. Шаховского, «прикочевали к государевым верхним волос-

тям... многие калмыцкие люди и государевым ясачным людям чинят утеснение и зверовые их промыслы и рыбные ловли у них отняли⁵². В 1626—1627 гг. ясачное население верхних волостей Тарского уезда, которые наиболее сильно пострадали в результате прихода калмыков, не смогло выплатить ясак в Тару.

В 1628 г. тарские воеводы потребовали от ясачных выплатить ясак сразу за 3 года, что вызвало восстание верхних волостей уезда, в ходе которого татары захватили Барабинский острожек, перебив его гарнизон из 30-ти стрельцов и казаков, а затем вышли к самой Таре. Восстание возглавил глава крупнейшей Барабинской волости князь Когутай. Позднее к нему присоединилась часть томских татар и чатов. Покинувшие русское подданство татары признали власть внука Кучума, царевича Аблайгирима, и также платили дань калмыкам.

Аблайгирим предпринял ряд походов на юг Сибири, рассчитывая поднять всех татар и полностью выбить оттуда русские гарнизоны. Летом 1629 г. царевич с отрядом из 130 калмыков и тюрок прибыл в Чатский городок. Осенью 1629 г. Аблайгирим, собрав 2 000 ойратов, барабинских тюрок и чатов, захватил Мурзин городок, в котором находились русские служилые люди и чаты, еще верные русской власти, а затем разорил тюрские и остяцкие юрты от Чатского городка на Оби до устья реки Чулыма.

В 1630 г. Тарлав и его тесть, князь теленгутов, продолжили набеги на тюрок, продолжавших платить ясак в русские города. Под давлением теленгутов и киргизов пограничные тюрские волости Кузнецкого уезда отказались платить ясак. Однако на территории Приобья обстановка вскоре нормализовалась: русские служилые люди совершили 2 удачных похода, мурза Тарлав умер, а его дети, по соглашению, были отправлены Абаком в Томск, где их признали в качестве чатских мурз, что и завершило конфликт.

Однако на западе, на территории Прииртышья — Притоболья, натиск калмыков и перешедших на их сторону татарских групп усилился. В ноябре 1631 г. Кучумовичи — Аблай и Девлет-Гирей — с отрядом из 150 барабинцев и калмыков, «куяшников и в панцырях, окромя кошевых людей», совершили набег на Тебендинскую и Коурдацкую волости на Иртыше, а затем на Кречетникову и Капканинскую волости на Вагае. Целью набега было не имущество, а месть за верность русским властям. Большинство мужчин было перебито, а их семьи уведены в плен. В ответ с Тары был послан отряд Ерофея Заболотского в 130 служилых людей, который разгромил кочевье калмыков чюрасцев — «черных мужиков» тайши Талая, кочевавших у русских границ и участвовавших в походе Кучумовичей⁵³.

В 1631 г., по сообщению тюменских татар, калмыки заняли весь юг Тюменского уезда от реки Тобол до реки Ишим и отняли у них оброчные речки Куртамыш, Юргамыш и Алабугу. В результате, началось бегство ясачного населения Тюменского уезда на юг в улусы Кучумовичей и калмыков. Воеводы, которые не могли местными силами восстановить положение, обратились за помощью к Москве. В ответ на это известие весной 1632 г. в Тюмень была послана грамота царя Михаила Фёдоровича, которая предписывала воеводе установить добрые отношения с зашедшими в край группами калмыков и уговорить их уйти с территории уезда, восстановив обмен посольствами и

торговлю. Военную силу предписывалось применять только в крайнем случае ⁵⁴.

В 1632—1633 гг. отряды Кучумовичей три раза совершили набеги на поселения ясачных тюрок по реке Исети. В ответ на пограничные нападения летом 1633 г. с Уфы для поимки Кучумовичей был отправлен крупный отряд в 1380 чел. под началом головы Ивана Черникова, который за Яиком нашел и разгромил улусы тайшей Иркитена и Тепшегена, убитого в бою. Русско-калмыцкие противоречия приняли форму вооруженных столкновений.

В августе 1633 г. русский отряд, совершавший традиционную экспедицию на озеро Ямыш, был окружен и затем осажден силами тайши Куйши. Экспедиция с большим трудом смогла вернуться в Сибирь, где ее участники сообщили, что нападение грозит и самим русским городам: «Кочашко Танатаров прошает у Куйши-тайши воинских людей куяшников, а хочет де ийти под сибирские города и на ясачные волости, а дорогу де он ведает». В то же время джунгар тайша Кула, кочевавший южнее Тарского уезда, разорил Барабинскую волость ⁵⁵.

В 1634 г. крупные отряды кочевников совершили набеги на уездные центры южных уездов Тобольского разряда. Нападение калмыков на Тару и Тюмень, помимо актового материала, отражено в ценной «Повести о городах Таре и Тюмени», написанной в Сибири вскоре после произошедших событий. По сообщению воеводы Тобольска князя Темкина-Ростовского, в 1629 г. восставшие татары во главе с Кочашко Танатаровым разорили деревни около Тары, «многих людей побили и в полон поимали, и от Тарского города отошли в степь, послали сыскивать Кучумовых внучат» ⁵⁶. Затем, соединившись с Кучумовичами, эта группа тарских тюрок разорила ряд южных волостей Тарского и Томского уездов.

В 1634 г., по свидетельству князя Темкина-Ростовского, на Тару было совершено два набега. В 1636 г. в Сибирском приказе был подготовлен доклад, внесший ряд уточнений в картину набегов 1634 года. Утром 12 сентября под Тару неожиданно вышел отряд «колмацких многих людей» и тюрок, во главе которого находились Кучумовичи и сыновья могущественного Куйши — Онбо и Конгу. В набеге приняли участие и дербеты Талая, во главе которых стоял сын Тархана-батыря, кочевавшего на р. Тобол около русских волостей, — Багиш. Позднее выяснилось, что отряд состоял из 400 человек. Нападавшие рассчитывали, прежде всего, на внезапность. Они сбили по пути русскую станицу и «станичников гнали до города и с лошадей иных сбили, а иные прибежали в город, а иные пометались в лес». К городу кочевники вышли с разных сторон, перебив и захватив в плен на пашнях служилых людей и отогнав скот. Воеводы выслали из города отряд тарских и тобольских служилых людей, который с большим трудом к вечеру отбил атаку нападавших ⁵⁷. Преследовать калмыков служилые люди не решились: «А поиску де было над калмыцким людьми в те поры учинить некем — людей в Тарском городе было мало, а с ними были и люди многие». Таким образом, русские не только не смогли защитить территорию уезда, но и фактически потерпели поражение под стенами самой Тары — после разорения ее окружи нападавшие с добычей смогли уйти в степь.

Через месяц, 13 октября 1634 г., произошел новый набег на Тару, в котором, помимо сыновей Куйши, участвовал и его зять — торгоут Онбо, который, видимо, привел дополнительные силы. По данным Сибирского приказа, бои под крепостью шли 2 дня — 13 и 14 октября. Повесть сообщает, что 13 октября кочевники разорили все русские и тюркские деревни под городом и нанесли поражение гарнизону, вышедшему на вылазку: «граждане же ощутившие иноплеменных нашествие и брань с ними составиша... многие падоша острием меча поганых и мнози от них православнии христиане пленены быша и стада скотские отогнаша»⁵⁸. Вечером калмыки не ушли в степь, как в прошлый набег, а остановились в семи поприщах от города на р. Ибейке, рассчитывая затем продолжить осаду Тары. Видимо теперь целью кочевников было не просто разорение округа, но и захват самого уездного центра. Ночью отряд тобольского сына боярского Бориса Черкасова из тарских и тобольских служилых людей, крестьян и тюрок совершил удачную вылазку, разгромил лагерь калмыков, где в сражении были убиты «многие колмацкие воинские люди», сын и зять Куйши, отогнан полон и скот⁵⁹. Тара была спасена, сибирские акты и «Повесть» оценивали эти события как крупную победу русских.

11 ноября 1634 г. Аблай, Девлет-Гирей и Тархан-батырь со «многими воинскими калмыцкими людьми» вышли под Тюмень, разорив нижние деревни и посад, перебив и пленив многих русских и тюрок Тюменского уезда⁶⁰. По данным «Повести», кочевники «внезапу приидоша... даже до стен градных и тако... многия веси и села разрушивши и пограблены бывшу всему сокровищу даже и до скота».

В ноябре 1634 г. под Тюмень пришли ойраты — «многие люди» — и подошли к самому острогу. Летопись отмечает, что кочевники не смогли взять город, однако около него «многих людей побили» и взяли в плен людей бежавших из деревень и много скота⁶¹. Воевода Тюмени И.И. Милуков послал из Тюмени за ними в погоню 300 служилых людей, которые нагнали калмыков, но в бою потерпели поражение и отошли, потеряв 50 человек. По завышенным данным автора «Повести», кочевники убили и взяли в плен в Тюменском уезде «мало не 2 тысячи человек»⁶². Затем силы кочевников разделились и остановились на территории Тюменского уезда, недалеко от города: 600 калмыков отошли за реку Пышму, а улусные люди тайши Талая вышли на реку Суерь на правой стороне Тобола⁶³. Главную роль среди калмыков играл Тархан-батырь из улуса Талая, который с отрядом в 400 ойратов кочевал около русской границы, к югу от Тюменского уезда.

Весной и летом следующего 1635 г. набеги кочевников продолжились, были разорены Верхняя Ницынская и Чубарова слободы, несколько десятков татарских семей с реки Исети насильно увезены в степь. Ситуация на сибирском юге стала критической, фактически русские власти уже не могли контролировать положение на большей части Тюменского, Тарского и Томского уездов, с большим трудом были отбиты набеги на сами уездные центры. В этих тяжелых условиях Томск едва не был захвачен служилой литвой, представители которой хотели истребить русское население и бежать к себе на родину.

В период 1626—1635 гг. отношения русских и ойратов приобрели фактически военный характер. Причем особенно опасным для русской власти было то обстоятельство, что военные столкновения в при-

граничных уездах происходили с участием представителей всех четырех улусов — Талая, Батура, Урлюка и Куйши. Особенно непримиримые отношения складывались в это время именно с хошоутами Куйши: обычные пограничные конфликты имели здесь дополнительные причины.

В 1633 г. в Тару через владения Куйши пришел с торгом Казы Казыев, представившийся послом Бухары. Однако русские власти задержали его в Таре. Куйша потребовал отпустить посла, утверждая, что из-за его долгого отсутствия у него началась война с ханом Бухары Имамкули ⁶⁴. В своих набегах на Тару в 1634 г. калмыки требовали выдать им Казы Казыева, обещая в этом случае вернуть всех русских и тюрок в уезд. Весной 1636 г. Куйша еще раз потребовал от Тарских воевод выдачи бухарского посла, обещая в случае отказа совершить новый поход на город и уезд ⁶⁵. Тарские воеводы, князь Фёдор Барятинский и Григорий Кафтырёв, отпустили пленного в улус Куйши по челобитью всех жителей Тары, которые «тебе Государю били челом, чтоб тово бухарского посла отпустить для тово, чтоб за него калмыцкие люди под Тарский город и на твои Государевы ясачные волости войною не пришли и досталь их не разорили» ⁶⁶. Однако после этого Куйша не только не отпустил пленных, но выдвинул новое требование — вернуть в степи взятых в плен под Уфою Кучумовичей, обещая при отказе разорить Тарский уезд.

Хотя в результате южные города Сибири и устояли, их уезды, по данным источников, были разграблены. По сообщению автора «Повести», многие тюрки Тарского и других ближайших уездов, бежавшие в степь, в улусы больших калмыцких тайшей, которые в то время только и могли обеспечить им защиту, говорили Куйше «о граде Таре, яко уже точию един град стоит, а окрестные уезды до основания разрушены и живущих в нем мало» ⁶⁷.

Это сообщение подтверждается и актовым материалом: 13 мая 1636 г. в Таре били челом татары нижних волостей — Аялинской, Коурдацкой, Тебендинской и Соргацкой, которые еще оставались под русской властью, о сложении с них недоборного ясаку на сумму в 215 руб., которого «на 144 год платить... нечем». По сведениям челобитчиков, в это время калмыки отняли не только юг Тарского уезда (бассейн реки Оми), но и основную центральную часть, где калмыки заняли «зверовья и вотчинные места... зверя добыть негде». Часть населения нижних волостей была вынуждена даже оставить свои старые дома: «от калмыцких людей многое время живем в бегах, покиня свои юрты, а калмыцкие люди от нас кочуют блиско» ⁶⁸.

Главную опасность для русской власти в это время представляли улусы Куйши, Талая и Урлюка, границы которых подходили непосредственно к югу Сибири и захватывали часть ясачных территорий Тюменского и Тарского уездов. В 1632 г. Урлюк перед русским представителем обвинил Талая в покровительстве Аблаю, организации совместного с ним набега на Коурдацкую волость Тобольского уезда и фактическом захвате южной части Тюменского уезда. По словам Урлюка, Талая и Куйша и в дальнейшем собирались отправлять отряды на русские уезды. Тархан Батыр и чурасцы, игравшие большую роль в набегах 30-х гг. XVII в., были из улуса Талая, однако сам тайша все-

гда говорил русским послам, что они воюют против его воли. Во всяком случае, Талай и его семья были тесно связаны с Кучумовичами, кочевья которых располагались недалеко от улуса дербетов и пользовались выгодами от набегов на русские территории. Так, известно, что в улусе Тайчина, сына Талая, в 1641 г. находился «тюменский погромной ясырь»⁶⁹. Однако при этом Талаю имело смысл поддерживать мирные отношения с русскими, так как его собственные летние кочевья, по русским данным 1634 г., находились недалеко от русских владений к востоку от р. Ишим⁷⁰. По данным источников, Талай на протяжении всей своей жизни стремился не обострять отношения с русской властью. В разное время это стремление проявлялось по-разному.

В 1636 г. Талай сообщил тобольскому атаману Гавриле Ильину, что он велел наказать за участие в набегах на Сибирь тархана Батыря «и от Кучумовых внучат отбить»⁷¹. К 1637 г. тархан Батырь умер, и это разрешило проблему конфликта с улусом Талая. Гаврила Ильин был свидетелем того, как «многие тайши» просили у Талая, чтобы он возглавил поход ойратов на Тюмень и на слободы, на что тайша ответил отказом⁷². Гораздо большую опасность, чем дербеты, в 30-е гг. XVII в. представляли хошоуты, глава которых Куйша сам организовывал походы на южные города Сибири, посылая туда своих ближайших родственников.

Куйша был младшим братом правителя хошоутов Байбагиша. Внук Кучума Аблай женился на племяннице младшей жены Куйши, по данным тобольского воеводы П.И. Пронского⁷³. Более того, Кучумовичи прямо признавали свою вассальную зависимость от Куйши. По данным тобольских служилых людей, Девлет-Гирей привозил Куйше ясак. Можно говорить поэтому, что позиция Куйши в Тарском конфликте была обусловлена не только конкретными причинами (задержкой в Таре бухарского посла), но и тем обстоятельством, что Куйша, имея вассалами наследников Кучума, рассматривал себя в качестве повелителя Сибири в случае изгнания оттуда русских. Хошоуты кочевали в это время на юге и на западе от Тарбагатайских гор в долинах рек Или и Эмели.

В середине 30-х гг. XVII в. улус Куйши находился на реке Ямын, в 6-и неделях от Тары⁷⁴. В улусе Куйши было всего 5 тыс. кибиток. Куйша, возглавивший хошоутов, являлся младшим братом Байбагиша и породнился с тайшами торгоутов Урлюком и джунгар Батыром. Однако в 30-е гг. XVII в. наиболее тесные отношения связывали Куйшу с Талаем. Они совместно кочевали и ходили в походы.

В русских источниках того времени Куйша назван «братом» Талая. И тот и другой принадлежали к «большим тайшам» — высшей знати ойратов⁷⁵. Первый контакт русской власти с ним состоялся в 1630 г. при следующих обстоятельствах. В августе 1630 г. в Уфу прибыл посол Куйши Култайко, отправленный в Москву. Однако с 1623 г. ойратских послов в Москву не пускали, и Култайко был задержан в Уфе. В Посольском приказе вообще не придали этому посольству никакого значения, не прислав ответа на запрос воеводы Уфы И.Г. Желябужского по поводу посольства до 6 декабря, когда воеводе пришлось вторично писать в Москву⁷⁶. Подобная практика, обычная для порядков Москвы, была оскорбительна для ойратской знати. Поми-

мо того, русская власть пыталась в это время остановить продвижение ойратов на запад, различными средствами не дав им занять территории традиционных соседей — сибирских татар, башкир, и ногаев, которые находились в большей или меньшей степени в сфере влияния Москвы. Это неизбежно вело к нарастанию конфликта между русскими и ойратами.

В 20-е гг. XVII в. под ударами монголов ойраты продолжили движение на запад, заняв территории от Иртыша до Волги. Ойраты стали главным кочевым соседом русских на юге Западной Сибири. В 1634 г. они при поддержке тюркского населения и Кучумовичей организовали крупные набеги на главные политические русские центры в этих местах — Тару и Тюмень. Эти набеги показали силу кочевников, которые разорили территорию южных уездов.

Во второй половине 30-х гг. XVII в. напряжение в отношениях русских и ойратов в Сибири, высшей точкой которого стало разорение Тарского уезда, стало снижаться. Причинами этого послужили внешнеполитические проблемы ойратского мира, в результате которых обострились отношения между знатью. Продвижение ойратов на юг и запад натолкнулось на сильное сопротивление казахов. Фактически, на протяжении 20—30 гг. XVII в. между двумя самыми могущественными кочевыми народами к западу от Алтая шла война, изредка прерываемая короткими перемириями. В 1628 г. казахи разбили большое войско ойратов, посланное в набег, а весной 1635 г. — войско Урлюка⁷⁷. Однако скорее всего, большую часть усилий в этой борьбе приходилось тратить хошоутам и дербетам, которые на своих зимних кочевьях на юге ближе других ойратских племен соприкасались с казахами.

В 1633 г., по данным бухарцев, большие тайши ойратов заключили между собой оборонительный договор для защиты всего ойратского мира. Урлюк должен был оберегать ойратов от ногаев, Батур — от Алтын-ханов, Талай — от Бухары, Куйша — от казахов⁷⁸. Русские источники упоминают также о том, что с казахами в 30-е гг. XVII в. воевал и Талай, но если в 1631 г. он сам пошел войной на казахов, то в 1634 г. против ойратов воевала Казачья орда⁷⁹.

Во второй половине 30-х гг. XVII в. ойратам также пришлось воевать с Алтын-ханом. В конце 1630-х гг. успех в этой борьбе стал переходить на сторону ойратов. В 1637 г. джунгары и хошоуты были разбиты, что заставило их в 1638 г. объединить свои силы. Летом 1638 г. ойраты, оставив кочевья на реках Ишим и Тобол, «все пошли» на монгол и теперь сами нанесли им крупное поражение. 10 марта 1639 г. Алтын-хан послал к царю Михаилу Фёдоровичу грамоту с просьбой выслать из Томска на помощь русских служилых людей, сообщая: «А войны около нас много и сказать про то не уметь»⁸⁰.

В 1639 г. калмыки одержали крупную победу, вернув под свой контроль киргизские улусы. В июне 1639 г., по данным воеводы Томска, «прошли в Киргизы черные калмыки многие люди», узнав о чем, монгольские послы отказались вернуться на родину через Томск и территорию, подконтрольную киргизам⁸¹. То, что это событие явилось не обычным набегом, а переменой власти над киргизскими племенами, подтвердил вскоре и сам Алтын-хан, заявивший в ответ на жалобы русского посланника, что «ему тех киргиз не унимать, пото-

му что он и сам не владеет». Эти черные калмыки, которые выгнали монголов, были джунгарами. Весной 1640 г. русские источники сообщали, что киргизы «его Контайшины ясачные люди» везли ясак Батуру-хунтайджи⁸².

В 1636—1638 гг., по китайским источникам, хошоуты Куйши оставили свои старые кочевья и переселились далеко на юго-восток — на озеро Куконоор. Златкин называет в качестве основной причины этого переселения конфликт Куйши и Батура, о чем упоминают монгольские источники. Куйша воевал с джунгарами Батура. В результате усиления джунгар Куйша со своим улусом ушел на юг в Куконоор, изгнав оттуда монголов. Анализ русских актовых материалов позволяет найти более глубокие причины, вынудившие хошоутов переселиться⁸³. Полагаю, что здесь важную роль сыграли отношения не только между Куйшей и Батуром, но и другими «большими тайшами» — Талаем и Урлюком, а также между ойратами и монголами.

Богоявленский отмечал, что около 1635 г. Талай попытался подчинить своему влиянию и торгоутов Урлюка, потребовав от тайши, чтобы тот кочевал отныне вместе с улусом Талая и отказался от самостоятельной внешней политики. То есть, по политическим представлениям ойратской знати, как их выразил Тайчин, сын Урлюка, Талай хотел его «учинить в холопстве»⁸⁴. Отказ Урлюка от потери самостоятельности вызвал войну, начавшуюся весной 1635 г. с Талаем, в которой пришлось участвовать и Куйше, причем в это время Талай побеждал и улус Урлюка, при этом неся большие потери. Конфликт дербетов и торгоутов, начатый в 1635 г., продолжился и после смерти Талая и Урлюка их детьми и внуками⁸⁵. В 1636 г. Талай умер. Потеря этого умного и авторитетного вождя резко ослабила силы дербетов и хошоутов и позволила Урлюку взять реванш.

Источники отмечают, что в 1636 г. Куйша вступил в союз с Батуром и укрепил его женитьбой сына Батура Онгоня на своей дочери⁸⁶. Весной 1636 г. Куйша и Батур отправились в большой поход на монголов, нанесли им крупное поражение и освободили дорогу из Китая к «бухарским городам»⁸⁷. Однако в следующем году ситуация изменилась. По данным, полученным от русского посольства, отправленного в апреле 1637 г. в улус Куйши, которое возглавил Назар Жадовский, Куйша с Батуром отправился в поход на монголов, где летом 1637 г. ойраты были разбиты: «Куйшу тайшу и контайшу мунгальские люди побили, а иных осадили»⁸⁸. 6 сентября 1637 г. бежавшие из калмыцкого плена ясачные люди сообщили, что у калмыков «ныне меж собою война», в которой Тайчин нанес сильное поражение Куйше и даже взял его в плен⁸⁹.

Таким образом, в 1637 г. хошоуты дважды потерпели серьезное поражение от Алтын-хана и от сил Урлюка. Это поражение было настолько серьезным, что хошоутам надо было оставить старые кочевья. Назар Жадовский сообщал, что после неудачного похода на монголов родственники Куйши хотели увести хошоутов на север к русским уездам, опасаясь ответного похода со стороны Алтын-хана, — «к Иргышу и к Ямышу озеру, блюдясь мунгальских людей». Выше отмечалось, что в период поражений от монголов ойраты предпочитали отступать именно на север, обычно при этом давая разного рода обещания русским воеводам. Однако помимо того, что именно у Куй-

ши из «больших тайш» в это время были самые плохие отношения с русскими, здесь хошоуты подходили к восточной части кочевий торгоутов, которые, воспользовавшись ослаблением Куйши, также возобновили войну с ним. Хошоуты оказались в 1637 г. в тяжелом положении — политика Куйши привела к тому, что опасность им грозила с востока, запада и севера. Поэтому хошоутам пришлось совершить переселение на далекий юго-восток — на озеро Куконор. Куйши стал покровителем буддистов. Русские источники отмечали факт этого ухода улуса Куйши «в Мунгалы», однако даже оттуда доходили слухи о намерении хошоутов совершить набег на южные уезды. Часть хошоутов позднее вернулась на старые кочевья, русские материалы отмечают их присутствие там еще в середине XVII века ⁹⁰.

Вообще, события 1636—1638 гг. имели большие последствия для ойратского мира и его отношений с русскими на юге Сибири. Если в первой трети XVII в. Москве приходилось иметь дело с рядом независимых улусов, из которых в 1610—1630 гг. наиболее могущественным являлся занимавший центральное положение улус Талая, властвовавший над дербетами и оказывавший влияние на хошоутов, то во второй трети XVII в. политическая обстановка стала меняться. Центральная группа ойратов быстро слабела, среди знати дербетов не было никого, кто мог бы претендовать на положение Талая среди ойратов. Хошоуты сразу покинули дербетов, торгоутам удалось остаться независимыми от притязаний других ойратских групп и основать на Волге западный центр ойратского мира, который постепенно все в большей степени становился зависимым от Москвы. Наибольшую роль в кочевом мире стали играть джунгары, которым постепенно удалось подчинить себе большую часть остальных ойратских групп. Этот подъем джунгар был во многом связан с политикой сына Харахуллы Батура, правившего с 1635 г. по 1653 год. Батур еще в первые годы своего правления старался урегулировать противоречия с монголами Алтын-хана и Русским государством. После побед 1639 г., которые наглядно показали возросшую силу ойратов, война с монголами не была продолжена.

В сентябре 1640 г. в Тарбагатае, в улусе Батура, состоялся съезд ойратской и монгольской знати, прибывшей с территории, находившейся под властью монгольских правителей от Халхи и Куконора до Поволжья. Этот съезд провозгласил состояние мира между монголами и ойратами и принял свод законов, обязательный для всего монгольского мира ⁹¹. В результате монголы и ойраты стали союзниками. В 1644 г. Батур привлек монгольскую конницу, во главе с сыном Алтын-хана, для борьбы с казаками ⁹².

Большое внимание Батур уделял и отношениям с Россией. По данным Златкина, за время его правления между ним и русскими городами было отправлено 19 посольств ⁹³. Батур рассчитывал получить в Русском государстве оружие — пищали, а также домашних животных для хозяйства двора. Если до середины 1630 г. русское правительство пыталось решить свои конфликты на спорном юге с помощью Талая, то позднее все жалобы, в том числе и на «больших тайшей», направлялись именно Батуру.

Русские источники сообщают, что Батур неоднократно отказывался сам и удерживал других тайшей, даже таких влиятельных, как

Куйшу и Урлюка, от предложений напасть на русские города ⁹⁴. В 1636 г. Батур отказал Куйше, который просил отряд воинов для похода на города Сибири, и заявил, что не будет воевать с русскими. В 1636 г. Батур приказал тайше Куле выполнить требование России и выдать 100 семей барабинцев, всего около 500 чел., бежавших к ойратам во время восстания, «которые к нему приходили сами в улусы своею волею, а не полоном взяты», чем был разрешен один из наиболее спорных вопросов в отношениях русских и ойратов ⁹⁵. Однако в этих отношениях оставалось еще много других противоречий, связанных с неопределенным статусом тюркских групп юга Сибири, находившихся между русским городами и ойратскими кочевьями. На власть над ними претендовали как русские, так и ойраты.

В 1640 г. произошел ряд столкновений между русскими и киргизами, которые теперь были под контролем ойратов. Князь Исень Бектенов был взят в плен и отвезен в Томск. В 1639 г. теленгутский князь Мазик совершил набег на Кузнецк, в ходе которого было убито 20 служилых людей. В ответном походе кузнецкие служилые люди, не найдя Мазика, разгромили улусных людей Батура, перебив 15 чел. и взяв в плен 202, требуя от родственников выкуп по 400 соболей за ребенка ⁹⁶. В свою очередь, в 1641 г. джунгары заявили о своих претензиях на барабинцев, послы Батура, направляясь через Барабинскую степь в Тобольск, потребовали от них выплату ясака Батуру. Однако в этот раз Батур отмежевался от своих послов, заявив, что они требовали дань самочинно. В 1642 г. он потребовал от царя Михаила Фёдоровича выдачи киргизов, ранее захваченных русскими служилыми людьми, и направил своих людей в Тарский уезд с требованием выплаты ясака. Русским послам Батур объяснил свои действия тем обстоятельством, «что в Томском городе государевы люди с ево Контайшинных людей на государя ясак берут» ⁹⁷.

Весной 1644 г. джунгары собрали в Барабе ясак и забрали аманатов. В Тарском уезде Батур претендовал на 6 волостей, где жили барабинские, койские, теренинские, турашские, любайские и тунушские ясачные люди. Осенью 1644 г. «многие люди» из улуса Батура подошли к волостям Тарского уезда и отняли звериные угодья у тюрков. Батур брал к себе в улус ясачных людей Тарского уезда. По данным барабинцев, в это время он обсуждал планы похода на сибирские города — Томск, Красноярск, Кузнецк и Нарым. Наступление ойратов на ясачные волости Тарского уезда приводило к столкновениям с русскими отрядами городов. В 1647 г. ойраты сказали ездившему к Батуру русскому посланнику — сыну боярскому Даниле Аршинскому, что служилые люди Тары разгромили улус ойратов ⁹⁸. С.В. Бахрушин справедливо отмечал, что на протяжении всего XVII в. на юге Сибири шла борьба между русскими и кочевниками — калмыками и монголами — за право собирать ясак с тюркского населения ⁹⁹.

Однако эта борьба на юге Западной Сибири не привела к большому военному конфликту с джунгарами, так как он не был нужен ни России, ни Батуру, воевавшему тогда с казаками и рядом ойратских тайшей. В конце концов, эта проблема была решена русскими и ойратами за счет тюрков. На всем протяжении русско-ойратской границы двумя сторонами была фактически признана ранее установившаяся естественным путем ситуация двоеданства, когда тюркские

группы вынуждены были платить дань как русским, так и ойратам, и таким образом быть в подданстве сразу двух государств. При этом русским властям приходилось мириться с постоянными недоимками в платеже. Это положение вело к частым конфликтам на юге Сибири между русским населением Кузнецкого, Томского, Тарского уездов и джунгарами, киргизами, телеутами и другими народами края ¹⁰⁰. Русские власти пытались прекратить подобное положение, однако дань джунгарам платилась тюркским населением юга Сибири до разгрома Джунгарии китайцами. В 1755 г. члены Сената по делам, взятым из Сибирского приказа, узнали, что ясачные люди Тарского и Кузнецкого уезда платят дань правителю Джунгарии, и захотели определить, с какого года происходит этот платеж и по каким грамотам. Однако в Сибирском приказе данных об этом не нашли ¹⁰¹.

К середине XVII в. улусы ойратов находились на реках Тобол и Ишим, непосредственно подходя к южным уездам Сибири. В ноябре 1643 г. приказчик Ирбитской слободы Василий Муравьев отмечал, что ойраты кочуют на реке Тобол в 4-х днях от Тюмени. В 1647 г. русские служилые люди, ездившие на промыслы на р. Омь, видели большое количество ойратов в 6-ти днях от Тары, и в 4-х днях от города к северу от р. Камышлов. Воевода Тобольска доносил в Москву, что ойраты кочевали на «государевой земле», с которой ясачные люди платили ясак. В 60-е гг. XVII в. улусы хошоутов находились в 3-х днях от Тары ¹⁰². В 1654 г. послы ойратов Тюмени сообщили, что «на Тоболе кочуют многие тайши» ¹⁰³. Близость улусов ойратов оказывала большое влияние на жизнь южных уездов Сибири, особенно на положение ясачного населения. Кочевники занимали вотчинные речки и уголья ясачных людей.

Правительство и воеводы Тобольска пытались запретить ойратам торговать с городами Тобольского разряда, кроме Тобольска и Тары. На востоке центром торговли с ойратами был Томск. В 1624 г. Ю.Я. Сулешев велел воеводам Тюмени сказать ойратам, чтобы они присылали послов с товарами только в Тобольск. Однако и позднее ойраты ездили с торгом в Тюмень и на Ирбитскую ярмарку. В 1647 г. был дан царский указ, по которому ойратов больше нельзя было принимать в Тюмени, а при приезде отправлять в Тобольск. В 1661 г. был издан еще один указ о запрете торговли в Тюмени. По мнению О.Н. Вилкова, эти указы не соблюдались, потому что не отвечали интересам воевод городов юга Сибири ¹⁰⁴.

По данным Юрия Крижанича, в середине XVII в. «калмыцкие степи» — территория, контролируемая калмыками, — простиралась от границ Китая до Астраханской области, по ней калмыки перегоняли свои стада на новые пастбища: «калмыки остаются на одном месте, пока стадам их хватает корму, затем, когда вся трава истреблена, они гонят стада в другое место». Летом калмыки кочевали в южной части степи, у границ Китая и Бухары, осенью перемещаясь к рубежу Сибири «ради изобилия там топлива», в связи с чем тайшам приходилось отказываться от нападений на русские поселения и даже обещать плату дани русскому царю ¹⁰⁵. Ю. Крижанич справедливо считал, что для Русского государства отношения с калмыками имели очень важное значение. В это время калмыки были могущественным и многочисленным кочевым народом, который владел землями от

Оби до Волги. Большие тайши калмыков старались жить с русскими в дружбе, поддерживая торговлю городов Сибири с Бухарией и Китаем, а также русские экспедиции на озеро Ямыш. Кочевники на озере Ямыш и в русских городах торговали с русскими скотом и рабами.

Русские Сибири хорошо знали культуру ойратов. Они отмечали высокий уровень военного искусства калмыков. Юрий Крижанич, в 1661—1667 гг. живший в ссылке в Тобольске, писал, что о военном деле калмыков и монголов «люди рассказывают нам чудеса». Крижанич относил строй калмыков к гусарскому, писал, что они носят копье, саблю, лук, латы, кольчуги, прикрывая доспехами локти и бедра. В битве калмыки гнали перед собой скот, разрушая военный порядок противника. По данным Крижанича, на юге Сибири монголы, кроме традиционного оружия кочевников, имели пищали. Русские люди Сибири в 70-е гг. XVII в. отмечали, что главным оружием калмыков остался лук, но среди них распространялись и пищали.

По данным русской географической работы XVII в., хан Джунгарии и его тайши за 15 дней собирали в улусах армию в 100 тыс. всадников. По сведениям европейского путешественника, в 1660-е гг. бывшего в Сибири, армия ойратов достигала 80—100 тыс. человек. Тобольский служилый человек, историк и географ Сибири Ремезов писал, что калмыки воевали только на конях, «а безконному сражению так необыкновенны, что совсем его не знают». Обычным оружием были саадаки, копья и сабли, «по большей части военное у них платье» — панцири, доспехи, шишаки и поручни. В тактике калмыков главная роль отводилась первому нападению — «в сражении с первого напуску весьма жестоки, а ежели так сперва не удастся одержать победу, тогда будут весьма уступчивы»¹⁰⁶.

Основу экономики ойратов, их «главное богатство» составлял скот, в первую очередь, кони, верблюды, коровы, бараны. Скотоводство дополнялось в степи охотой и земледелием: «их степи содержат несколько диких и лесных зверей... сайги, маралы и кабаны, также хотя и плохих, но несколько находится лисиц, куниц, бобров, выдр, горностаев, корсаков». Хлеб ойраты сеяли в речных долинах «при реках и речках», «по большей части ячмень, просо, полба, пшеница, овес, горох и овощи».

По представлениям русского населения Сибири конца XVII в., записанным Ремезовым, родиной ойратов была Большая Индия, откуда они после похода Александра Македонского, повелевшего им стеречь свои табуны, бежали на озеро Саин нор, находившееся на верхнем Иртыше, где «расплодились их роды» и откуда они заняли большие пространства «до Алтаю Камени до Ишима и Яика рек»¹⁰⁷.

В процессе колонизации Западной Сибири русские на юге края встретились с ойратскими племенами. В это время, под давлением монголов, ойраты покинули свои старые кочевья и продвигались на запад. В первые десятилетия XVII в. в результате борьбы с другими кочевыми народами — монголами, казаками и ногаями — ойраты заняли южные территории Западной Сибири. Здесь они вступили в отношения с представителями русской власти, русским и ясачным населением уездов Сибири. Принятие русского подданства частью ойратов в 1607 г. было нужно для занятия южных территорий Тарского уезда и мобилизации сил для борьбы с другими кочевыми наро-

дами. После побед ойраты отказались платить ясак и начали борьбу с русскими за эти территории.

Экспансия ойратов была вызвана, в первую очередь, внешнеполитическими причинами (борьбой с тремя народами), но эта борьба, на протяжении первой половины XVII в. шедшая с переменным успехом, не привела к созданию единого государства. Аристократы ойратов так и не смогли признать своим правителем тайшу одного из улусов — так велики были противоречия между ними. Однако тенденция к этому была очевидной. В XVII в. имелись ряд правителей, которых признавали не только свои улусы, но и часть других. По русским источникам, в 10—20-е гг. XVII в. наиболее влиятельным среди ойратов был тайша дербетов, занимавших тогда центральное положение среди групп ойратов, Талай. Позднее его дети не могли пользоваться тем же положением, и новые центры влияния стали формироваться на окраинах ойратского мира — в Джунгарии и на Волге. Остальные ойратские группы на протяжении XVII в. были разбиты или вынуждены перейти под покровительство этих центров, ставших могущественными кочевыми государствами. В результате политическая обстановка к югу от Русского государства стала меняться. В первой половине XVII в. его соседями был ряд независимых ойратских улусов, а во второй половине XVII в. — два государства, одно из которых признало протекторат русских царей.

По преданиям ойратов, владельцы и нойены ойратов в начале XVII в. дали обещание друг другу, что они и их дети не будут воевать между собой. Однако это обещание смогли исполнить позднее только 2 владельца. В XVII в. ойраты вели много войн с другими народами, но еще больше воевали между собой. В этих войнах силы ойратов слабели. Хан Очирту предсказывал, что в скором времени все ойратские племена потеряют свободу и попадут в подчинение соседних государств — Китая и России¹⁰⁸. В середине XVIII в. калмыки на Волге потеряли политическую свободу. В 1758 г. Джунгарское ханство — крупнейшее государство ойратов — было разгромлено китайцами¹⁰⁹.

Борьба между племенами ойратов в 60—90-е гг. XVII в. привела к разрушению ойратского союза. В результате войн хошоуты и дербеты потеряли свою политическую свободу и были подчинены джунгарами и торгоутами. Однако те, в свою очередь, подчинялись своими соседями. В этой борьбе выиграли соперники ойратов — Русское государство, Китай и казахи.

Примечания

1. БАРТОЛЬД В.В. Кипчаки. В кн.: Сочинения. Т. 5. М. 1968, с. 550—551; САФАРГАЛИЕВ М.Г. Распад Золотой Орды. В кн.: На стыке континентов и цивилизаций. М. 1996, с. 307.
2. БАРТОЛЬД В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. В кн.: Сочинения, т. 5, с. 133.
3. МИЛЛЕР Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.—Л. 1941; БАРТОЛЬД В.В. Калмыки. В кн.: Сочинения, т. 5, с. 538; Очерки истории Калмыцкой АССР. Элиста. 1967, с. 54—61; ЭРДНИЕВ У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста. 1985, с. 12—14; БИЧУРИН Н.Я. (ИАКИНФ). Описание Чжунгарии и восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Ч. 1. СПб. 1829, с. 41.

4. Очерки..., с. 70.
5. Там же, с. 71.
6. БАРТОЛЬД В.В. Калмыки, с. 538—540; ИВАНОВ П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.) М. 1958, с. 34; АХМЕДОВ Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. Письменные источники. Ташкент. 1985, с. 199; Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Рязань. 2006, с. 221—223.
7. БАРТОЛЬД В.В. Калмыки, с. 538—540.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 119 (Калмыцкие дела), оп. 2, д. 1630 г., л. 1; КЮНЕР Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. 1961, с. 69; Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста. 1969, с. 51.
9. Калмыцкие историко-литературные памятники..., с. 52; БАРТОЛЬД В.В. Тюрки. В кн.: Сочинения, с. 593.
10. Дополнения к актам историческим (ДАИ). Т. 2. СПб. 1846, с. 151.
11. Очерки..., с. 80.
12. Русско-монгольские отношения 1607—1636. Сб. документов. Т. 1. М. 1959, с. 52.
13. ПАЛЬМОВ Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 1. Астрахань. 1926, с. 8.
14. ЕГО ЖЕ. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань. 1922, с. 32.
15. РГАДА, ф. 113 (Зюнгорские дела), год 1595, д. 1, л. 1—3.
16. БОГОЯВЛЕНСКИЙ С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. В кн.: Исторические записки. Т. 5. М. 1937, с. 61.
17. РГАДА, ф. 214 (Сибирский приказ), кн. 11, л. 22.
18. Там же, л. 39.
19. Там же, л. 57, 73.
20. Русско-монгольские отношения..., т. 1, с. 29; ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ П.С. Калмыки в первой половине XVII в. Дисс. канд. ист. наук. М. 1963.
21. РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 98; МИЛЛЕР Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.—Л. 1941, прил. с. 228; Русско-монгольские отношения..., т. 1, с. 26.
22. Русско-монгольские отношения..., т. 1, с. 25.
23. РГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 1542, л. 128об.; Очерки..., с. 83.
24. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, прил., с. 283.
25. Русско-монгольские отношения..., т. 1, с. 39.
26. РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 136.
27. Там же, ф. 196 (Рукописное собрание Ф.Ф. Мазурина), оп. 1, д. 1542, л. 135; ф. 214, кн. 11, л. 148.
28. Русско-монгольские отношения..., т. 1, с. 80.
29. ГРИГОРЬЕВ В.В. Русская политика в отношении Средней Азии. СПб. 1874, с. 1—10.
30. ТРЕПАВЛОВ В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М. 2007, с. 155.
31. КОЛЕСНИК В. И. Последнее великое кочевье. М. 2003, с. 68—70.
32. ТРЕПАВЛОВ В.В. История ногайской орды. М. 2002, с. 372; БОГОЯВЛЕНСКИЙ С.К. Ук. соч., с. 60.
33. Русско-монгольские отношения..., т. 1, с. 105.
34. РГАДА, ф. 199 (Портфели Г.Ф. Миллера), портфель 477, ч. 2, д. 4, л. 8—11, 16, 21; Международные отношения в Центральной Азии XVII—XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1. М. 1989, с. 54.
35. Русско-монгольские отношения..., т. 1, с. 113.
36. Там же, с. 109.
37. Там же, с. 109.
38. Там же, с. 123.
39. Международные отношения..., кн. 1, с. 58.
40. Русско-монгольские отношения..., т. 1, с. 126.
41. Международные отношения..., кн. 1, с. 58.
42. Русско-монгольские отношения..., т. 1, с. 136.

43. РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 165.
44. Русско-монгольские отношения..., т. 1, с. 54—56.
45. Там же, с. 100—105, 128.
46. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, с. 68.
47. Там же, с. 360.
48. Там же, с. 127.
49. Международные отношения..., кн. 1, с. 58.
50. Там же, с. 72.
51. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, прил., с. 395.
52. ВОЛКОВА К.В. Восстание татар Тарского уезда 1628—1631 гг. В кн.: Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Новосибирск. 1965. с. 117.
53. Русско-монгольские отношения..., т. 1, с. 168.
54. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, прил., с. 455.
55. Там же, с. 532.
56. Там же, с. 521.
57. Русско-монгольские отношения 1636—1654. Сб. документов. Т. 2. М. 1974, с. 67.
58. СПЕРАНСКИЙ М.Н. Повесть о городах Таре и Тюмени. Труды Комиссии по древнерусской литературе Академии наук. Т. 1. Л. 1932, с. 27.
59. Русско-монгольские отношения 1636—1654, т. 2, с. 68.
60. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, прил., с. 485.
61. Сибирский летописный свод. ПСРЛ. Т. 36. М. 1987, с. 153
62. СПЕРАНСКИЙ М.Н. Ук. соч., с. 32.
63. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, прил., с. 490.
64. Русско-монгольские отношения 1636—1654, т. 2, с. 409.
65. Там же, с. 67.
66. РГАДА, ф. 214, ст. 178, л. 51.
67. СПЕРАНСКИЙ М.Н. Ук. соч., с. 27.
68. РГАДА, ф. 214, ст. 178, л. 46.
69. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, прил., с. 465, 538, 563.
70. Там же, с. 481.
71. Там же, с. 516.
72. Русско-монгольские отношения 1636—1654, т. 2, с. 174.
73. Русско-монгольские отношения..., т. 1, с. 177.
74. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, прил., с. 515.
75. Русско-монгольские отношения..., т. 1, с. 153.
76. Там же, с. 158.
77. БОГОЯВЛЕНСКИЙ С.К. Ук. соч., с. 72.
78. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ П.С. Ук. соч., с. 50.
79. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, прил., с. 481.
80. Русско-монгольские отношения 1636—1654, т. 2, с. 156; ЗЛАТКИН И.Я. История джунгарского ханства. М. 1983. с. 128.
81. Русско-монгольские отношения 1636—1654, т. 2, с. 158, 187.
82. Там же, с. 213.
83. ЗЛАТКИН И.Я. Ук. соч., с. 110.
84. БОГОЯВЛЕНСКИЙ С.К. Ук. соч., с. 72.
85. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ П.С. Ук. соч., с. 51.
86. Русско-монгольские отношения..., т. 1, с. 302.
87. Русско-монгольские отношения 1636—1654, т. 2, с. 179.
88. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, прил., с. 515.
89. Там же, с. 516
90. Русско-монгольские отношения 1636—1654, т. 2, с. 371.
91. ЗЛАТКИН И.Я. Ук. соч., с. 113; История Востока. Т. 3. М. 2000, с. 566.
92. Русско-монгольские отношения 1636—1654, т. 2, с. 237.
93. ЗЛАТКИН И.Я. Ук. соч., с. 120.
94. Русско-монгольские отношения 1636—1654, т. 2, с. 179.
95. Там же, с. 90.
96. Там же, с. 238, 242.
97. Там же, с. 227.

98. РГАДА, ф. 113, год 1647, д. 1, л. 11—16; Русско-монгольские отношения 1636—1654, т. 2, с. 244.
99. БАХРУШИН С.В. Ясак в Сибири в XVII в. Научные труды. Т. 3. М. 1955, ч. 2, с. 50.
100. РГАДА, ф. 130 (Сибирские дела), оп. 1, д. 4, 1658 г., л. 1—11.
101. Там же, ф. 113, год 1647, д. 1, л. 11—27; ф. 199, портфель 478, ч. 3, д. 14, л. 3—6; ф. 214, оп. 1, ч. 8, д. 6299, л. 1—3; ф. 248, оп. 8, кн. 473, л. 127.
102. Там же, ф. 214, ст. 455, л. 1; ф. 1111, оп. 2, д. 737, л. 1; Русско-монгольские отношения. Сб. документов. 1654—1685. Т. 3. М. 1996, с. 205.
103. Русско-монгольские отношения 1654—1685, т. 3, с. 18, 286.
104. ВИЛКОВ О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск. 1990, с. 106.
105. АЛЕКСЕЕВ М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск. 1941, с. 558.
106. РГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 1542, л. 123; КРИЖАНИЧ Ю. Политика. М. 1997, с. 98—100; Описание Сибири. В кн.: Сибирские летописи. СПб. 1907, с. 381; АЛЕКСЕЕВ М.П. Ук. соч., с. 357; НИКИТИН Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск. 1988.
107. РГАДА, ф. 196, оп. 1, д. 1542, л. 125.
108. Калмыкские историко-литературные памятники..., с. 147.
109. БАРТОЛЬД В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов..., с. 190.

Граф Алоис Лекса фон Эренталь УДК 94

Е.В. Сироткина

Аннотация. В статье рассматриваются основные вехи биографии министра иностранных дел Австро-Венгерской империи графа Алоиса фон Эрентала.

Ключевые слова: Алоис фон Эренталь, Австро-Венгрия, Габсбургская империя, австрийско-русские отношения, Боснийский кризис.

Abstract. The article examines the key biographical milestones of the Minister of foreign Affairs of the Austro-Hungarian Empire, count Alois von Aehrenthal.

Key words: Alois von Aehrenthal, Austria-Hungary, the Habsburg Empire, the Austrian-Russian relations, the Bosnian crisis.

В результате Боснийского кризиса 1908—1909 гг. российско-австрийские отношения обострились до предела, а о министре иностранных дел Австро-Венгрии бароне Алоисе фон Эрентале иначе как резко критическими словами в России никто и не отзывался.

С той поры прошло уже более 100 лет, но возникает ощущение, что «обида» так и осталась незабытой в России, во всяком случае, об Эрентале до сих пор пишут как об «обманщике», «интригане», «коварном противнике» нашей страны¹. А ведь Эренталь, долгие годы живший в России, в самой Австрии имел репутацию «русософила». Кем же на самом деле был Эренталь — самонадеянным авантюристом, чьи безрассудные действия в конечном итоге привели монархию Габсбургов на порог войны с Россией, или решительным политиком, который последовательно защищал интересы Австрии и добыл для нее крупную дипломатическую победу в 1908—1909 годах?

Барон Алоис Леопольд Иоганн Баптист Лекса фон Эренталь родился 27 сентября 1854 г. в замке Гросскаль в Богемии. Алоис, которого в семье и друзья называли Луи, был вторым сыном барона Иоган-

---

Сироткина Евгения Викторовна — кандидат исторических наук, доцент Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ. E-mail: evgsirotkina@yandex.ru.

Sirotkina Evgenia V. — candidate of historical sciences, associate professor RANERA, Tambov branch. E-mail: evgsirotkina@yandex.ru.

на Лекса Эренталя (1817—1898), немецко-богемского помещика и его супруги Марии (1830—1911) — представительницы знатного богемского рода Тун-Гогенштайнов. Американский историк Соломон Вэнк в 60-е гг. XX в. провел тщательное исследование в чешских архивах генеалогии рода Эренталей. «Предки Эренталя, — писал Вэнк, — по меньшей мере, с последней четверти XVII в. были мелкими фермерами и ремесленниками, которые проживали близ или в самом Пршибраме. Они были римско-католического вероисповедания и, по всей вероятности, чешского происхождения». В 1790 г. предок будущего министра иностранных дел, пражский бюргер Иоганн Антон Лекса был возведен императором Леопольдом II в дворянское сословие и получил приставку «фон» к фамилии Эренталь. А дед будущего министра, Иоганн Баптист фон Эренталь в 1828 г. был возведен в баронское достоинство ².

Сразу после получения юридического образования в университетах Бонна и Праги Эренталь начал свою дипломатическую карьеру в Париже. В 1878 г. он был переведен в Санкт-Петербург, где вскоре благодаря своим способностям и деловым качествам обратил на себя внимание посла Густава Кальноки, который в дальнейшем стал его другом, наставником и благодетелем. После своего назначения в 1881 г. министром иностранных дел Австро-Венгрии Г. Кальноки вызвал молодого секретаря посольства в Вену и сделал его своим помощником. На Балльхаусплац Эренталь прослужил с 1883 по 1888 г., курируя важнейшие вопросы внешней политики Австро-Венгрии, связанные с Россией и Балканами.

Одной из основных тем на протяжении 1870—1880-х гг. в связи с обострением «болгарского кризиса» оставались австрийско-русские отношения. В их основе лежали недоверие и страх перед могущественной и непредсказуемой Российской империей. Австрийский генерал Эдуард Клепш, долгие годы состоявший военным атташе в России, в письме своему другу Эренталю в декабре 1886 г. так оценивал перспективы австрийско-русских отношений и возможности Австрии в случае необходимости рассчитывать на помощь других стран:

«1. Отношение к Англии (полудоверительное).

Отношение к Италии на этот раз с полным доверием, поскольку Болгария (*de facto* и *de jure* снова единая) — русская, и в связи с этим Босфор вскоре может также оказаться русским. Позиции Италии в Средиземном море превращаются в неосуществимую мечту, т.к. оба его совладельца — Франция и Россия — протянув над ним руки, могут вышвырнуть Италию вон. Италия, *начиная с настоящего момента* (курсив автора. — *Е.С.*), боится России, так же как и мы!

2. Как сегодня обстоят дела в балканских государствах мы все прекрасно знаем. А какими они окажутся в ближайшее время — после всех ошибок, совершенных недавно Россией, но при этом успешней пустить глубокие корни в самой Болгарии и в ее окрестностях, — определенно трудно предвидеть! Лучше всего для нас не допускать там согласия! Если уж невозможно окончательно уничтожить любовь к России, все-таки возможно будет посеять затаенную злобу по отношению к “отрекшейся”.

3. Можем ли мы сказать, что обе армии (австрийская и русская. — *Е.С.*) равны сегодня или станут таковыми через 2—10 лет? Очевид-

но, что через два года вооруженные силы России значительно возрастут, благодаря черноморскому флоту и западным укреплениям.

4. Будем держать открытыми глаза на наши собственные привязанности и ценности! Возможно, уже завтра турки душой и телом продадут себя России и позволят, в известной степени, врасплох, захватить русским устье Босфора сухопутными войсками.

И в этом случае потеряет смысл английская помощь, потому что на Балтийском море флот Альбиона ничего существенного никогда не сможет достигнуть, но *все* (курсив автора. — *Е.С.*) будет решаться на Черном море...»³

При этом Клепш, так же как и Эренталь, являвшийся сторонником сохранения Союза трех императоров, полагал, что русский монарх ни в коем случае не готов сам отказаться от этого союза. «Император (Александр III. — *Е.С.*), — писал Клепш, — признает в Европе только 3 равноправные друг другу монархии (Россия — Германия — Австрия). Они должны держаться вместе в силу священнейших серьезнейших взаимных интересов. Никогда император Александр III не пойдет на союз с Францией»⁴.

Еще менее обнадеживающим был анализ перспектив австрийско-русских отношений посла Австро-Венгрии в России графа Антона фон Волькенштейна. 23 (11) января 1887 г. он писал Эренталю: «По моему мнению, русский император не может желать войны. Однако на войну рассчитывает вся русская либеральная партия; партия, которая жаждет установления конституционной системы в России. Либералы жаждут войны, поскольку надеются, что война будет, как многие из них надеются, способствовать претворению в жизнь их идеалов. С другой стороны, ограниченный в полноте своей власти царь не есть царь — и очень и очень спорно является ли он вообще жизнеспособной фигурой? Естественно, что император — который желает оставаться царем — уже по этой причине не может избегать войны. Он будет вынужден либо дать согласие на войну или же верить в то, что должен согласиться на нее. Наступит ли и когда именно этот момент может наступить — это уже проблема!»⁵

С тревогой наблюдали в Австро-Венгрии за ростом националистических настроений в России. 13 апреля 1887 г. Клепш писал Эренталю: «Мы живем здесь, находясь в центре самого зловещего явления, и весь мир, в том числе самые лучшие и самые влиятельные русские, оказались как бы поражены слепотой. Сейчас самый что ни на есть поучительный период для психиатров и просто наблюдателей. Это одновременно и предостерегающий пример того, какое безумное, сбивающее влияние может оказывать на миллионы, на тысячи просвещенных голов не контролируемый авторитет духовных и физических свойств “национального патриотизма”. “Национальность — духовное помешательство — безумие” — это три ступени одной и той же болезни.

Лишь панславянский национализм способен разглядеть в лохмотьях von Benderew, Gruev и Konsorten истинных героев и не замечать опасности собственного “я”.

Только лишенная критичности национальная гордость-фантазия может принимать разлагающие государственные, религиозные и либеральные идеи странного графа, писателя и чудака Толстого за “пик цветения глубин человеческих чувств и мощь созидания”. Лишь за-

мутненный сверху донизу рассудок способен не признавать дезорганизующей деятельности Каткова. — У меня сейчас нет причин сожалеть, что *теперь здесь* (курсив автора. — *Е.С.*) можно свободно читать “Историю французской революции” Тьера. На каждом шагу навязывается подобие. Легкомыслие и слепая вера были характерны для русских столетия назад. Теперь они другие. Повсюду недостаток авторитета и дисциплины, безудержное предание себя чувству ненависти, нахально-бесстыдно-свободное обсуждение даже религиозных вопросов, слепое преклонение перед подобными явлениями даже со стороны хорошего общества — эти и иные наружные явления — легко заметные приметы времени.

...То, что было подготовлено 100 лет назад во Франции, происходит здесь и сейчас. Мы движемся к великой революции.... которая вспыхнет в течение ближайших 10 лет» ⁶.

Именно русский национализм, по мнению Клепша, был способен подтолкнуть Россию к войне: «С кем бы (курсив автора. — *Е.С.*) я не разговаривал, постоянно слышу: России угрожают со всех сторон (т.е. Германия и мы) — России необходимо сосредоточиться на своей защите — *только в этом* (курсив автора. — *Е.С.*) якобы и заключается опасность войны.

Однако тебе *как другу* (курсив автора. — *Е.С.*) расскажу и то, что эти более или менее высокие господа говорят *между собой* (курсив автора. — *Е.С.*) и ты сразу же обнаружишь здесь очевидный подвох. Говоря кратко, это то, что *Я* (курсив автора. — *Е.С.*) называю политической директивой России и то, что, конечно же, никогда и нигде публично не провозглашается.... Германия должна быть повержена, потому что она слишком сильна. Русское слово заглушается, и России препятствуют выполнять ее святую национальную миссию, которую здесь распространяют от Балканского полуострова до — двухвосткой — на юге до Будвайза ⁷ и на севере включая Иллирию ⁸ — территории, которые профессор Ломанский ⁹ называет внутренним вопросом России. Австрию же необходимо низвергнуть, как конкурентку и собственницу того, чем самим бы хотелось владеть... Император Александр III... прислушивается лишь к тем людям, которые принадлежат к панрусской партии» ¹⁰.

Тяжелая болезнь вынудила австро-венгерского посла в России Антона Волькенштейна на длительное время оставить свой пост, а Эренталь получил назначение на должность первого советника посольства в Санкт-Петербурге (1888—1894 г.)

В эти годы Эренталь приобрел известность пророссийски настроенного политика. Вопреки доминировавшему на Балльхаусплац прогерманскому курсу, он был уверен, что Австрии необходимо поддерживать самые тесные контакты с Россией. Консервативные взгляды привели его к убеждению, что сохранение стабильных позиций Габсбургской монархии ставит задачу поддержания по возможности хороших и тесных связей с Россией, а «как убежденный сторонник легитимного порядка он оказался наиболее близок к консервативным кругам России, которые усматривали разрушительную силу в социалистических происках и панславизме» ¹¹.

При этом Россия должна была выступать и в качестве противовеса чрезмерной зависимости Австрии от Германии. У Эренталья оказа-

лось крайне мало сторонников, о чем свидетельствует его переписка с коллегами по дипломатическому цеху, в частности с австрийским дипломатом Р. Цвидинекком.

12—15 августа 1889 г. состоялся визит австрийского императора Франца Иосифа в Берлин, в ходе которого обсуждались международные проблемы. Цвидинек в этой связи в письме от 15 августа 1889 г. к Эренталю, не скрывавшему своих скептических взглядов в отношении австрийско-германского союза, так прокомментировал состоявшиеся переговоры: «О ходе встречи двух императоров в Берлине у нас здесь пока известно не больше, чем об этом можно прочитать в газетах. Несомненно там, особенно с германской стороны, всячески подчеркивается военная ценность союза. Если только я сумел правильно интерпретировать одно из положений Вашего письма, Вас беспокоит, что в Берлине намеренно раздувают раздор между нами и Россией, чтобы таким образом сделать невозможным взаимопонимание между нами. Должен заметить, что в этом отношении я в целом не разделяю Ваших взглядов, впрочем, возможно, я заблуждаюсь. И все же мне кажется, что союз с Германией уже сослужил нам существенную службу, т.к. без него мы или были бы вынуждены уступить Балканы русским, или мы бы уже находились с ними в состоянии войны. Возможно, я ошибаюсь, но тем не менее, я убежден, что Россия с самого начала имела своей целью всячески препятствовать самостоятельному государственному развитию этой нации (болгарской. — *Е.С.*) — в то время как для нас важнее всего, чтобы независимая Болгария продолжала оставаться противовесом против успешного претворения панславянских и великосербских планов. И так как эти противоречия до сих пор не преодолены, я не верю, что было бы возможно даже *modus vivendi*¹² между нами и Россией, без подготовки нами этой в какой-то мере будущей базы для нападения»¹³.

В письме к Эренталю от 10 октября 1889 г. Цвидинек продолжал развивать тему австрийско-германских и австрийско-российских отношений: «Ваша точка зрения о том, что нам в наших отношениях с Россией необходимо отказаться от практики во всем придерживаться германского влияния, дала мне материал для самых серьезных размышлений. Совершенно справедливо, что наши интересы совпадают не во всех без исключения направлениях с Германией — и наоборот — исходя из этого, мы всегда должны быть осмотрительны в политике использования союзнических отношений ради одной лишь милости нашего союзника»¹⁴.

Через шесть лет Эренталь вернулся в Вену, где в качестве правой руки Кальноки добился признания за собой звания эксперта в делах России. В мае 1895 г. после отставки Кальноки с поста министра иностранных дел, Эренталь был отправлен посланником в Румынию (1895—1896 гг.), а затем получил назначение на пост посла Австро-Венгерской империи в Санкт-Петербурге (1899—1906 гг.). В эти годы он, наконец, обрел и личное счастье. В 1902 г. Эренталь женится на венгерской графине Пауле Сечензи (1871—1945), в браке с которой у него родилось трое детей.

В течение семи лет пребывания в России Эренталь сумел хорошо выучить русский язык, он серьезно изучал русскую литературу и во-

обще считался знатоком всего русского. Он смог завоевать симпатии царского двора и самого императора Николая II. Эренталь питал искренний интерес к России и был убежден, что Австро-Венгрия и Россия могут и должны сотрудничать. Бернгард фон Бюлов, в 1900—1909 гг. занимавший пост канцлера Германской империи, писал в 1906 г. своему императору Вильгельму II, что «многие при австрийском дворе и особенно барон Эренталь по-прежнему считают “Союз трех императоров” своим политическим идеалом»¹⁵.

В обстановке обострения международных отношений в конце 1906 г. в Австро-Венгрии разразился министерский кризис. Вследствие постоянных нападков венгерских депутатов и острой критики со стороны мадьярской прессы прежний глава Министерства иностранных дел Агенор Голуховский 22 октября 1906 г. подал в отставку. Два дня спустя его преемником стал барон Эренталь.

«Воистину тяжелое решение в наших отчаянных обстоятельствах принимать наследство Голуховского, — так оценивал это назначение своего племянника граф Франц Тун. — Но как же невыразимо труден твой пост: ты должен представлять общность, сохранять достойные уважения величие и престиж Габсбургской империи, но как же печально выглядит теперь эта общность, как много за последнее время из всего этого было принесено в жертву»¹⁶. В семейной корреспонденции нового министра иностранных дел можно обнаружить всего одно лаконичное замечание по поводу этого назначения. 24 октября 1906 г. Эренталь написал матери: «Твой старший сын пойман старым императором. Не остается ничего другого как надеяться на Бога и выполнять свои обязанности»¹⁷. На следующий день Эренталем было отправлено еще одно письмо — на этот раз наследнику австро-венгерского престола эрцгерцогу Францу Фердинанду, в котором он уже прямо говорил о своей «жертве»: «Принимая предложение, я должен был выдержать трудную борьбу со своей совестью и со своими убеждениями. Быть наследником Голуховского — бесконечно тяжелое бремя. Лишь будучи преданным слугой Его Величества, я принес эту патристическую жертву, и мной как верным слугой заполнили брешь в надежде, возможно, еще сохранить status quo и задержать дальнейшее соскальзывание по наклонной плоскости»¹⁸.

Австрийская и германская пресса в большинстве своем с воодушевлением восприняла назначение Эренталю¹⁹. «Назначение барона фон Эренталю главой Министерства иностранных дел приветствуется

прежде всего друзьями благоразумной и целеустремленной политики... известный факт, что господин Эренталь является верным сторонником Тройственного союза и особенно альянса с Германией, понимаемого как оплот внешней политики Монархии», — писала «Винер Алльгемайне Цайтунг»²⁰. По мнению «Ди Нойе Фрайе Прессе»: «Будущему министру пойдут на пользу его профессиональная подготовка и опыт, которые были им накоплены при министре Кальноки»²¹. «Винер Райхспост» в свою очередь написала, что с его назначением «кризис в нашем внешнеполитическом ведомстве был урегулирован, и мы не колеблясь, скажем, что мы полностью удовлетворены»²².

Мнение профессиональных дипломатов в целом совпадало с голосами прессы. «Кризис вследствие твоего назначения был разрешен», — писал посол в Лондоне граф Менсдорфф-Поуилли Эренталю. В этом же письме он информировал нового министра иностранных дел о реакции Великобритании на его назначение: «Твое назначение восприняли здесь очень хорошо. Король сообщил мне, что он надеется, что сможет наконец-то с доверием относиться к нашей внешней политике под твоим руководством, а когда пришло официальное уведомление о твоем назначении, Его Величество сказал, что это был единственно правильный выбор.... В Форин Оффис высказали по поводу твоего назначения искреннюю радость и восторг...»²³.

Лейтмотивом всей политической деятельности Эренталья станет сохранение и укрепление единства Габсбургской монархии. Его поддержка системы дуализма и связанного с нею преобладания в политической жизни империи венгров и немцев, а также защита немецкого характера общей монархии, базировались на том, что это был единственный реалистичный способ сохранения монархического единства. Концепция дуализма, однако, требовала, чтобы как мадьяры, так и немцы, подчиняли свои национальные политические соображения интересам империи. Кроме того, он считал, что министру иностранных дел Австро-Венгрии следовало бы принять на себя и роль имперского канцлера, который проводил бы общеимперскую политику, в том числе и во внутренней политике Цислейтании и Транслейтании, в духе имперского единства, и «лишь в этом случае вообще можно будет вести речь о внешней политике»²⁴.

Новый шеф венского Балльхаусплац по своим взглядам и убеждениям во многом отличался от своего предшественника. В то время как Голуховский оставался последовательным сторонником сохранения существовавшего status quo в международных делах, энергичный Эренталь стремился к претворению конструктивной и последовательной внешней политики, направленной на улучшение в целом международных позиций Монархии.

Методы Эренталья также существенно отличались от методов «удобного» Голуховского. Новый министр иностранных дел Австро-Венгрии отличался решительностью — «канцлер жесткий как резина», — так отзывались о нем некоторые из его коллег. «Подобно леву, — писал принц Фюренберг, — он даже *сидя* (курсив автора. — Е.С.), утрамбовывает лапами землю». У Эренталья никогда не было недостатка в идеях и во вдохновении. Часто его коллеги упрекали его в том, что он слишком «задержался» в XVIII в. и чересчур много

думает о «кабинете», не считаясь с течениями общественного мнения. Доставалось ему и за «ужасную привычку» игнорировать неудобные для него факты, которые не вписывались в его планы ²⁵.

Первый период пребывания Эренталя на посту (1906—1908 гг.) был относительно спокойным. В эти годы все еще сохранялись мирные договоренности, достигнутые между Дунайской монархией и Россией относительно Балкан, и Вена, в данный момент не нуждаясь в активной поддержке со стороны своей союзницы Германии, пыталась проводить относительно самостоятельную внешнюю политику. Монархистско-консервативные взгляды Эренталя привели его к убеждению, что для сохранения стабильного международного положения Габсбургской империи, ей необходимо поддерживать самые тесные дружеские связи с Россией, а «как убежденный сторонник легитимизма, он разделял тревогу консервативных кругов России, которые видели как в социалистических происках, так и в панславизме разрушительную силу» ²⁶.

В инструкции новому послу в России графу Леопольду Берхтольду Эренталь писал, что отношения Австро-Венгрии с Россией необходимо рассматривать, исходя из двух позиций: с точки зрения проведения охранительной политики в Центральной Европе и через призму Балканского вопроса. В Центральной Европе, по мнению Эренталя, Австрию и Россию объединяли общие интересы. «Первостепенное значение здесь, — подчеркивал Эренталь, — занимает солидарность монархических интересов Австро-Венгрии, России и Германии в деле общей защиты от социально-революционной волны, которая ныне угрожает затопить с востока Европу». Связывал три монархии и «польский вопрос», так как они опасались его превращения из внутривосточного (польские земли входили в состав трех империй. — *Е.С.*) в международный. Наконец, указывал Эренталь, в позициях трех империй существовала общность взглядов по вопросу о разоружении, продемонстрированная ими на Гагской конференции ²⁷.

Будучи лично знакомым с русскими политиками и зная не понаслышке об их взглядах, Эренталь несколько не обманывался насчет возможности легко и просто восстановить австрийско-русский союз. «У меня нет никаких иллюзий, — писал он, — относительно того, что император Николай — это лишь легко поддающийся влиянию и колеблющийся правитель; что господин Извольский имеет склонность к проведению дружественной политики в отношении Англии и что растерянные либеральствующие и заигрывающие с панславизмом придворные круги вновь могут всплыть на поверхность. Но все же хотелось бы со всеми предосторожностями, самым внимательным образом иметь в виду желательность дальнейшей консолидации наших с Германией отношений с Россией, хотя бы для того, чтобы воспрепятствовать угрозе установления англо-русской дружбы» ²⁸.

Относительно Балканского, наиболее острого для Австрии и России вопроса, с обеих сторон, по мнению Эренталя, было сделано все для того, чтобы продолжить политику мирного сотрудничества. «Что касается *Ближнего Востока* (курсив автора. — *Е.С.*), — отмечал Эренталь, — то здесь следует выделить два этапа нашей политики. Во время посещения в начале 1897 г. императором Николаем Нашего Всемилостивейшего Государя состоялся общий *теоретический* обмен

мнениями (курсив автора. — *Е.С.*). Стороны констатировали, что интересам обеих империй соответствует политика, направленная на сохранение status quo в европейской Турции. Следующим шагом в этом позитивном направлении стало проведение конференции ведущих государственных деятелей осенью 1903 г. в Вене и в Мюрцштеге. Программа, получившая название по месту последнего проведения конференции, стала базисом, на котором с тех пор и осуществляются все мирные старания в Македонии. Я придаю большое значение продолжению этой акции в духе союзнической политики с Россией»²⁹.

Эренталь, таким образом, был настроен на дальнейшее многостороннее сотрудничество с Россией, в том числе и на Балканском полуострове, что позволило бы Австрии поддерживать более устойчивую систему международных отношений и одновременно дистанцироваться от Германии и ее становившейся все более агрессивной внешней политики.

Австрийско-российский союз, которым, по мнению Эренталя, столь непростительно пренебрегал Голуховский, он рассматривал как собственный успех. В первые два года своего министерства он подчеркивал, что сотрудничать с Россией являлся движущей силой его политики.

Эренталь никогда не сомневался в первостепенной важности Двойственного союза для безопасности Австрии. В период между первым Марокканским кризисом (1905—1906 гг.) и Гагской мирной конференцией (1907 г.) он оказывал неизменную поддержку Германии в борьбе с опасностью, которая, как он полагал долгое время, исходит из намерений Британии окружить Германию. Вместе с тем, он был убежден, что внутри Двойственного союза Монархия должна по меньшей мере стать равноправной союзницей Германии. Более того, его целью было превращение Австрии в лидирующего партнера. При этом его не останавливали ни возможность использовать ухудшение позиций Германии в целом в европейской системе международных отношений, ни тот факт, что Монархия, фактически являвшаяся слабейшим партнером, просто была не способна выполнять лидирующую роль в союзе. Для того, чтобы уменьшить зависимость Монархии от Берлина, Эренталь упорно трудился над улучшением отношений с Италией. Сходные соображения руководили им и в попытках воплощения в жизнь его идеи фикс: превратить австро-русский союз в обновленный Союз трех императоров — на этот раз, естественно, под руководством Вены.

Возникает вопрос, возможно ли было долгое время совмещать столь различные цели, как защита позиций Австро-Венгрии в ее собственной сфере влияния и усиление ее присутствия как в Османской империи, так и в Балканских государствах, что само по себе, если задуматься, являлось нелегкой задачей, так как последние мечтали разрушить первую.

Имелись и иные препятствия, мешавшие установлению по-настоящему сердечных отношений с Санкт-Петербургом. Во-первых, в превратившейся в результате революции 1905—1907 гг. в конституционную монархию России, националистическое общественное мнение теперь свободно высказывало как в Думе, так и в прессе, свои прославянские и нерасположенные к продолжению австрийско-рос-

сийского союза настроения. Общественное мнение России оказалось настроено решительно негативно по отношению к Союзу трех императоров. Такого рода настроения с удовольствием воспринимались новым министром иностранных дел России А.П. Извольским. Кроме того, Извольский полагал, что безопасность России, которая сильно пострадала в результате русско-японской войны и революции 1905—1907 гг., лучше всего могла быть защищена в том случае, если он сумеет заключить договоры с максимальным числом держав и ни с одной из них не допустит конфронтации. Извольский в значительно меньшей степени, чем Николай II, был склонен к восстановлению Союза трех императоров с его реакционной сущностью и дополнительным антианглийским звучанием. Он хотел продолжения австро-русского союза, но также надеялся, что это будет возможно в связке с российско-английским сотрудничеством на Востоке. Эренталь очень скоро с огорчением заметил, что Санкт-Петербург был готов поддерживать английские требования по проведению радикальных реформ в Македонии, в то время как он сам опасался, что подобные реформы способны привести к конфронтации с султаном и нарушению равновесия на Востоке в целом.

«Раз уж Извольский не готов пройти с нами сквозь огонь и воду, то я предпочитаю *прежде всего* (курсив автора. — Е.С.) присоединиться к англичанам», — так высказался Эренталь³⁰. Слова Эренталья указывали не только на наметившийся кризис в австрийско-русском союзе, но и на общее ухудшение австрийско-германских связей. Английские предложения на Гаагской конференции об ограничении вооружений оказались по сути совершенно безвредными, в то время как Германию, казалось, совершенно не волновало, что в результате ее действий центральноевропейским державам угрожала изоляция. Эренталь утверждал, что германская политика являлась «rhapsodisch»³¹, а английская — «realistisch»³², и было бы правильнее присоединиться к более «разумной» державе³³.

Когда Эдуард VII в августе 1907 г. посетил Ишль, казалось, что Эренталь достиг известного успеха. Англичане обещали поддержку Австро-Венгрии в ее усилиях укрепить реформами Османскую империю и осудили Балканские страны за их участие в терроризме в Македонии. Так что Эренталь вначале был не слишком обеспокоен сближением Англии и России в результате подписания 18 (31) августа 1907 г. конвенции по делам Персии, Афганистана и Тибета³⁴. Во всяком случае, он воспринял эту конвенцию как направленную, прежде всего, на решение именно азиатских вопросов. Когда в сентябре того же года во время своего посещения Вены Извольский не только подтвердил верность Мюрцштегской системе, но и сверх того пообещал распространить принципы союза на те случаи, в которых речь шла об изменении статуса Проливов и даже, возможно, Боснии, казалось, что Эренталь не только укрепил союз с Россией, но и усилил его благодаря сотрудничеству с Великобританией.

Разочарование не заставило себя долго ждать. Осенью 1907 г. прошла конференция послов в Константинополе по вопросу о проведении реформы системы юстиции в Македонии. Очень скоро обнаружилось, что англичане по-прежнему настаивают на проведении радикальных мер, с которыми ни султан, ни его германские друзья

никогда бы не согласились. Также выяснилось, что русский посол вновь предпочел поддержать своего английского, а не австро-венгерского коллегу. В декабре Эренталь был вынужден признать, что дни Мюрцштегской системы и совместного австро-российского контроля над Македонией сочтены. Поэтому, пока еще в ней теплилась жизнь, Эренталь решил заняться расширением австро-венгерского влияния на Балканском полуострове.

Центральным звеном этой политики стало строительство протяженной сети железных дорог. Австро-Венгрия добивалась своего преобладающего положения в Салоникском и Косовском вилайетах и согласия на постройку железной дороги из Боснии через Новобазарский санджак до Митровец, уже соединенных железнодорожной линией с Салониками. В феврале 1907 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии подписал меморандум о строительстве целого ряда балканских железных дорог. Связующая линия железных дорог через Боснию к Адриатике должна была вернуть Сербию в сферу экономического влияния Монархии. 25 мая министр иностранных дел Порты и австрийский посол подписали военную конвенцию и «Особый протокол» о концессиях в Салоникском и Косовском вилайетах, ставших впредь областями монопольной эксплуатации двух империй. Месяц спустя оба документа были ратифицированы.

В ответ на планы Эренталья, публично озвучившего их в январе 1908 г., в Санкт-Петербурге поднялась волна протеста. Это доказывало, что в России стали более реалистично, чем прежде, оценивать усиление экономического и политического влияния Австрии на Балканском полуострове. Возмущены были и в Великобритании, которая обвинила австрийцев в сознательном саботировании реформ в Македонии ради права строительства железных дорог на Балканах. Англичане ошибочно предполагали, что за всеми этими планами стоит Германия. С другой стороны, британское Министерство иностранных дел с удовлетворением констатировало, что «борьба между Австрией и Россией за Балканский полуостров началась, и Россия больше не будет мешать нам в Азии»³⁵.

Очевидно, что Эренталь был не единственным кто нес ответственность за возникшие трудности. Во всяком случае, англичан обрадовала новость, что Извольский заявил британскому послу А. Никольсону, что хотел бы «выйти из совместных действий с Австрией и объединиться... с теми державами, которые искренне желают реформ»³⁶.

4 февраля Извольский вручил австрийскому послу Л. Берхтольду ноту и письмо по поводу железнодорожных и других экономических планов Вены на Балканах, расценив их как попытку нарушения status quo в регионе, которая принудила бы Россию принять соответствующие меры для ограждения ее интересов.

Извольский все-таки попытался еще раз прояснить перспективы отношений с Австро-Венгрией. 19 июня 1908 г. австрийскому послу была передана памятная записка, излагавшая мнение российского МИД по возбужденным Эренталем вопросам. Касясь железнодорожных проектов, Извольский предлагал компромиссное решение: признать право всех Балканских государств на концессии, соответствующие их экономическим интересам, и взаимно не противодействовать предлагаемым Митровицкой и Дунайско-Адриатической линиям. В

отношении македонских реформ предпринималась попытка склонить Двудиную монархию к принятию последнего проекта.

Но самая существенная часть памятной записки касалась трактовки соглашения 1897 года. Сначала подтверждалась верность зафиксированному в нем принципу незаинтересованности и желательность поддержания сложившейся ситуации так долго, как позволят обстоятельства. Однако далее Извольский выражал готовность обсудить в дружественном духе вопросы об аннексии Боснии, Герцеговины и Новобарарского санджака и о видах России на Константинополь с прилегающей территорией и Проливы. Он, правда, оговаривал, что оба вопроса имеют европейский характер и не могут быть решены путем сепаратного соглашения между Россией и Австро-Венгрией³⁷. В июле 1908 г. Эренталь с Извольским начали переговоры о возможности изменения существующего status quo — опасное занятие, которого разумно избегали Голуховский с Ламздорфом.

Австро-Венгерская империя стремилась прочно обосноваться на Адриатическом побережье, и для этого ей необходимо было присоединить турецкие провинции Боснию и Герцеговину. Согласно XXV статье Берлинского трактата 1878 г., эти земли находились под управлением Австро-Венгрии, но формально оставались в составе Турции. Статус территорий, оккупированных Австро-Венгрией в 1878 г., был непонятным: ни Цислейтания, ни Транслейтания не захотели взять Боснию и Герцеговину под свою опеку, опасаясь дальнейшей эскалации этнических и религиозных конфликтов, ведь 42,9% населения этих областей составляли православные сербы, 21,3% — хорваты-католики, 35% — босняки, то есть славяне-мусульмане, чьи предки некогда под давлением турок приняли ислам, а еще примерно 0,5% — иудеи. Однако аннексия Боснии и Герцеговины не только де-факто, но и де-юре, могла бы, по мнению Эренталя, укрепить позиции Австро-Венгрии в стратегически важной части Балканского полуострова. И начавшаяся в это время Младотурецкая революция предоставила Вене все шансы.

19 августа 1908 г. на заседании кабинета министров Эренталь заявил, что настал выгодный момент для аннексии. По его словам, это можно было сделать, не вызвав серьезных внешнеполитических осложнений. Соблазн окончательно закрепить за Австрией дополнительные территории был велик, но вместе с тем существовали опасения, что результатом аннексии Боснии и Герцеговины могла стать конфронтация с Россией. Эренталь заявил, что сумеет достигнуть компромисса с русскими. Действительно, 16 сентября на переговорах в моравском замке Бухлау ему удалось добиться от министра иностранных дел России Извольского обещания, что Петербург не станет возражать против присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии. Извольский писал своему помощнику Н. Чарыкову, что правительство Австро-Венгрии окончательно приняло решение об аннексии и рассчитывает на его признание Россией. «Решение Вены, — сообщал он, — в ближайшее время объявить об аннексии Боснии и Герцеговины представляется окончательным и бесповоротным. (Это) решение... не касается ни наших стратегических, ни экономических интересов»³⁸. И на самом деле, геополитическая ситуация на Балканах не должна была измениться кардинальным образом:

Австро-Венгрия лишь окончательно забирала то, чем фактически уже владела 30 лет.

На встрече с Эренталем Извольский заявил, что Россия не станет возражать против аннексии Боснии и Герцеговины, если Австро-Венгрия, в свою очередь, поддержит требование Петербурга изменить статус Босфора и Дарданелл: все суда России и других государств Черного моря могли бы входить и выходить через Проливы при сохранении принципа закрытия Проливов для военных судов других наций. Эренталь согласился, поскольку резонно полагал, что другие великие державы, в первую очередь Великобритания, не пойдут навстречу пожеланиям русских. Так и случилось.

Между тем, сделка была неравноценной. Как остроумно заметил академик В.И. Хвостов, «Эренталь получал синицу в руки, а продавал он русским — журавля в небе»³⁹. Аннексия после тридцатилетнего австро-венгерского управления Боснией и Герцеговиной была шагом, логически объяснимым, тогда как Россия Проливами никогда не владела и не могла самостоятельно решить вопрос, урегулированный на международном уровне⁴⁰. Если Эренталь явился в Бухлау после двукратного рассмотрения вопроса об аннексии австрийским правительством, бесед со статс-секретарем по иностранным делам Германии В. фон Шёном и встреч с итальянским министром иностранных дел Т. Титтони, то Извольскому аналогичная работа еще только предстояла.

Тем временем, 6 октября 1908 г., Франц Иосиф официально заявил о предстоящей аннексии. В то же время реакция западных держав на инициативу России оказалась более чем сдержанной. Франция и Англия показали русской дипломатии, «что дорога к мирному разрешению вопроса о Проливах лежит из Петербурга не через Берлин — Вену, а через Лондон — Париж, и показали это в самой решительной форме, не оставлявшей места для каких-либо сомнений и колебаний»⁴¹.

Аннексия Веной Боснии и Герцеговины 8 октября 1908 г. стала непосредственной причиной Боснийского кризиса и вызвала резко негативную реакцию со стороны Сербии и России. Правительства Сербии и Черногории объявили в своих странах мобилизацию. Правящие круги обоих государств полагали, что Босния и Герцеговина — это исторически сербские провинции, и они должны быть интегрированы в общесербское культурное пространство. Сербия при этом рассчитывала на всестороннюю поддержку своей союзницы — России.

Извольский заявил, что Эренталь обманул его в Бухлау. Тот факт, что глава русской дипломатии согласился с экспансионистскими планами Вены, касавшимися земель, на которые претендовала Сербия, вызвал бурю негодования среди славянофилов. Извольский подвергся резкой критике в Государственной думе, а общественность обвиняла его чуть ли не в предательстве. Однако Россия, ослабленная войной с Японией и революцией 1905 г., не могла воевать — особенно с учетом того, что из Берлина прозвучали заверения в безоговорочной верности Германии союзу с Дунайской монархией.

Германский канцлер Б. фон Бюлов назвал крупной ошибкой Извольского то, что тот в Бухлау не спросил Эренталья прямо и без обиняков, когда и в какой форме Вена намеревается аннексировать

Боснию и Герцеговину. Ошибкой было и то, что ошеломленный Извольский вместо того, чтобы вернуться в Петербург и защищать свою позицию перед Думой и царем, комичным образом отправился объезжать все европейские столицы ⁴².

22 марта 1909 г. германский посол в России граф Ф. Пурталес вручил Извольскому предложения по разрешению кризиса, скорее напоминавшие ультиматум. России предлагалось дать немедленный и недвусмысленный ответ о согласии либо отказе признать аннексию Боснии и Герцеговины. Пурталес дал понять, что отрицательный ответ повлечет за собой нападение Австро-Венгрии на Сербию. Дополнительно было выдвинуто требование о прекращении дипломатической поддержки Сербии.

Общественное мнение России целиком было на стороне балканских славян и требовало выступить на стороне Сербии. Однако в Вене полагали, что Санкт-Петербург не осмелится пойти на вооруженный конфликт с Австро-Венгрией и не будет в состоянии воевать. «Русский медведь, — считал Эренталь, — будет рычать, но не укусит» ⁴³.

И он оказался прав. Царское правительство признало, что Россия к войне не готова. Министр финансов В.В. Коковцев был против принятия решения, могущего привести к войне и губительного для денежной системы страны. Военный министр В.А. Сухомлинов утверждал, что русская армия реорганизуется и находится не в том положении, в котором она могла бы предпринять серьезную военную кампанию. Совет министров единодушно решил принять германское предложение. Николай II телеграфировал кайзеру Германии Вильгельму II о согласии принять все германские требования. Это означало, что российская балканская политика потерпела полное фиаско, которое современники, памятуя о недавно завершившейся неудачной для России войне с Японией, назвали «дипломатической Цусимой».

Лидер партии кадетов П.Н. Милюков писал, что «ряд этих неудач — свидание в Бухлау, аннексия, австрийский и германский ультиматумы и безусловная сдача России, произвел огромное и тяжелое впечатление в русском обществе всех направлений» ⁴⁴. Действия Австро-Венгрии и Германии вызвали чувство глубокой вражды к Вене и Берлину и заставили тех, кто до сих пор колебался и сомневался, искать более тесного союза с западными державами и особенно с Англией.

31 марта 1909 г. сербский посол в Вене передал Эренталю ноту, означавшую полное дипломатическое отступление Сербии. Боснийский кризис завершился. 9 апреля 1909 г. Эренталь за заслуги перед отечеством получил титул графа.

Боснийский кризис и дипломатическое поражение России окончательно подорвали отношения Австро-Венгрии и России. Так же как и после окончания Крымской войны, Россия затаила глубокую обиду и окончательно оттолкнула от себя Австрию.

В последние шесть лет перед первой мировой войной европейская политика представляла собой череду почти непрерывных кризисов. Соперничество между двумя блоками — Антантой и Тройственным союзом — становилось все более острым. При этом в руководстве великих держав как по одну, так и по другую сторону геополитической

баррикады не было единства. Практически в каждой европейской столице наблюдалось противостояние «ястребов» и «голубей» — тех, кто считал, что лишь меч может разрешить противоречия между странами-конкурентами, и тех, кто предпочитал дипломатические методы.

В Австрии после завершения кризиса возникла иллюзия «неуязвимости». Все чаще звучали голоса, призывавшие к проведению активной внешней политики. Но министр иностранных дел понимал, что большая война, особенно с Россией, может стать для Дунайской монархии последней. Своей позицией Эренталь нажил себе врага в лице начальника генерального штаба Австро-Венгрии Конрада фон Гетцендорфа, который рвался в бой, если не с Россией, то, по крайней мере, с Сербией или Италией. Францу Иосифу, не желавшему внешнеполитических конфликтов, пришлось даже осадить ретивого начальника генштаба, напомнив ему, что политика мира, которую проводит Эренталь, это его, императора, политика.

В 1911 г. состояние здоровья Эренталья резко ухудшилось, и он почти перестал бывать на Балльхаусплац, в основном, продолжая работать дома. Уже будучи смертельно больным, Эренталь 12 декабря 1911 г. писал в секретной памятной записке об отношениях с Россией: «Император Николай, возможно, в силу заложенных в основу его принципов монархических убеждений и глубоких симпатий к всемиловивейшей персоне Нашего кайзеровско-королевского Апостолического Величества не отказался бы от совместных действий с нами, но у него слабый характер, и он должен учитывать народные настроения...»⁴⁵ В то же время надежда на восстановление союза с Российской империей не оставляла его: «Монархия... лишь ожидает момента, когда общее политическое положение или какая-либо особенная политическая ситуация в России окажут содействие ее сближению с нами. Следствием подобного сближения, которому венский кабинет незамедлительно пойдет навстречу, станет возможность восстановления близких связей между Монархией и Россией, возможность, которая всегда учитывалась венским кабинетом»⁴⁶.

В начале 1912 г. по состоянию здоровья Эренталь подал в отставку. 17 февраля 1912 г. император Франц Иосиф утвердил его преемником Леопольда Берхтольда. С выражением «самой теплой благодарности» бывший министр иностранных дел по указу императора был награжден большим крестом с бриллиантами ордена Святого Стефана. В тот же вечер Алоис фон Эренталь скончался от лейкемии.

Однозначно ответить на вопрос, какую роль сыграл Эренталь в ухудшении австрийско-российских отношений невозможно. Тот факт, что именно при нем эти отношения окончательно испортились, можно считать свидетельством горькой иронии истории. Эренталь лично всегда испытывал расположение к России, но как верный слуга своего императора, выше всего ставивший интересы Габсбургской монархии, он не мог не использовать стечение обстоятельств, благоприятных для укрепления международных позиций своей страны, пусть даже ценой ухудшения отношений с Россией. Похоже, что Эренталь верил, что локальный конфликт не перерастет в глобальную войну. То, что Боснийский кризис 1908—1909 гг., спровоцированный Австро-Венгрией, едва не привел к крупномасштабной войне и послужил

прологом первой мировой войны, вряд ли может быть подвергнуто сомнению. Однако судить поступки действующих лиц 1908 г., зная о том, что произошло шесть лет спустя, невозможно: ведь ни Эрен-таль, ни кто-нибудь другой из его современников знать об этом не могли.

Примечания

1. БЕСТУЖЕВ И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. М. 1961; История дипломатии. Т. II. М. 1963; ВИНОГРАДОВ К.Б. Боснийский кризис 1908—1909 гг. Пролог первой мировой войны. Л. 1964; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М. 1997; МУЛЬТАТУЛИ П.В. Внешняя политика императора Николая II (1894—1917). М. 2012; ШАРЫЙ А., ШИМОВ Я. Корни и корона: Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. М. 2011.
2. WANK S. A Note on the Genealogy of Fact: Aehrenthal's Jewish Ancestry. — *Journal of Modern History*. 1969, № 31, p. 319—326.
3. Aus dem Nachlass Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen- und Aussenpolitik. 1885—1912. Т. 1. Graz. 1994, S. 15.
4. Ibidem.
5. Ibid., S. 17.
6. Ibid., S. 18—19.
7. Чеш. České Budějovice, нем. Budweis. Ческе-Будеёвице (Будвайз) — город, административный центр Южной Чехии.
8. Иллирия — древнее название западной части Балканского полуострова.
9. Ломанский Владимир Иванович (1833—1914) — историк-славист, один из первых русских геополитиков, создатель исторической школы русских славистов, отстаивавших славянофильские и панславистские идеи.
10. Aus dem Nachlass Aehrenthal..., S. 19—20.
11. HANTSCH H. Aussenminister Alois Lexa Graf Aehrenthal (1854—1912). In: *Gestalter der Geschichte Österreichs*, Bd. 2, S. 516.
12. Временное соглашение.
13. Aus dem Nachlass Aehrenthal..., S. 35.
14. Ibid., S. 36.
15. Die Grosse Politik der europäischen Kabinette. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes herausgegeben von. J. Lepsius, A.M. Barthold, F. Thimme. 3. Auflage. Bd. 22. Die österreichisch-russische Entente und Balkan. 1904—1907. Berlin. 1925, S. 50—51.
16. Цит. по: SKŘIVAN A. Aehrenthal — das Profil eines österreichischen Staatsmanns und Diplomaten alter Schule. In: *Prague Papers on the History of International Relations*. Prag-Wien. 2007, p. 179.
17. Alois Aehrenthal an seine Mutter. Wien. 24.10.1906. In: *Die Aehrenthals. Eine Familie in ihrer Korrespondenz. 1872—1911*. Bd. 2 (1896—1911). Wien-Köln-Weimar. 2002, S. 915.
18. Aus dem Nachlass Aehrenthal..., S. 410—411.
19. Berichte und Kommentare der Blätter Allgemeine Zeitung (München), Deutsches Volksblatt, Neue Freie Presse, Neue Kleines Journal (Budapest), Das Vaterland, Wiener Allgemeine Zeitung, Die Zeit. 24.10.1906; Wiener Reichspost. 25.10.1906.
20. Wiener Allgemeine Zeitung. 24.10.1906.
21. Neue Freie Presse. 24.10.1906.
22. Wiener Reichspost. 25.10.1906.
23. Цит. по: SKŘIVAN A. Op. cit., p. 182.
24. Aus dem Nachlass Aehrenthal..., Doc. 275.
25. Цит. по: *Die Habsburgermonarchie, 1848—1918*. Im Auftrag der Kommission für die Geschichte der österreichisch-ungarische Monarchie (1848—1918). Bd. VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. Т. 1. Wien. 1989, S. 310.

26. HANTSCH H. Op. cit., S. 516.
27. Aus dem Nachlass Aehrenthal..., Т. 2. 1994, S. 467.
28. Ibid, S. 468.
29. Ibidem.
30. Цит. по: Die Habsburgermonarchie, 1848—1918..., S. 312.
31. Музыкальный термин, означающий фрагментарность, несвязность.
32. Реалистичной.
33. Die Habsburgermonarchie, 1848—1918..., S. 312.
34. Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М. 1952.
35. Die Habsburgermonarchie, 1848—1918..., S. 313.
36. BRIDGE F.K. From Sadowa to Sarajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary, 1866—1914. L.-Boston. 1972, p. 298.
37. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А.М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М. 1926, приложение 6, с. 355—357.
38. Извольский — Чарыкову, 16 сентября 1908 г. — Исторический архив. 1962, № 5, с. 123.
39. История дипломатии. Т. II. М. 1963, с. 653.
40. ИГНАТЬЕВ А.В. Внешняя политика России 1907—1914. М. 2000, с. 77.
41. Проливы. М. 1923, с. 79.
42. БЮЛОВ Б. Воспоминания. М. 1935, с. 350.
43. TYLER M. The European Powers and the Near East 1875—1908. Mineapolis. 1925, p. 205.
44. МИЛЮКОВ П.Н. Балканский кризис и политика А.П. Извольского. М. 1910, с. 305.
45. Aus dem Nachlass Aehrenthal..., Т. 2, S. 760.
46. Ibidem.

Из истории идеи института президентства в России

В.В. Ишутин

Аннотация. В статье дан краткий очерк истории развития идеи президентской власти в России с 1820 г. (декабристы) до ее реализации в 1991 году. Основное внимание уделено вопросам предьстории российского института президентства, в частности, формирования ее идеи из таких компонентов как всенародность выборов главы государства, ограничение полномочий монарха и многопартийность, истоки которых прослеживаются с XVI—XVII веков. Значительное место отведено вопросу появления в Московском государстве термина «президент» и его дефиниции в рукописном обзоре западноевропейской прессы XVII в. («Вести-куранты») для царя и Боярской думы.

Ключевые слова: декабристы, президент, идея президентской власти 1820—1991 гг., всенародность выборов, многопартийность, Земский собор 1613 г., «Вести-куранты», институт президентской власти.

Abstract. The article gives a brief outline of the history of the idea of presidential power in Russia since 1820 (Decembrists) to its implementation in 1991. The focus is on issues of prehistory of the Russian institute of presidency, in particular, the formation of the idea from such features as the popular election of the head of state, restriction of the monarch's powers and a multiparty system, the origins of which can be traced to XVI—XVII centuries. Considerable space is devoted to the issue of the appearance in the Moscow state of the term “president” and its definition in the manuscript digest of Western press of XVII century (“Vesti-Kuranty”) that was prepared for the tsar and the Boyar Duma.

Key words: Decembrists; president; idea of presidential power 1820—1991, popular vote, multi-party system. Zemsky Sobor 1613, “Vesti-Kuranty”, institute of presidential power.

Историю российского президентства как системы государственного управления следует начинать с момента появления идеи такого правления. Впервые она была озвучена в показаниях декабриста Павла Ивановича Пестеля (1793—1826) Следственной комиссии в начале 1826 года. Руководитель Южного общества рассказал о «собрании Коренной Думы Союза Благоденствия» в Петербурге «в начале 1820 года» «на квартире у Полковника Глинки»¹, на котором ему, Песте-

---

Ишутин Вадим Валерьевич — научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: vadish.42@mail.ru.

Ishutin Vadim V. — researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. E-mail: vadish.42@mail.ru.

лю, было предложено «изложить все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правлений». После доклада среди присутствующих состоялись прения, и прошло голосование «таким образом, чтобы каждой член говорил, чего он желает: монарха или президента; а подробности будут со временем определены. Каждый при сем объявлял причины своего выбора, а когда дело дошло до Тургенева ², тогда он сказал по французски: *le president — sans phrases*, то есть: *Президент, без дальних толков*. В заключение приняли все Единогласно республиканское Правление. Во время прений, один Глинка говорил в пользу Монархического правления, предлагая Императрицу Елисавету Алексеевну ³. К этим показаниям чрезвычайно важно добавить свидетельство участника совещания, секретаря Союза благоденствия С.М. Семёнова (1789—1852) о том, что на собрании «рассуждаемо было о выгодах и невыгодах образов правлений. Пестель доказывал превосходство пред прочими правления Соединенных Штатов Америки» ⁴.

И хотя идея президентства появилась на берегах Невы всего через три с небольшим десятка лет после начала работы первого в мире института президентства США, проросла она на земле российской как росток дуба, что называется, неспешно. Процитированная Пестелем фраза вызвала у еще некоронованного на тот момент Николая I столь явный интерес, что в ходе следствия по делу декабристов было проведено, можно сказать, особое судопроизводство по президентскому фрагменту показаний Пестеля. Начальник военного архива в Лефортовском дворце Г.Н. Александров в своих мемуарах, в частности, рассказывает о службе писцом в 1826 г., когда ему было двадцать, как раз в Следственной комиссии по делу декабристов. Эксписарь, всю жизнь остававшийся ортодоксальным монархистом, сообщает, что во время следствия по делу 14 декабря 1825 г. он «мог читать все проекты конституций... на основании коих декабристы предполагали переустроить все правление нашего отечества, заменив монархическое правление республиканским, по примеру Соединенных Штатов Америки» ⁵. И хотя слово президент здесь не употреблено, вряд ли можно усомниться, на какое правление декабристы хотели «заменить» монархическое.

О том, что идея президентства не умерла после декабря 1825 г., свидетельствует еще один документ — донос 1827 г. «прапорщика Васильева 3-го» «о свободомыслии» «некоторых кадет Московского кадетского корпуса дворянского полка и учителей военно-сиротского отделения». В частности, прапорщик докладывал, что «кадет Лелевский» «осуждал» результаты «следственной комиссии по делу 14 декабря», «выхваляя тех злоумышленников, имевших в виду ни что иное, как введение в России законов Соединенных Американских Штатов, объяснял оныя, превозносил Вашингтона и пр.» ⁶

Что называется, во весь голос президентская идея заявила о себе в революционные 1905—1907 гг. и, конечно, в 1917 году. Например, в дневнике В.И. Вернадского (1863—1945), занимавшегося в 1905 г. еще и политикой, имеется запись за 17 ноября, сделанная ровно через месяц после основания монархического «Союз 17 октября»: «...Всюду чувствуется большая реальность осуществить республику. Кто же может быть выставлен как кандидат в президенты от социал-

демократов? — Ленин?»⁷ В революционной Чите того же года военного губернатора Забайкальской области генерала И.В. Холщевникова (1852—1927) уже называли президентом, а сам город — республикой⁸. И на Черном море руководитель восстания на крейсере «Очаков» в 1905 г., морской офицер — лейтенант П.П. Шмидт (1867—1906) — собирался создать республику на Крымском полуострове и стать ее президентом⁹.

В 1917 г. идея президентской власти витала в «комитете Временного правительства под руководством профессора Н.И. Лазаревского¹⁰», которым была «подготовлена и процедура введения президентского поста в России»¹¹. Тогда же ЦИК РСДРП (объединенная) активно выступала против поста президента, убеждая, что «он вреден и опасен, особенно в первое время, когда революция еще не закончилась, когда республиканский порядок еще не упрочился»¹².

25 ноября 1936 г. И.В. Сталин в докладе на Чрезвычайном VIII съезде Советов СССР «О проекте Конституции Союза ССР» сказал, что «по системе нашей Конституции в СССР не должно быть единоличного президента, избираемого всем населением, наравне с Верховным Советом, и могущего противопоставлять себя Верховному Совету. Президент в СССР коллегиальный — это Президиум Верховного Совета, избираемый не всем населением, а Верховным Советом, и подотчетный Верховному Совету»¹³. В 1940 г. сталинское определение было закреплено «Большой советской энциклопедией» в статье «Президент»¹⁴, а в 1950 г. появилась даже кандидатская диссертация на эту тему¹⁵.

В годы так называемой хрущевской оттепели идея президентской власти появилась и в Кремле. В книге о первом секретаре ЦК КПСС и Председателе Совета Министров СССР Н.С. Хрущёве сотрудник одного из отделов ЦК КПСС Ф.М. Бурлацкий (1927—2014) рассказал, что в начале 1964 г. ему довелось работать над проектом новой Конституции СССР: «Одно из главных предложений состояло в установлении президентского режима и прямых выборов народом главы государства... Хрущёв в целом довольно одобрительно реагировал на наши предложения. Но по поводу идеи введения института президента, избираемого всем народом, он, как нам передали, сказал с присущим ему юмором: “Тут какие-то мальчики хотят снять меня с поста Председателя Совмина, но это надо еще посмотреть”...»¹⁶ И все-таки в советские времена неконституционное название главы государства «президент СССР» почти магически притягивало руководителей страны. Их и за рубежом порой неофициально представляли на американский манер. Известен случай, когда Н.В. Подгорный (1903—1983), Председатель Президиума Верховного Совета СССР, позвонил главному редактору газеты «Правда» М.В. Зимянину (1914—1995) и «потребовал, чтобы в отчете о его встрече с избирателями написали: “Президент СССР Подгорный”». До этого Зимянин объяснял помощникам Подгорного, что по Конституции СССР такой должности нет. В ответ же на просьбу самого Подгорного он сказал: «Не могу, Николай Викторович, звоните сами в ЦК. Я этого не сделаю»¹⁷.

И все-таки институт президентства в Советском Союзе появился: пост Президента СССР был введен 15 марта 1990 г. союзным Съездом народных депутатов с внесением соответствующих попра-

вок в Основной закон. Занял его Михаил Сергеевич Горбачёв — первый и последний президент СССР.

12 июня 1990 г. Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, а 24 апреля 1991 г. — законы «О выборах Президента РСФСР» и «О Президенте РСФСР». На первых прямых выборах президента РСФСР 12 июня 1991 г. президентом стал Борис Николаевич Ельцин.

Таков абрис истории института отечественного президентства, однако сам пост президента появился 17 сентября 1787 г., когда четырехмесячные заседания Конституционного Конвента США привели к принятию донныне действующего Основного закона страны, в котором есть слова: «The executive Power shall be vested in a President of the United States of America» (Исполнительная власть осуществляется Президентом Соединенных Штатов Америки)¹⁸. В марте 1789 г. Конституция США вступила в силу, а 30 апреля того же года приступил к исполнению своих обязанностей первый президент США Джордж Вашингтон. За полтора века президентская форма правления настолько укоренилась в мире, что в 1948 г. египетский король Фарук (1920—1965) за четыре года до конца своего правления подарил миру ироничную шутку-приговор о судьбе института монархии: «Скоро на свете останутся пять королей: английский и четыре карточных»¹⁹. И действительно, к 1993 г., из 183 стран — членов ООН — пост президента имели более 130 стран. А по данным белорусской исследовательницы С.Г. Паречиной, институт президентства в начале миллениума имелся в 143 государствах, 140 из которых — члены ООН²⁰.

То, что у российской идеи президентской власти имеется предыстория — факт несомненный. Само слово «президент» пришло в Россию с Запада только в первой половине XVII столетия, причем значения «глава государства» у термина еще не было. Больше внимание привлекал другой термин — «император». Первоначально императором (Imperator) назывался главнокомандующий армией. «Это был почетный титул, не существовавший на официальном языке. Позже, во время Второй Пунической войны (218—201 гг. до н.э. — *В.И.*) вошло в обычай давать название И[мператор] главнокомандующему после первой большой победы. Сенат в знак почета удостоивал его этого титула; часто даже солдаты по собственной инициативе провозглашали на поле битвы победоносного вождя И[мператором]». И в России Петр I титул царя всея Руси сменил на титул императора вследствие именно таких исторических обстоятельств: «в 1721 г. Сенат и Синод в ознаменование Ништадского мира определили просить Петра I принять наименование И[мператора] Великого и Отца Отечества»²¹. При сопоставлении времени появления терминов в русском языке надо отметить, что, если император был известен в Русском государстве еще по переписке Андрея Курбского²² с Иваном Грозным 1564—1579 гг.²³, то слово президент впервые было написано кириллицей и озвучено по-русски много позже — в 1637 году.

Наряду с изучением обстоятельств появления понятия президент еще в позднесредневековой Московии, думаю, небезынтересно будет проследить, как и когда у этого ныне российского слова появилась главогосударственная функция. В мировой политической практике президент обрел ее после принятия Конституции США в 1787 году. В

Российской империи о предстоящем начале работы первого в мире института президентства стало известно из единственных на то время российских газет — «Санкт-Петербургские ведомости» (с 1728 г.) и «Московские ведомости» (с 1756 г.). О скором вступлении Вашингтона в президентскую должность сообщили с отсылкой к сообщению из Лондона от 17 октября «Санкт-Петербургские ведомости» в ноябре 1788 г.:

«По содержанию новейших писем из Новаго Йорка новый Образ Правления принят уже одиннадцатью Областями; Северная же Каролина и Роде-Исланд доселе к оному еще не приступают. При том пишут, что Председателем избран будет без сомнения Генерал Вашингтон. Власть его будет тогда почти равна власти нашего Короля, с тем токмо различием, что продолжится только четыре года. Все ожидают, что Вашингтон, вступя в должность сию, окажет независимым Американским Областям новыя услуги. Американцы думают, что новый их Образ Правления будет наилучший: но мы предоставляем времени решить сие с толикими сомнениями соплетенное дело»²⁴.

Здесь ключевое слово — председатель — российский синоним президента. А вот «Московские ведомости» переводом сообщения из Лондона от 25 ноября 1788 г. именно президента в первый раз обязали к исполнению главогосударственной функции:

«Пишут из Филадельфии, что 13 сентября определено в Конгрессе, чтобы в первую среду после Новаго году в каждой из соединенных Областей, принявших новую конституцию, назначали тех Особ, кои имеют право давать свой голос при выборах. В первую среду в Феврале месяце сии Особы должны держать собрания в своих Областях, для избрания Президента, и в первую среду в Марте месяце соберется новый Конгресс в Филадельфии, который город назначается местом пребывания онаго и примет на себя управление Государственные дел по новому образу правления»²⁵.

Так в российских столицах узнали о начале работы первого в мире института президентства, одного из ключевых элементов того «нового порядка вещей» «в мировой истории», который, кстати, первым в мире предсказал российский посол в Англии И.М. Симолин (1721—1799). 6 декабря 1782 г. он отправил в северную столицу из Лондона отчет о прослушанной накануне в парламенте речи короля Георга III (1738—1820), в которой признавалась независимость североамериканских колоний. В отчете и была фраза, которую я назвал первым геополитическим прогнозом: «Эта независимость произведет революцию в мировой истории и, вероятно, создаст новый порядок вещей, возможные и, по-видимому, неминуемые последствия которого, очевидно не могли предвидеть даже те, кто наиболее ему способствовал»²⁶.

Но объявленная в газетах функция президента США как главы государства долгое время в России оставалась незамеченной. В ее справочно-энциклопедическом хозяйстве она появилась только в 1859 г. в «словаре Углова»: вторая функция президента обозначена как «звание правителя Североамериканских Штатов и других американских собраний»²⁷.

Предысторию отечественного президентства следует искать в политической жизни самой России, когда в ней начали зарождаться

процессы, ставшие затем фундаментом президентской власти: элементы всенародности выборов главы государства, попытки ограничения полномочий власти монарха и даже многопартийность. А знаково-символическое место в этом комплексе заняла, конечно, история появления слова президент в русском языке.

Ростки этих фабул можно рассмотреть еще в начале царствования Ивана IV Грозного (1530—1584), поскольку именно на него приходится рождение наиболее важного для истории России середины XVI — конца XVII в. института народного представительства — Земского собора. Он являлся высшим учреждением, в котором были представлены все (кроме крепостных крестьян) слои населения для обсуждения насущных вопросов государственного управления. Особенно ярко его роль проявилась в самом конце Смутного времени (1598—1613) при избрании на царство первого Романова. Впрочем, увидеть проблески выборности и даже попытки ограничения самодержавной власти можно уже в так называемой реформе местного управления 1547 года. Как пишет историк Д.Н. Альшиц, тогда «выборное начало» стало «одним из важнейших слагаемых этих реформ». В результате «фактически государство отдало местную власть на откуп “лучшим людям” волостей и городов. Местная администрация стала выборной. Без выборных судей, т.е. без присяжных, не мог вершиться ни один суд. Фактически возглавлявшие правительство Адашев и Сильвестр²⁸ приложили немало усилий, чтобы создать условия для свободного развития ремесел, торговли, промыслового предпринимательства». Но самодержец «недолго оставался либеральным реформатором» и «до конца дней... сохранил ненависть к своим бывшим соратникам... Он не простил им попытку создать государство, где власть царя была ограничена представительными учреждениями, а власть и суд на местах осуществляли бы выборное управление»²⁹. И все-таки эту «местную реформу» вряд ли стоит всерьез причислять к истокам «выборного начала» на Руси. Она в принципе относится к представительной системе учреждений («парламенты, ассамблеи, генеральные штаты и сеймы»), а этот «призрак парламентаризма (в его тогдашних формах)», по утверждению того же историка, прямо-таки «преследовал» Грозного.

Первым шагом к современной избирательной демократии на земле российской стало избрание на царство Земским собором в 1613 г. юного Михаила Фёдоровича Романова. Вот что говорит об этом келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын в своем «Сказании»: «...Божиим изволением и умолением всего освященного собору и от всего царского синьклиту и от всего воинства, и от всенароднаго множества всех чинов и всех православных христиан избран бысть на Московское государство царем и государем благоверный и благородный, богом избранный и богом помазанный великий государь Михаил Федоровичь...»³⁰ Историк Ю.В. Готье (1873—1943) в лекции к 300-летию дома Романовых также отметил в России после Смуты «стремление иметь своего национального царя», которое было «высказано земской мыслью». Более того, неформальность действий Собора 1613 г. подтверждается и тем фактом, что «после 7-го февраля (1613 г. — *В.И.*) были посланы на места запросы о том, насколько популярно имя М.Ф. Романова и насколько приемлемо его избрание»³¹.

«...Земский собор начал свою работу 16 января (6 января по ст. стилю) 1613 года. Представители “всея земли” аннулировали решение предыдущего собора об избрании на русский престол королевича Владислава и постановил: “иноземных принцев и татарских царевичей на русский престол не приглашать”³².

Происходили соборные заседания в обстановке ожесточенного соперничества различных политических группировок, оформившихся в русском обществе за годы Смуты... Участники собора выдвинули более десяти претендентов на престол».

Правда, постулат божественного происхождения царской власти для Собора остался еще непоколебимым: Михаил Романов «избран не людьми, но Богом, так как происходит от благородного царского корня. Не родство с Рюриком, но близость и родство с династией Ивана IV давали право на занятие его трона. К романовской партии примкнули многие бояре, его поддержало и высшее православное духовенство — Освященный собор. Избрание состоялось 17 февраля (7 февраля по ст. стилю) 1613 г., но официальное объявление было отложено до 3 марта (21 февраля по ст. стилю), чтобы за это время стало ясно, как примет народ нового царя...»³³

Таким образом, определенная демократичность выборов главы государства стала закладываться уже на выборах 1613 года. В первой половине 1980-х гг. историк А.С. Станиславский опубликовал небольшой текст, ныне известный как «Повесть о Земском соборе 1613 года». По мнению ученого, памятник свидетельствует об «антидворянских, демократических настроениях автора “Повести”» — вероятно, «простого московского горожанина (купца, ремесленника, рядового священнослужителя)» — и содержит «уникальную информацию о перипетиях предвыборной борьбы и решающей роли казаков в избрании на престол Михаила Романова»³⁴. Современная исследовательница Т.В. Черникова в объемной монографии «Европеизация России во второй половине XV — XVII веках» привлекает эту «Повесть» как аргумент, подтверждающий ситуацию, сложившуюся после Смуты: «В Смуту в Русском государстве система политической власти в центре и на местах ослабла, а потом фактически рухнула, и к историческому творчеству без жесткого контроля сверху впервые в нашей истории были допущены сами общественные силы». Сопоставляя «Повесть о Земском соборе 1613 года» с «Новым летописцем», «памятником официальной исторической мысли романовского царствования», Черникова отмечает их совпадение... «только в констатации великих разногласий в начале собора». Показательно, что при анализе социально-политической борьбе в ходе Собора, представленной на страницах «Повести», исследовательница использует (хотя и в кавычках) термин «партии» и даже конкретизирует: «Прежде всего о “партиях”. Самыми активными автору “Повести” представляются казачий лагерь (“донские казаки и польские”) и “князи и бояры московские”»³⁵.

И еще одна особенность царских выборов 1613 г.: впервые появилась тенденция к ограничению самодержавной власти. В отечественной историографии закрепилось мнение, что это началось в «эпоху дворцовых переворотов». Фразеологизм введен в научный оборот В.О. Ключевским, который датировал ее 1725—1762 гг., то есть от

смерти Петра I до вступления на престол Екатерины II. Одним из самых ярких эпизодов этой «эпохи» был сюжет с разрывом призванной на российский трон в 1730 г. Анной Иоанновной так называемых «кондиций», которые должны были «полегчить» и «воли прибавить» околотронным обитателям Зимнего дворца. По иронии судьбы, один из первых российских «конституционалистов» князь Д.М. Голицын (1665—1737) был инициатором призвания на российский престол Анны ³⁶. Но оказывается, первый прецедент ограничения самодержавной власти можно отнести к тому же 1613 году. Историк В.И. Буганов (1928—1996) в работе о первом Романове обратил внимание на мало известный факт: юный Михаил Фёдорович перед тем как занять трон, «дал боярам запись или устную присягу, ограничивавшую его власть». Подтверждается это писцом и подьячим Посольского приказа Григорием Карповичем Котошихиным, автором известного труда «О России в царствование Алексея Михайловича», написанного в 1663—1664 гг. после бегства подьячего в Швецию, то есть всего через полвека после начала царствования династии. Беглый дипломат утверждает, что первый Романов, «хотя “самодержцем” писался, однако, без боярского совету не мог делати ничего». Современный комментарий к этому свидетельству категоричен: «Г. Котошихин утверждает, что после смерти Ивана Грозного русскими царями при вступлении на престол давались письменные записи об ограничении своей власти. Вероятно, именно такую запись он имеет в виду, говоря об ограничении в правах Михаила Романова по сравнению с абсолютистскими тенденциями в правлении царя Алексея Михайловича» ³⁷. Факт «записи или устной присяги» царя Михаила подтверждает и один из первых отечественных историков Василий Никитич Татищев (1686—1750), писавший «по источникам, многие из которых не дошли до нашего времени». По словам Буганова, «царь Михаил перепоручил все дела Романовым, Черкасским, Салтыковым, Шереметевым, Лыковым, Репниным. Они распорядились всем, даже “гнушались” царем, а тот смотрел на все их хитрости, проделки, неправедные дела сквозь пальцы» ³⁸.

«Известия об ограничении власти царя Михаила Фёдоровича» не были приняты однозначно. С.Ф. Платонов (1860—1933) еще в работе 1917 г. «вопрос об ограничениях» подверг сомнению: «Ни одно из них (известий об ограничении. — *В.И.*) не передает точно и вероподобно текста предполагаемой записи или «письма», и все они в различных отношениях возбуждают недоверие или же недоумение. Из материала, который они дают, нет возможности составить научно правильное представление о действительном историческом факте. Дело усложняется еще и тем, что до нас не дошел подлинный текст (если только он когда-либо существовал) ограничительной грамоты 1613 г. и не наблюдается ни одного фактического указания на то, что личный авторитет государя был чем-либо стеснен даже в самое первое время его правления. При таком положении дела нет возможности безусловно верить показаниям об ограничениях, сколько бы ни нашлось таких показаний» ³⁹. И все же, несмотря на столь авторитетное мнение, мне ближе в этом вопросе позиция современника Платонова, историка В.Я. Уланова (1880—1919), выраженная в небольшой статье 1912 г.: «Как бы ни смотрели на достоверность последнего

сообщения (об «ограничение власти царя Михаила». — *В.И.*), для нас в настоящем случае важен факт распространенности мнения об ограничении царя Михаила в XVII и даже в XVIII вв. Если бы даже было с несомненностью доказано, что Михаил Фёдорович никаких записей на себя не давал и не мог давать, — это обстоятельство только сильнее подчеркнуло бы происшедший после Смуты в сознании русского общества переворот во взгляде на характер власти московских государей»⁴⁰.

Впрочем, ограничительная «запись или устная присяга» 1613 г., даже если она и была, — это не английская Великая хартия вольностей 1215 г., которая привела к рождению парламента. Да и в целом нельзя не согласиться с анализом деятельности всех земских соборов: она, «по сравнению с аналогичными представительными учреждениями на Западе — парламентом в Англии, генеральными штатами во Франции и Нидерландах, рейхстагом в Германии, кортесами в Испании, сеймом в Чехии и Польше» — играла «менее значительную роль». К тому же русские соборы «и возникли в более позднее время», и родились «не из политической борьбы, как народное представительство на Западе, а из административно-управленческой необходимости»⁴¹.

Приведенные сюжеты из хроники времен Смутного времени и царя Михаила, хотя и робко, но однозначно показывают тенденцию к демократизации в российском обществе уходящего средневековья и даже, возможно, — к потенциальной президентской власти:

- во главе государства — рабоименный Борис Годунов;
- выбор главы государства — от всенародного множества всех чинов и всех православных христиан;
- начало партийно-политической борьбы — «донские казаки и польские» и «князи и бояры московские»;
- начало ограничения власти: царь «дал боярам запись или устную присягу» на ограничение его власти.

Авторитетный справочник «Хронология мировой цивилизации» Россию в 1637 г. ничем не представил. Там есть трагикомедия П. Корнеля «Сид», трактат Р. Декарта «Рассуждение о методе», шедевры художников П.П. Рубенса и Д. Веласкеса, работы Г. Галилея. К сожалению, этот перечень не пополнило сообщение о появлении в этом году в вокабулярии Московского царства слова «президент». А это незамеченное событие вряд ли имеет меньшую историко-цивилизационную значимость, чем, скажем, известие об открытии тогда же в Венеции первого в истории публичного оперного театра или смерть императора Священной Римской империи Фердинанда II Габсбурга.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что в указанной «Хронологии» под 1601 г. есть также значимая запись: «В России в Посольском приказе издается первая рус. рукописн. газ. “Куранты” (“Вести”, “Вестовые письма”) для информации пр-ва о зарубеш. событиях»⁴². Именно в курантах впервые по-русски было написано: президент, или президентъ (в транскрипции XVII в.)⁴³

Стоит отметить, что термин «президент» был известен задолго до того, как Пётр I десятилетним отроком в 1682 г. был «повенчан» на царство. Еще в начале XX в. считалось, что понятие «президент» было одним из более чем трех тысяч слов, заимствованных «в Петровскую эпоху» из лексики Западной Европы и пришло в Московию якобы из

немецкого языка: «Президентъ, нем. President. Президентъ — владетель, первый в приказе председатель»⁴⁴. Но в советские времена благодаря работе филологов была названа дата первой фиксации президента на русском — 1637 год. Кроме того, так называемое «западное влияние» на Россию началось едва ли не со времен царя Бориса и уж безусловно — с первого Романова.

А.С. Пушкин еще в 1834 г. в неоконченной статье «О ничтожестве литературы русской», перечисляя робкие и только «на высшем уровне» российско-европейские контакты XVI—XVII вв., писал, что «в эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европою. Отселе сношения Ивана Васильевича (Грозного. — *В.И.*) с Англией, переписка Годунова с Данией, условия, поднесенные польскому королевичу аристократией XVII столетия, посольства Алексея Михайловича...»⁴⁵ А.И. Герцен в 1850 г. говорил об активной попытке европеизации Московского царства Годунова, который «серьезно думал о сближении с Европой, о введении в России западных наук и искусств, об открытии школ; но последнее встретило решительный отпор со стороны духовенства. Оно было покорно всему, но опасалось просвещения, источником коего не было православие»⁴⁶. Герцен обращал внимание на полярность взглядов Запада и Востока на империю: «На взгляд Европы, Россия была страной азиатской, на взгляд Азии — страной европейской: эта двойственность вполне соответствовала ее характеру и ее судьбе, которая, помимо всего прочего, заключалась и в том, чтобы стать великим караван-сараям цивилизации между Европой и Азией»⁴⁷.

Да и профессиональные историки согласны с точкой зрения о евразийском пограничье Московии, которое определяло биполярность ее отношений с Западом и Востоком. В частности, М.Н. Тихомиров (1893—1965), исследователь русской культуры того времени, отмечал, что для Запада уже в XVI в. «Москва была крайним пунктом европейского цивилизованного мира», а для Востока она же была «также конечным пунктом восточной цивилизации»⁴⁸. С.Ф. Платонов указывал, что уже в период правления Годунова — фактического с 1587 и легитимного в 1598—1605 гг. — «во всех проявлениях московской политической жизни, во всех сношениях с Европою и Востоком чувствуется... подъем правительственной энергии и возрождение политической силы. Можно сказать, что Борис Годунов достиг своих целей и заставил соседей считаться с Москвою так же, как они считались с нею в лучшие времена Ивана Грозного». Для настоящей работы, пожалуй, наиболее важным направлением в этом «подъеме правительственной энергии и возрождении политической силы» стало появление информационной составляющей этого процесса, выразившееся, в первую очередь, в получении кремлевским руководством «более или менее регулярных сообщений — “вестей” из чужих земель», которые стали приобретать для него «особую цену»⁴⁹.

Речь идет о западноевропейской печатной газете как источнике информации об общественно-политической жизни земель по ту сторону западной границей Русского государства. Чтобы не углубляться в ее историю, обращу внимание на несколько фактов. В области информационных технологий, к каковым в XVI—XVII вв. в Западной Европе следует отнести зарождение и развитие газетного дела, наи-

больших успехов добились германские земли Священной Римской империи. Там газеты получили столь широкое распространение, что уже в 1660 г. Лейпциг стал родиной первой ежедневной европейской газеты, а всего в Германии XVII в. выходило около 200 газет. Разовый тираж каждой из них колебался в пределах от 200 до 1500 экземпляров⁵⁰. Исследователь делает вывод, что в конце столетия в Германии «уже одна четвертая или одна пятая часть населения получала информацию из нового средства коммуникации». Кстати, первая печатная еженедельная газета в Западной Европе вышла в начале октября 1605 года⁵¹.

В Московском же царстве в это время не только газет, но и слова «газета» не отмечено. По крайней мере, в академическом «Словаре русского языка XI—XVII вв.» оно отсутствует. Его нет даже в указе Петра I от 16 декабря 1702 г. о первом русском печатном издании. Там вместо него присутствует название «куранты»⁵². Российский же лексикон слово «газета» пополнило, скорее всего, лишь в 1708 году⁵³. В то время Московия получала информацию через рукописный продукт, известный в историографии чаще всего под названием «Вестник-куранты» или «Куранты»⁵⁴. Как раз со столбцов курантов пришел в Россию термин президент, который благодаря декабристам в 1820 г. стал своего рода «черной меткой» для российской монархии.

В авторитетной российско-советской энциклопедической литературе с конца XIX до конца XX в. (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Энциклопедический словарь Ф. Павленкова, Большая советская энциклопедия, Советская историческая энциклопедия, Краткая литературная энциклопедия, Москва) информация о курантах, разнящаяся в деталях, почти всегда использует три ключевых слова: первая, рукописная, газета.

Следует, правда, отметить, что в этот же период в литературе существовали и другие определения этого памятника: в лекции 1948 г. для Высшей Партийной Школы при ЦК ВКП(б) 1948 г. куранты названы «государственным органом иностранной информации, предназначенным для узкого круга читателей» и поставлены «первым звеном в зарождении и становлении русской периодической печати»⁵⁵. В середине 1970-х гг. была высказана близкая к ней мысль, рекомендовавшая определять жанр курантов «как служебные записки Посольского приказа государю и правительству»⁵⁶. По моему мнению, куранты можно, да и должно считать рукописным обзором иностранной прессы.

Однако триаду *первая — рукописная — газета* в характеристике курантов проигнорировал Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Здесь они — «старинное название периодич. изданий в России, относящееся ко времени Алексея Михайловича»⁵⁷. И в том же словаре, в статье А. Максимова «Периодическая печать» куранты названы «рукописными выписками из иностранных газет...», которые составлялись «в немногих экземплярах по приказанию царя Алексея Михайловича»⁵⁸.

Определением жанра курантов как «рукописных выписок» Словарь Гранат оказался близок к «Большой российской энциклопедии» уже нового миллениума, где сказано, что куранты — это «обзоры иностр. прессы, составившиеся в сер. 2-й пол. 17 в. для рус. царей и Боярской думы в Посольском приказе». Здесь же отмечается, что

«отдельные экземпляры европ. газет попадали в Рус. гос-во с нач. 17 в., но только с сер. 17 в. в Посольском приказе стали составлять (первоначально нерегулярно) обзоры иностр. прессы. В это время в рус. яз. для обозначения газет употребляется заимствованное слово “куранты” (наиболее ранняя фиксация — 1649; ср. нидер. *cougant* — газета, от франц. *cougant* — бегущий, текущий). “К.” стали также называть обзоры иностр. прессы. Подавляющее большинство привозимых в Рус. гос-во газет имели нем. и голл. происхождение (хотя в отд. периоды поступ. польские, французские, рижские и др.)». В статье отмечается ошибочность утверждения «некоторых исследователей», что «в 17 в. в Рус. гос-ве существовала рукописная газ. “Куранты”, или “Вести-Куранты”. В популярных работах за газ. “Вести-Куранты” иногда принимали материалы одноим. архивного фонда Рос. гос. архива древних актов»⁵⁹.

Посольский приказ, предок современного МИД, в котором в XVII в. составлялись куранты, был заложен в 1549 г., то есть при Иване IV, в «старом городе», как называли в то время Кремль. В 1565 г. для него в центре Кремля была построена Посольская палата⁶⁰. Работа С.А. Белокурова (1862—1918) «О Посольском приказе» иллюстрируется схемой «Часть Московского Кремля в начале XVII в. (времена Бориса Годунова)» с пояснительным текстом: «...Здание покоем (в форме буквы П. — *В.И.*) около Ивановской колокольни, — здание приказов, примыкающее к одному концу его особое небольшое здание и есть помещение Посольского приказа...»⁶¹ Ивановская колокольня, или колокольня Ивана Великого разместилась на Соборной площади Кремля. Отсюда до царских покоев — Теремного дворца, построенного в 1635—1636 гг.⁶² — что называется, рукой подать, и рукописи курантов доставлялись быстро.

О Посольском приказе говорит цитировавшийся дипломат-перебежчик Котошихин. Он информирует о штатном расписании Приказа (приказных дьяках, подьячих, толмачах (устных переводчиках), переводчиках «латинского, швейского, немецкого, греческого, польского, татарского и иных языков»), их жаловании. Прямого указания на работу с курантами или вестовыми письмами у него нет, хотя некоторые выражения предполагают таковую: «А ведомы в том приказе дела всех окрестных государств, и послов чюжеземских принимают и отпуск им бывает; так же и русских послов и посланников и гонцов посылают в которое государство прилучится, отпуск им бывает ис того ж приказу»; «когда прилучатца из окрестных государств всякие дела...»⁶³ В советской историографии Посольский приказ представлен как «главный светский культурный центр столицы»: там работали «наиболее образованные дьяки и подьячие» (от 15 чел. в начале XVII в. до 53 в его конце), была «прекрасная библиотека, в которую входили книги не только на русском, но и на европейских языках». Отмечается и поступление в Приказ европейской прессы⁶⁴. В этом контексте Посольский приказ предстает, пожалуй, как своего рода альма-матер западного влияния на Россию.

Суть различий между курантами, в отечественной историографии претендующими на жанр полноценной газеты, и газетами Европы, объясняет И. Майер: «...русские куранты XVII в. следует отличать от рукописных газет, существовавших в Европе, из-за существенных функциональных различий: в Европе рукописные газеты переписы-

вались и распространялись среди широкого круга лиц; русские переводы газет предназначались для царя и Боярской думы. Говорить о русских “рукописных газетах” XVII в. можно только условно, в кавычках, основываясь на очень поверхностном сравнении. Для определения понятия “газета” обычно требуется четыре предпосылки: актуальность, универсальность, регулярность, всеобщая доступность. Русские куранты, правда, тоже содержат актуальную, универсальную информацию и создаются более или менее регулярно (по крайней мере, с середины 60-х годов, после создания первой русской почтовой линии, соединившей Россию с Западом). Однако они не соответствуют требованию всеобщей доступности: количество “выпусков” — 1—3 экземпляра (включая черновики) — слишком небольшое; кроме того, куранты вовсе не предназначались для распространения за пределами Кремля. И в этом они сильно отличаются от западных газет»⁶⁵.

Засекреченность курантов отмечалась в отечественной литературе еще в начале XX в.: «Для широких кругов тогдашнего общества куранты, считавшиеся государственною тайною, почти не существовали, хотя неизвестно, каким образом некоторые из сообщаемых ими фактов попадали в рукописные сборники того времени»⁶⁶. Но наряду с почти бесспорной уверенностью в кремлевской замкнутости курантовской аудитории, существует и версия о более широком распространении обзоров иностранной прессы. В частности, современный исследователь О.Р. Кудakov, ссылаясь на работы историков 10-х гг. XX столетия А.Н. Шлосберга и К.С. Харламовича, отмечает, что хотя куранты и являлись «исключительной собственностью царя», тем не менее, «обладали достаточно широкой аудиторией», чему «способствовало то, что часть “Курантов” сознательно оповещалась народу или же распространялась через копии отдельных выдержек из газеты»⁶⁷. Правда, возникает вопрос о технологии и месте такого оповещения.

В историографии курантов отмечается, что их распространение с двадцатых годов XVII столетия приобрело более или менее регулярный характер, они действительно стали исполнять «роль придворной газеты, хотя и рукописной». Направлялся же этот процесс желанием кремлевского руководства «быть осведомленными о событиях за рубежом»⁶⁸ и удовлетворялся, главным образом, материалами европейских газет. Согласно исследованию Майер, так называемые «реляции» нерегулярно доходили из западной Европы до Москвы еще с середины XVI века. Исследовательница отмечает также, что немецкие периодические газеты приходили в Кремль уже 1621—1622 гг., а голландские — «по крайней мере, начиная с 1621 г.»⁶⁹ Она приводит и своего рода обзор газет, по которым делались куранты: немецкие газеты: берлинские, кёнигсбергская, гамбургские, данцигская, бреслауская, штеттинская; голландские: амстердамские, гарлемская, гаагские; а также латинская газета⁷⁰. Впрочем, «хронологический список всех журналов, газет и ведомостей, которые с 1631 г. по 1762 год были в России выписываемы», можно было узнать уже в 1827 г. из «ответа на библиографический вопрос» дипломата, сенатора, московского почт-директор А.Я. Булгакова (1781—1863) о «появлении первых в России ведомостей»⁷¹.

Правда, со знанием и применением европейских языков в Московском царстве дело обстояло не совсем благополучно. Еще немец-

кий опричник у Ивана Грозного Генрих фон Штаден (1542 — после 1579) в сочинении для императора Священной римской империи Рудольфа II Габсбурга (1552—1612) «План обращения Московии в имперскую провинцию» сообщает: «В Русской земле не знают и не употребляют ни латинского, ни еврейского, ни греческого языков, ни митрополит, епископы, монахи или священники, ни князья или бояре, ни дьяки или подьячие. Все они пользуются только своим собственным языком»⁷². Мало, что изменилось в этом направлении и через век после опричнины, хотя языковые кадры для курантов все-таки изыскивались. Совсем другое дело — за кремлевской стеной. Тот же недавний подьячий Посольского приказа в своей книге в разделе «О рождении царских детей» пишет о системе образования царских отпрысков при Алексее Михайловиче: «А как приспеет время учить царевича грамоте, и в учителя выбирают учителей людей, тихих и не бражников; а писать учить выбирают ис посольских подьячих. А иным языком латинскому, греческого, неметцкого и некоторых, кроме русского, научения в Российском государстве не бывает»⁷³. И, тем не менее, царь Алексей Михайлович, вероятно, западному влиянию был подвержен значительно, ибо почитал «великим делом» доставку в Московию «еуропских вестей» и не жалел средств на «курантельщиков».

Первое сообщение о президенте поступило в Кремль «из города Париса» в ноябре-декабре 1637 г. в «переводе вестовых печатных листов, поданных в Посольском приказе», и читалось так: «Конте де Оерию да прязиденту Розу велено во Шпанью (Испанию. — *В.И.*) быт»⁷⁴.

О каком персонально президенте, поменявшем, скорее всего, типографское латинское название *president* на кириллическую скоропись прязидентъ, идет речь, выяснить не удалось: «задача найти иностранный оригинал или его перевод из приказного архива крайне сложна, а иногда и вовсе невыполнима... Вероятность утраты таких документов очень велика. Сохранность иностранной прессы также зачастую неудовлетворительна даже для конца XVII в.»⁷⁵ Так что, своего рода крестным отцом российских президентов стал инкогнито-президент из Парижа. Не лишним будет отметить очевидную оперативность в подготовке курантов: С.М. Шамин приводит данные диссертации американского исследователя Д.К. Уо (*Waugh*) по изучению этого источника (относящиеся, правда, ко времени установления регулярной почтовой доставки прессы в Москву из Европы после 1659 г.), согласно которым «между доставкой иностранных газет и составлением курантов проходило не более двух дней»⁷⁶. Больше в опубликованных экземплярах курантов того времени слово президент не встречается. За 1640—1641 гг. свитки их столбцов либо не сохранились, либо не обнаружены. В материалах 1642—1644 гг. этого термина тоже нет.

«Президент» появился в третьей книге «Вестей-Курантов» с материалами за 1645—1646 и 1648 гг. в «переводе договорных статей между испанским королем и Голландскими Штатами», «учиненных» «в городе Мюнстере в Вестфалезской земле» 30 января 1648 года. Он дважды повторяется во фразеологизме: «... и иных президента от гсдь шляхетных рыцарских людеи»⁷⁷.

В том же 1648 г. о президенте говорилось в «переводе печатных листов с вестями из Италии, Бреславля (ныне Вроцлав. — *В.И.*), Вены, Праги, Касселя, Гамбурга и других мест», в частности, в «вестях из города Ведны (Вена. — *В.И.*)» от 4 марта: «...а угорски настоятели с своим президентом ...»⁷⁸

В четвертой книге «Вестей-Курантов» с хроникой 1648—1650 гг. президент встретился пять раз. Первый — в «переводе печатной тетради об Оснабрюкском мирном договоре⁷⁹» от 6 августа 1648 г.: «...и договорено что быт у суди четьрем члвекам президентом и ис тех два члвека евангильские веры от цесарева величества уставлены будет...»⁸⁰

Затем — в подборке июньско-июльских «вестей из Неаполя, Нюрнберга, Касселя, Антверпена, Кёльна, Лондона, Парижа и других мест» за 1649 г. в частности, из Аглинской земли города Лундена (Лондона. — *В.И.*): «...соемные люди здес президенту Брагову которой бывшему королю ...»⁸¹ Последнее примечательно тем, что президент упомянут вкупе с соемными людьми, то есть с «относящимися к съезду сословных представителей, парламенту, сейму»⁸². Два президента фигурируют в майско-июньской информации 1650 г. в многостраничном «переводе вестей из Нюрнберга, Амстердама, Бреда, Гамбурга, Лейпцига, Гётеборга, Венеции, Вены, Праги, Швейцарии, Лондона, Шотландии, Антверпена, Неаполя, Брабанта, Вены, Парижа, Померании». Из города Неоренберха (Нюрнберга) от 6 июня: «... господин Волмар опят к господину президенту поехал...»; из города Париса от 1 июня: «... приехал и стал на президентове Лауниве дворе...»⁸³ И, наконец, президент в переводе именного «вестового листа, присланного из Архангельска Ф.В. Бутурлиным и Селетцыным⁸⁴»: Вести из Брабанта от 25 июля 1650 г.: «...В грамотках из Мадрила (Мадрид. — *В.И.*) пишут что президент из Боидераза июля в 31м числе туды приехал с шапанским (испанским. — *В.И.*) королем договоритца...»⁸⁵

Об Английской революции XVII в. и ее вожде Оливере Кромвеле (1599—1658) царь Алексей Михайлович, возможно, мог впервые узнать из материалов пятой книги «Вестей-Курантов» (1651—1652, 1654—1656 и 1658—1660 гг.). Там представлен «перевод печатных голландских вестовых листков, присланных И.Д. Милославским⁸⁶, с известиями из разных мест», среди которых «вести из начально становища генерала Кромъвела из города Эдинбурха» от 24 декабря 1650 года. В них президент упомянут как название корабля: «...Президент Фрегат со многими запасы и з денгами и... салдаты...»⁸⁷

В этом же томе, в «переводе печатных листов с вестями из Лондона, Парижа, Антверпена, Нюрнберга, Стокгольма, Венеции, Рима, Вены и других мест» президент дважды упоминается в вестях «из Французской земли из города Париса» от 22 июня 1652 г.: «...и для того они от себя х королю послали президента да двух члвкъ думных...»; «...некоторых ратманов (члены городского магистрата или ратуши. — *В.И.*) побили и президент с улицы одва (едва. — *В.И.*) золотова дела мастера в лавку ушол...»⁸⁸

Таким образом, в опубликованных курантах за 1600—1670 гг. слово президент встречается 12 раз. Конечно, эта дюжина не может считаться окончательной: С.М. Шамин цитирует утверждение Б.В. Сапунова, что куранты «сохранились плохо, но нет зачитанности», а

также вывод, что «с точки зрения Посольского приказа и московского правительства, “Вести-Куранты” имели определенный “срок годности”, по истечении которого они теряли свое значение и не сберегались»⁸⁹. По некоторым сведениям, последние экземпляры курантов относятся к 1696 г.⁹⁰, поэтому не исключено, что и число цитируемости слова президент по мере введения в научный оборот архивных курантов со временем увеличится. Не исключено, что и дата его «прибытия» в Московию уйдет в глубину века. Ошибочность утверждения, что слово президент стало писаться по-русски только в Петровскую эпоху, объяснима: изучение курантов в начале двадцатого века только началось⁹¹. Что касается значения термина, то, вероятно, оно было таким же, как и при Петре I: владетель, первый в приказе председатель соответствует и современным определениям. К примеру, в Словаре Ушакова записано: «2. Глава, руководитель, председатель учреждения или общества (офиц.)»

Но и слово председатель, согласно исследованию академика-руссиста В.В. Виноградова (1894—1969) «укрепилось в русском языке с XVI—XVII вв. под влиянием западноевропейских *président*, *President*, которые, в свою очередь, восходят к латинскому *praesidens*», хотя в Остромировом Евангелии — памятнике середины XI в. — употреблен старославянский глагол *прѣдъсѣдѣти* — *прѣдъсѣдати* в значении «занимать высшее, первое место». Ученый полагает, что слово «предсѣдатель» «все же изредка употреблялось в церковнославянских памятниках русской редакции XI—XV вв.». А определение «сидящий впереди» легко читается в библейском церковнославянском «преждеседание» (председательство, первое место... любять же преждевозлегания на вечеряхъ, и преждеседания на сонмищахъ и любяют возлежать на первых местах на обедах и восседать на первых местах в собраниях (Мф 23,6)⁹². В этом же контексте следует отметить, что «славянорусское» председатель с синонимическим рядом «староста, урядник, тот который напершее месци заседает» было включено в первый «Лексикон славянорусский» (Киев. 1627) славянским лексикографом, украинским просветителем и типографом Памвой Берындой (сер. XVI в. — 1632). Знал он и латинский язык, а потому можно предположить, что толкование слова председатель как того, «который напершее месци заседает», является славянской калькой одного из буквальных значений латинского слова «*praesidens*» — «сидящий впереди»⁹³. Но если о председателе в словаре Берынды можно говорить лишь как о косвенном заимствовании из латинского, то в двух других словарях середины XVII в., также украинских лексикографов Епифания Славинецкого (кон. XVI или нач. XVII в. — 1675) и Арсения Корецкого-Сатановского (XVI—XVII вв.), латинское существительное использовано как составная часть словарной статьи: *pra(e)ses, dis, председате(л)* (Лексикон Латинский Е. Славинецкого); *Председате(л)*. *Pr(a)eses dis. Primas tene(n)s. Prim[u]m locum sapiens* Лексикон славено-латинский Е. Славинецкого и А. Корецкого-Сатановского)⁹⁴.

В 1642 и 1650 гг. появились первые латино-русские словари, а между 1664 и 1676 гг. и «Лексикон греко-славяно-латинский» Епифания Славинецкого, перевод словаря Й. Скопулы «*Lexicon graeco-latinum*» (1663)⁹⁵.

Таковы лингвистические «корешки» российского президента в языке Московии XVII века. К этому можно добавить, что в статье

А.Н. Шустова, опубликованной незадолго до учреждения поста Президента СССР в 1990 г., отмечается своего рода интернациональный или общеевропейский характер существительного президент уже в Петровскую эпоху. Здесь же отмечается, что «при переносе его на русскую почву» не исключено «скорее немецкое, чем французское влияние»⁹⁶. Правда, широкого распространения он тогда не получил. В самом начале Просвещенного восемнадцатого столетия российский термин президент проник в печать — в первую печатную российскую газету «Ведомости», учрежденную 16 декабря 1702 г. указом Петра I.

Примечания

1. Глинка Фёдор Николаевич (1786—1880) — полковник, поэт, член декабристских организаций Союз спасения и Союз благоденствия.
2. Тургенев Николай Иванович (1789—1871) — экономист и публицист, член Союза благоденствия.
3. Елизавета Алексеевна, урожденная Луиза Мария Августа Баденская (1779—1826) — жена Александра I.
4. Восстание декабристов (ВД). Материалы. Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии, касающиеся государственных преступников. Т. IV. М.—Л. 1927, с. 93, 101—102. Т. XVIII. М. 1984, с. 188. Орфография и пунктуация источника.
5. АЛЕКСАНДРОВ Г.Н. Очерки моей жизни. — Русский архив. 1904, № 12, с. 481—482.
6. Российский государственный военно-исторический архив, ф. 1, оп. 1, т. 2а; д. 3652, л. 3—3об.
7. Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М. 1981, с. 206.
8. ГОЛОВКОВ Г.З. Бунт по-русски: палачи и жертвы: рандеву с революцией 1905—1907 гг. М. 2005, с. 306.
9. Там же, с. 126.
10. Лазаревский Николай Иванович (1868—1921) — приват-доцент, профессор государственного права на Высших женских курсах в Петрограде, в 1921 г. расстрелян по так называемому «делу Таганцева».
11. ДЁГТЕВ Г.В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. М. 2005, с. 10.
12. ГОРЕВ Б. С президентом или без президента. В кн.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. I. М. 1996, с. 418.
13. СТАЛИН И.В. О проекте Конституции Союза ССР. М. 1936, с. 104—105.
14. БСЭ. Т. 46. М. 1940, стлб. 734.
15. БЕЛЬСОН Я.М. Коллегиальный и единоличный президент в странах народной демократии: Автореф. дис. канд. юр. наук. Л. 1950.
16. БУРЛАЦКИЙ Ф.М. Никита Хрущёв. М. 2003, с. 253—254.
17. ТЕЛЬМАН И. Он хотел быть президентом СССР. http://www.kontinent.org/article_rus_51b1aca9472cf.html.
18. Цит. по: 'Словарь американской истории с колониальных времен до первой мировой войны. СПб. 1997, с. 706.
19. ДУШЕНКО К. Цитаты из всемирной истории: Справочник. М. 2006, с. 416.
20. ПАРЕЧИНА С.Г. Институт президентства: история и современность. Минск. 2003, с. 54.
21. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIII. СПб. 1894, с. 12—13.
22. Курбский Андрей Михайлович (1528—1583) — князь, полководец, политик, приближенный Ивана Грозного; в 1564 г. в разгар Ливонской войны перешел на сторону противника.
23. Словарь русского языка XI—XVII вв. М. 1979, с. 231.
24. Санкт-Петербургские ведомости. 10.XI.1788, № 90, с. 1314.
25. Московские ведомости. 20.XII.1788, № 102, с. 923.

26. Донесение И.М. Симолина И.А. Остерману. Л. 26 ноября (6 декабря) 1782 г. В кн.: Россия и США: становление отношений 1765—1815. М. 1980, с. 114.
27. УГЛОВ В.Н. Объяснительный словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке. СПб. 1859, с. 151.
28. Адашев Алексей Фёдорович (ум. 1561) — воевода, приближенный Ивана Грозного, член «избранной рады», управлявший внешними делами в 1547—1553 гг.; Сильвестр (в иконах Спиридон) (ум. ок. 1566) — священник, политический и литературный деятель.
29. АЛЬШИЦ Д.Н. Люди и нравы эпохи становления российской государственности XVI—XVII вв. — Уральский исторический вестник. 1994, № 1, с. 6.
30. Сказание Авраамия Палицына. М. 1955, с. 231, 232—233. Орфография и пунктуация источника.
31. ГОТЬЕ Ю.В. Избрание на царство Михаила Фёдоровича Романова. М. 1913, с. 17.
32. Решение Собора 1613 г. об «иноземных принципах» наследовала статья Конституции РФ 1993 г.: «Президентом Российской Федерации может быть избран гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации не менее 10 лет».
33. http://gia.ru/history_spravki/20130303/925359262.html.
34. Повесть о Земском соборе 1613 года. — Вопросы истории. 1985, № 5, с. 89.
35. ЧЕРНИКОВА Т.В. Европеизация России во второй половине XV—XVII веках. М. 2012, с. 401, 474; 479.
36. СОЛОВЬЁВ С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. Т. 19—20. М. 1993, с. 193—198.
37. В предисловии Г.А. Леонтьевой к публикации книги Г.М. Котошихина отмечается, что автор использовал в работе «и главный кодекс русского права середины XVII в. Соборное Уложение 1649 г. царя Алексея Михайловича, на статьи которого он ссылался неоднократно». См.: КОТОШИХИН Г.М. О России в царствование Алексея Михайловича. М. 2000, с. 16. Об ограничении царской власти см.: Там же, с. 150, 233—234.
38. БУГАНОВ В. Михаил Фёдорович. В кн.: Романовы. Исторические портреты. 1613—1762. Кн. 1. М. 1997, с. 37.
39. ПЛАТОНОВ С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб. 1999, с. 347.
40. УЛАНОВ В.Я. Власть Московских государей в XVII в. в кн.: Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т. 1. М. 1991, с. 278. (Репринтное издание 1912 г.).
41. КОЛЕСНИЧЕНКО З.П. Земские соборы Русского государства XVI—XVII вв.: политико-правовой анализ. — Россия и мир. Гуманитарные проблемы: Межвузовский сборник научных трудов. СПб. 2009, с. 42.
42. ШТАЙН В. Хронология мировой цивилизации. Т. 1. М. 2003, с. 735, 764—767.
43. Словарь русского языка XI—XVII вв. М. 1992, вып. 18, с. 231.
44. СМИРНОВ Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. — Сборник ОРЯС. Т. 88. СПб. 1910, № 2, с. 152, 236.
45. ПУШКИН А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 7. М. 1958, с. 307.
46. ГЕРЦЕН А.И. О развитии революционных идей в России. В кн.: ГЕРЦЕН А.И. Избранные труды. М. 2010, с. 219.
47. Там же, с. 212.
48. ТИХОМИРОВ М.Н. Русская культура X—XVII веков. М. 1968, с. 264.
49. Вести-Куранты. 1600—1639 гг. М. 1972, с. 3; ПЛАТОНОВ С.Ф. Борис Годунов. М. 1999, с. 110.
50. ТРЫКОВ В.П. История зарубежной журналистики: От истоков до второй мировой войны. М. 2007, с. 46.
51. МАЙЕР И. Периодическая печать XVII в. в Европе. — Вести-Куранты. 1656, 1660—1662, 1664—1670 гг. Ч. 2. М. 2008, с. 3, 27.
52. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (М. 1981, вып. 8, с. 135) у слова КУРАНТЫ две дефиниции: 1). Сообщения о текущих событиях 2). Вестник, газета. В литературе отмечается, что «впервые слово куранты вошло в русскую речь из голландского языка в середине XVII столетия в значении “газета” (первое упоминание — 1649 г.). См.: ШАМИН С.М. История слова куранты. В кн.: Диалог культур: Россия — Запад — Восток. М.-Ярославль. 2012, с. 85.

53. Словарь русского языка XVIII века. Л. 1989, с. 81.
54. К настоящему времени часть курантов издана: Вести-Куранты. 1600—1639 гг. М. 1972; 1642—1644 гг. М. 1976; 1645—1646, 1648 гг. М. 1980; 1648—1650 гг. М. 1983; 1656, 1660—1662, 1664—1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1. М. 2009; 1656, 1660—1662, 1664—1670 гг.: Иностранные оригиналы к русским текстам. Ч. 2. М. 2008.
55. КУЗЬМИНА В.Д. Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики в XVIII веке. М. 1948, с. 5.
56. САПУНОВ В.Б. Из истории международных культурных связей Руси в XVII в. («Вести-Куранты»). В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М. 1976, с. 205.
57. Энциклопедический словарь Гранат. Т. 26. М. 1933, стлб. 212.
58. Там же, т. 31. стлб. 212. В редакционных предисловиях к процитированным томам словаря отмечается, что они допечатываются «с незначительными изменениями по матрицам» 1914 (т. 26) и 1915 (т. 31) гг.
59. БРЭ. Т. 16. М. 2010, с. 379—380. Эти же вопросы представлены в монографии: ШАМИН С.М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.-СПб. 2011, введение и первая глава.
60. Государственность России: Словарь-справочник. Кн. 3. М. 2001, с. 346.
61. БЕЛОКУРОВ С.А. О Посольском приказе. М. 1906, с. 27. Там же на с. 63 иллюстрация: «Здание Посольского приказа в Московском Кремле в 1674 г.» по рисунку Эрика Пальмквиста (1650—1676) — шведского фортификатора, участника посольства в Россию в 1673 году.
62. Москва: Энциклопедия. М. 1980, с. 600.
63. КОТОШИХИН Г.М. Ук. соч., с. 108—109. Орфография и пунктуация источника.
64. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М. 1989, с. 59—60.
65. МАЙЕР И. Вводная часть. — Вести-Куранты. 1656, 1660—1662, 1664—1670 гг. Иностранные оригиналы к русским текстам. Ч. 2. М. с. 21—22.
66. КАЛЛАШ В.В. Очерки по истории русской журналистики. В кн.: Русская мысль. Кн. 1. М. 1903, с. 2—3.
67. КУДАКОВ О.Р. Первопечатные «Ведомости» (1702—1727): к истокам отечественной прессы. Казань. 2002, с. 9; ШЛОСБЕРГ А.Н. Начало периодической печати в России. СПб. 1911; ХАРЛАМОВИЧ С.К. «Ведомости Московского государства» 1702 г. Пг. 1919. В статье Л.А. Ольшевской и С.Н. Травникова «Куранты» в энциклопедии «Отечественная история» также утверждается, что «газета была известна и за пределами царского двора: рукописные книги 17 в. часто содержат выписки из «К». Т. 3. М. 2000, с. 200.
68. РОГОЖИН Н.М.; ЧИСТЯКОВА Е.В. Посольский приказ. — Вопросы истории. М. 1988, № 7, с. 123.
69. МАЙЕР И. Ук. соч., с. 53—55.
70. Там же, с. 86.
71. Московский телеграф. 1827, ч. XVI, № 13, с. 21—27.
72. ШТАДЕН Г. О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника. Л. 1925, с. 75.
73. КОТОШИХИН Г.М. Ук. соч., с. 39. Орфография источника.
74. Вести-Куранты. 1600—1639 гг. М. 1972, с. 181. Здесь и в цитируемых ниже «Вестях-Курантах» орфография и пунктуация источника.
75. ШАМИН С.М. Переводы иностранной прессы в русской книжной рукописной традиции до начала XVIII века: история изучения. — Российская история. 2009, № 2, с. 10.
76. ЕГО ЖЕ. Куранты XVII столетия., с. 27.
77. Вести-Куранты. 1645—1646, 1648 гг. М. 1980, с. 162, 178.
78. Там же, с. 179.
79. Оснабрюкский мирный договор — один из договоров Вестфальского мира 1648 г., завершивший Тридцатилетнюю войну (1618—1648).
80. Вести-Куранты. 1648—1650 гг. М. 1983, с. 31—32.
81. Там же, с. 126—127.
82. Словарь русского языка XI—XVII вв. М. 2002, вып. 26, с. 98.
83. Вести-Куранты. 1648—1650 гг., с. 189, 192.

84. Бутурлин Фёдор Васильевич (?—1673) — военный и государственный деятель, в 1650—1652 гг. находился на воеводстве в Двинской земле; Селетцын Иван — воевода верхотурский.
85. Вести-Куранты. 1648—1650 гг., с. 204.
86. Милославский Илья Данилович (1595—1668) — боярин и дипломат, отец Марии Милославской (1624—1669), первой жены царя Алексея Михайловича, матери Фёдора III, Ивана V и царевны Софьи Алексеевны.
87. Вести-Куранты. 1651—1652, 1654—1656, 1658—1660 гг. М. 1996, с. 24.
88. Там же, с. 46.
89. ШАМИН С.М. Куранты XVII столетия..., с. 27.
90. Отечественная история. Энциклопедия. Т. 3. М. 2000, с. 200.
91. ШАМИН С.М. Куранты времени правления Фёдора Алексеевича: К проблеме заинтересованности Московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670—1680-х гг.: дисс. канд. ист. наук. М. 2003.
92. СЕДАКОВА О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М. 2008, с. 269.
93. Лексикон славянорусский, составленный Всечестным отцем Кирь Памвою Берындою. В кн.: САХАРОВ И.П. Сказания русского народа... Т. 2. СПб. 1849, с. 80. О Памве Берынде и использовании им латинского языка см.: Берында Памва. В кн.: БУЛАХОВ М.Г. Восточнославянские языковеды: Биобиблиографический словарь. Т. 1. Минск. 1976, с. 22—25.
94. Лексикон латинский Е. Славинецкого. В кн.: Лексикон словено-латинский Е. Славинецкого та А. Корецького-Сатановського. Киев. 1973, с. 327—328, 491.
95. ДЬЯЧОК М.Т., ШАПОВАЛ В.В. Вариантность принципов транслитерации латинских слов в русской традиции начала XVII в. В кн.: Лексическая и фразеологическая семантика языков народов Сибири. Новосибирск. 1987, с. 54—62.
96. ШУСТОВ А.Н. Президент — значит сидящий впереди. — Русская речь. 1989, № 5, с. 146.

Дневники Н.Ф. Финдейзена и материалы «Русской музыкальной газеты» о первой мировой войне

Аннотация. В статье дается анализ дневниковых записей Н.Ф. Финдейзена о событиях первой мировой войны в сопоставлении с публикациями в его «Русской музыкальной газете» и с выделением наиболее острых вопросов современности: об «искусстве врагов», нравственных искривлениях в обществе, а также о благотворительных концертных акциях и исключительной музыкальной активности социума в 1915—1916 годах.

Ключевые слова: история России, первая мировая война, музыка и война, «искусство врагов», концертная практика.

Abstract. The article gives an analysis of the diary entries N.F. Findeisen about the facts of the first world war in comparison with publications in his “Russian musical newspaper” and highlighting the most pressing issues of his time: “the art of enemies” the moral distortions in society, as well as a charity concert promotions and exceptional musical activity of the society in 1915—1916.

Key words: history of Russia, the First world war, music and the war, “the art of enemies”, concert practice.

Субъективность восприятия фактов истории — один из интереснейших аспектов рукописей дневников деятелей русской культуры, стремившихся быть аполитичными, не принимавших ни войн, ни революций, откровенно высказывавших свое мнение в личных дневниках, публикация которых была немыслима в XX в., из-за чего их издание началось только в новом тысячелетии. Особенно существенны для всестороннего осознания фактов истории страницы с записями о переломных моментах жизни России, поскольку это — свидетельства современника событий, человека, на жизни которого они болезненно отражались. Примером могут послужить события первой мировой войны и их фиксация в дневнике Николая Фёдоровича Финдейзена (1868—1918). Ученый, историк, историограф русской музыки с древнейших времен (создатель одного из богатейших архивов русской музыкальной культуры, насчитывающего более 6000 единиц хранения, которые находятся, в основном, в трех архивах: в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (фонд 816) в Санкт-Петербурге, в Государственном центральном музее (ныне Всерос-

сийское музейное объединение) музыкальной культуры имени М.И. Глинки (фонд 87) в Москве и в Доме-Музее П.И. Чайковского в Клину Московской области), музыкальный писатель и критик (не только практик, но и теоретик, разработавший научные основы музыкальной критики), создатель и бессменный редактор-издатель «Русской музыкальной газеты» (1894—1918), музыкально-общественный деятель, лектор и педагог не мог оставаться в стороне от мировой политики, несмотря на принципиальную отстраненность от нее.

Война и музыка для него были всегда антагонистами, а правомерность войн и революционных переворотов им категорически отвергалась из-за связанных с ними кровопролитий. Эта, рожденная в семейных обсуждениях покушений на жизнь Александра II ¹, позиция осталась основополагающей и определяющей на всю жизнь, она была своеобразным мерилем всех политических событий. Сквозь призму этой мировоззренческой установки и воспринимались общественные потрясения эпохи.

Всемирную войну, унесшую жизни более 37 млн чел., включая раненых, пропавших без вести, военнопленных и мирное население, не мог принять русский интеллигент-либерал, даже если он декларировал свою аполитичность.

Первая мировая война принесла сумятицу в жизнь России, хотя поначалу экономическая нестабильность не коснулась Петрограда. Однако в данные публикации и рукописи постепенно «вползает» новая проблематика, занимая в них все больше места, и с нарастающей резкостью анализируются события, происходящие в России и во всем мире.

Перевернувшая жизнь русского общества война находит весьма своеобразное преломление на страницах частного издания Н.Ф. Финдейзена — «Русской музыкальной газеты» (РНБ), 25 годовых подписок которого сегодня общедоступны в электронном варианте на сайте Российской национальной библиотеки. Редактор РМГ и здесь остается верен своему постулату о независимости от политики, отражая только факты, связанные с музыкальной жизнью: «По случаю объявления войны призваны к отбыванию воинской повинности многие артисты русской оперы, балета, хористы и оркестровые музыканты» ²; «все артисты императорских театров, призванные в ряды армии, будут числиться в составе трупп во все время своего пребывания на военной службе, и будут получать часть жалованья» или: «солист Его Величества Л.В. Собинов призван на службу как офицер ополчения» ³. Хроника событий, которая велась в РМГ с № 32/33 (от 27 июля — 3 августа 1914 г.), говорит сама за себя: «В качестве военнопленных (!) в Ростове г. немцами арестован Председатель СПб. Отд. ИРМО, Н.В. Арцыбушев и проф. сарат. конс. М.Л. Пресман». «Директору Житомирского музык. училища ИРМО Л.М. Местечкину, возвратившемуся на днях из Киссингена, пришлось испытать бесцеремонное обращение германской администрации. Возвращаясь из Галле по дороге в Калиш, он был арестован в Кобутце по подозрению в шпионстве, грубо обыскан в качестве военнопленного! Конечно, ему удалось доказать свою музыкальную профессию и он, в конце концов, был отпущен немцами» ⁴.

Оставаться в стороне от политики становилось невозможно, так как война грозила крушением культуры. К примеру, в РМГ читаем:

«При бомбардировке Белграда наиболее пострадало здание сербского национального театра, представляющее теперь груды развалин!»⁵ В этих условиях Финдейзен выбрал свою позицию, придерживаясь которой ему было весьма непросто и даже опасно: ведь по отцу он был немцем, хотя мать дала ему русскую кровь и веру (дети от второго брака отца, первенцем которого был Николай Фёдорович, крестились в православие), и включился в дискуссию об «искусстве врагов», публикуя на страницах РМГ самые разные мнения по этому вопросу.

Враг — это все, что связано с немецкой нацией и культурой. Такова была установка правительства. Петербург стал, на русский лад, Петроградом. «Австро-венгерские и немецкие подданные кафешантанские артисты и оркестровые музыканты, — сообщала РМГ, — освобождены от контрактов и уехали на родину»⁶. Музыка немецких композиторов искоренялась из концертных программ.

Более того, была объявлена ревизия русской и всей мировой музыкальной культуры: «При дирекции Имп. театров образована специальная комиссия по исправлению либретто опер как русских, так и переводных. В первую очередь будет пересмотрено либретто оперы “Жизнь за царя”, в котором имеется много недочетов в виду того, что текст написан немцем (бароном Розеном), грешившим по части русского языка. Удивительно, однако, что этот текст удовлетворял ту же дирекцию в течение целых 75 лет»⁷. «При постановке оперы “Фауст” Гуно в театре Зимина в Москве из 4-й картины исключаются шествие немецких войск и марш»⁸.

«Искусство врагов»⁹ — так называлось Открытое письмо Н.Н. Фатова, вызвавшее в 1914 г. весьма любопытную дискуссию, ни один из участников которой не ставил под сомнение значимость немецкой культуры: «Как быть нам, привыкшим ценить и любить Канта, Гёте и Шиллера, Моцарта, Бетховена, Шуберта и Вагнера?» — спрашивал автор письма; «“бойкот” Гёте или Бетховена не укладывается в моем мышлении»¹⁰, — вторил ему «оппонент» под нераскрытым псевдонимом Л. И-ов, все же призывая «воздержаться от апофеоза некоторых, пусть даже гениальных произведений германского творчества, т. к. в них, кроме личности их творца, принадлежащей всему человечеству, присутствует и тот самый дух его народа, который в эти дни таинственно вдохновляет враждебные полки в их кровавой борьбе против нас»¹¹, так как он считал, что «наша борьба с Германией происходит не в виде лишь никому не нужных стратегических маневров, преследующих военные цели, а в гораздо большем широком масштабе духовной борьбы»¹².

Все выпады против немецкой музыкальной культуры, хотя и находили отражение на страницах РМГ, однако самим Финдейзеном, впрочем, как и Фатовым, воспринимались как абсурдизмы военного времени, ничего общего не имеющие с подлинным искусством: «Мы воюем с немецким милитаризмом и немецкими варварами, но мы должны помнить, что немецкие ученые, философы, поэты и композиторы в этом варварстве неповинны. Мы, служа высшим идеалам культуры, за которую наши братья льют кровь там, по-прежнему должны здесь изучать Канта и Вундта, читать и смотреть на сцене Гёте и Шиллера, слушать и исполнять Моцарта, Бетховена, Шуберта, Шумана и Вагнера, так как нет искусства врагов, нет науки врагов, а есть наука и искусство единого культурного человечества»¹³.

Специальная музыкальная газета в годы войны вела спор об искусстве, как бы поднимаясь над происходящим. И только в «Дневниках...» находим отголоски переживаний Финдейзена и его мнение о причинах войны и ее результатах.

Как совершенно естественные и закономерные воспринимали действия Императорского двора петроградские немцы, преданно служившие России. Это относилось даже к их депортации на Волгу. Враги «отлично осведомлены обо всем, что у нас, благодаря нашим перебежчикам из немцев, которых до сих пор не убрали в более глухие резервы»¹⁴, — считали они. Причем сложившуюся ситуацию понимали не только жители Петербурга, но и те, кого переселяли подальше от военных действий: судя по переписке, они приняли это как необходимость и довольно быстро адаптировались к жизни в новых обстоятельствах, проявляя свои возможности и способности на новых территориях.

Верноподданнические тенденции (вернее, крайности их проявления) далеко не всегда поддерживались редактором РМГ. Среди присылавшихся ему писем сохранилось и весьма «симпатичное» предложение Э.Э. фон Сельденека, датированное 19 февраля 1915 г. (из уездного города Льгова Курской области), следующего содержания: «Присылаю Вам в письме — воззвание для напечатания в Вашей уважаемой газете. Считаю нужным высказаться в настоящее время, в виду осложнений. И после войны едва ли какие-либо государства начнут сношения с Германией. Нахожу момент удобным указать на то, что Россия должна сделать для своей музыкальной культуры, в частности. При желании и некоторой энергии мы можем забрать весь свет на этот край истории»¹⁵. То есть, как родственник по крови и фамилии Финдейзену, человек предлагал Россию сделать господствующей во всем мире культурной страной-столицей, при этом все же отмечая: «Прошу не смущаться моей немецкой фамилией; я русский подданный и давнишний»¹⁶. Естественно, это воззвание опубликовано не было, хотя письмо сохранилось в личном архиве.

Впрочем, и в статьях РМГ порой встречается некоторый «перегиб». Так, к примеру, редакция отреагировала на сетования создателя и дирижера Великорусского оркестра русских народных инструментов Василия Васильевича Андреева: «По словам газет, в виду исключения из программ своих концертов всех немецких композиторов, Великорусскому оркестру В.В. Андреева приходится помимо русских народных песен, обращаться к произведениям композиторов исключительно союзных государств. В предстоящем концерте он отводит место салонному композитору Лакомбу и др. А не пора ли “великорусскому” оркестру обратиться исключительно к *русским* произведениям и, в особенности, к народным песням, и тем исполнить свое прямое назначение, не заимствуя репертуара от салонных оркестров и не жалуясь на исключение немецких композиторов, совершенно непригодных для русской балалайки»¹⁷.

Если фиксация фактов войны в «Дневниках Н.Ф. Финдейзена» носит характер исторической констатации, то о терпящих последствия разрухи музыкальных делах сообщается со все возрастающей горечью. Тем не менее, несмотря на экономическую нестабильность предреволюционных лет, главенствующим в жизни Финдейзена остава-

лось издание РМГ и деятельность «Общества друзей музыки»: «“Общество друзей музыки” в Петрограде, параллельно со своими публичными музыкальными собраниями, устраивает концерты в лазаретах для раненых русских воинов. Ими были устроены концерты в лазаретах Константиновского военного училища, л.-гв. Егерского полка и др., при участии артистов — вокального женского квартета А.И. Молчановой и др. В концерте, устроенном в пользу лазарета л.-гв. Егерского полка 27 декабря деятельное участие принял Н.И. Привалов, поставивший ряд музык. №№ и сцен из образцов старинного русского народного песнетворчества»¹⁸. «Общество устроило с благотворительной и просветительской целью *Лермонтовский вечер* в зале Петровского комм. училища для учащихся и раненых»¹⁹. «Артисты московских театров с Высочайшего соизволения устроили 25 декабря грандиозную елку в Большом театре “На помощь жертвам войны”, собрав крупную сумму. Уже в первый день продажи входных билетов было продано свыше 2000 билетов. Чистый сбор достиг 30 тысяч руб.»²⁰

Явление, которое на первый взгляд кажется странным, — необычный взлет музыкальной активности в России в 1915—1916 годы. Это отмечается многими современными исследователями музыкальной культуры. Сам Финдейзен, анализируя художественные итоги 1915 г., писал: «Независимо от какой бы то ни было политики, прошлый год и в музыкальных делах показал, как много своеобразного творится на матушке Руси. Когда прошло первое боязливое время, концертная и театральная жизнь — в столицах, по крайней мере — не только восстановилась, но даже как будто расширилась. В Петрограде возобновили свою работу почти все учреждения. Обстоятельствами военного времени они стали прикрывать только свои недочеты, в том числе и относящиеся до художественности программ. Между тем, во всех воюющих странах, — музыкальная жизнь настолько остановилась, что во Франции и Германии прекратились даже наиболее солидные и материально обеспеченные музыкальные журналы — “S.I.M.” в Париже²¹ и “Die Music” в Берлине»²². Так на музыкальной культуре России сказался общенародный подъем духа, вызванный первой мировой войной.

Таким образом, война в рукописях и публикациях Финдейзена 1914 — начала 1917 г. предстает как кровавая бойня, разразившаяся по прихоти власть держащих, явление бессмысленное и разрушающее не только российское общество, но и всю мировую культуру, поскольку приходится делить искусство на «свое» и «врагов». При этом война вызывает рост патриотизма и стремление социума всеми силами содействовать победе или хотя бы облегчению участи отечественных солдат — музыкой, концертами, искусством.

Дневники Финдейзена с хронологической четкостью фиксируют рост цен и последовательность разрушения привычного для него круга бытия, поскольку все происходящее напрямую воздействует на дело его жизни — издание «Русской музыкальной газеты», обреченной на постепенное затухание и окончательное закрытие после 12 номеров 1918 года.

Но самым негативным результатом исторических потрясений для культуры России становится, по мнению Финдейзена, стремительное падение нравов: редактор «Русской музыкальной газеты» впер-

вые за два десятилетия издания журнала сталкивается с плагиатом — воровством чужой статьи. И это им воспринимается как начало крушения порядочности человека — одной из основ бытия социума и следствие того, что «война сбила с толку головы у многих»²³. Так постепенно осознавалось и к январю 1917 г. сформировалось окончательно убеждение, что Россия стоит в преддверии будущих общественных потрясений.

В фрагментарной публикации дневников Финдейзена выделено два ракурса — его отношение к событиям первой мировой войны (с сопровождавшими ее отголосками) и работа, завершившаяся изданием «Очерков по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века» — первого научного труда, основанного исключительно на первоисточниках, вышедшего в двух томах в 1928—1929 годах.

Вступительную статью и публикацию дневников (орфография и пунктуация автора) подготовила **М.Л. Космовская**.

Примечания

- Работа над рукописями Н.Ф. Финдейзена ведется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда с 2000 г. (в 2015 г. — грант №15-04-00191) 1. Об этом говорилось в тетрадях Н.Ф. Финдейзена «Из моих воспоминаний», изданных в 2004 г. в Российской национальной библиотеке (серия Рукописные памятники, вып. 8), с. 107—108 и др.
2. Разные известия. — Русская музыкальная газета. 1914, № 32/33, стб. 673.
  3. Там же, стб. 674.
  4. Там же, стб. 673.
  5. ФИНДЕЙЗЕН Н.Ф. Дневник. 12 июля 1909—16 марта 1920. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 816, оп. 1, ед. хр. 374, л. 144.
  6. Там же, стб. 674.
  7. Разные известия. — РМГ. 1914, № 48, стб. 909.
  8. Там же, № 46, стб. 852.
  9. ФАТОВ Н.Н. Искусство врагов: Письмо в редакцию. — РМГ. 1914, № 38/39, стб. 728—729.
  10. И-ОВ Л. По поводу статьи «Об искусстве врагов». — РМГ. 1914, № 44, стб. 782.
  11. Там же, стб. 785.
  12. Там же, стб. 784.
  13. ФАТОВ Н.Н. Ук. соч., стб. 729.
  14. Там же.
  15. СЕЛЬДЕНЕК Э. Письмо Н.Ф. Финдейзену. Льгов. Пометы Финдейзена. 19.II.1915. ОР РНБ, ф. 816, оп. 2, ед. хр. 1826, л. 1—1об.
  16. Там же, л. 1об.
  17. Разные известия. — РМГ. 1915, № 2, стб. 29.
  18. Там же, стб. 28.
  19. Концерты в Петрограде. — РМГ. 1915, № 4, стб. 101.
  20. Разные известия. — РМГ. 1915, № 2, стб. 29.
  21. Имеется в виду французский журнал «Societe Internationale de Musique», выходивший с 1905 года. В 1912 г. он слился с журналом «La Revue Musicale» и стал выходить под названием «La Revue Musicale Societe Internationale de Musique».
  22. Из праздных разговоров о минувшем годе. — РМГ. 1916, № 1, стб. 16.
  23. ФИНДЕЙЗЕН Н.Ф. Дневник. 12 июля 1909 — 16 марта 1920, л. 141об.

Космовская Марина Львовна — доктор искусствоведения, профессор Курского государственного университета. E-mail: KosmovskayaML@tks2000.ru.

Kosmovskaya Marina L. — doctor of artscience, professor of Kursk State University. E-mail: KosmovskayaML@tks2000.ru.

Дневники Н.Ф. Финдейзена 1914—1917 гг.
(фрагменты)

1914

Павловск 6 ноября. Что стряслось над всеми, что переживается всеми за эти 3 1/2 месяца! Захватывавшая с середины лета тоска, неурядицы, мобилизация, война, сцены проводов солдат (помню одну встречу холодных «теплушек» холодной осенью, ночью, когда солдаты запевали этот похоронный отвратительный «Последний нонешний денечек»¹. Слава Богу, насколько постепенно настроение стало бодрее!), первые известия с войны, горестные и радостные, переезды Общества в гор[одскую] квартиру², меня — сюда, в Павловск; обе отвратительные поездки с лекциями при расстроившемся общем турне, бессонница и тупая боль — все отвлекало охоту продолжать дневник. А пережито много. Нежданно обнаружилось варварство немецкой культуры. Также нежданно проявилась русская мощь, какой-то коллективный подъем — внешне мало обнаруживаемый, если не считать неустанных «сборов» и патриотич[еских] концертов, в большинстве никому неинтересных. Вдруг для меня вынырнула крупная и до крайности ставшая для меня симпатичной фигура главного командующего — в[еликого] к[нязя] Н[иколая] Н[иколаевича]³, говорят человека грубого, но прямого и искреннего. Какое счастье, что в России нашлась такая властная фигура, решительная, смелая, непоколебимая. Как тверда теперь вера в добрый для Славян исход, если Господь даст не помешать всяким течениям и обманам!..

Война перевернула все планы. Большинство городов отказались — будто временно — от устройства рубиншт[ейновских] лекций, Общ[ество] гр[афа] Шереметева, переживающее теперь тяжелейшую неурядицу, также отложило все 4 лекции по итал[ьянской] музыке — на январь. Съездил в Житомир⁴, Астрахань⁵ и Самару. В первых двух городах прочел скверно, лекция мне показалась отвратительной. Исправил лишь в Самаре, где пришлось отложить на день — из-за запоздания поезда. Оба раза попал в полосу передвижения войск, раненых и пеших.

1915

21 января. Все суматошные дни. В воскр[есенье] — I-я лекция⁶ в Шерем[етевском] обществе⁷. Прошла хуже, чем ожидал, в особ[енности] исполнение, которое там вообще срепетировается наспех⁸. Да и программа — сухая⁹, почти никто из «членов» Общ[ества]¹⁰ не был, кроме Соловьёва¹¹ и обязат[ельного] Хесина¹². Но любопыт[но], что Сол[овьёв] после компилятивных лекций пр[ошлого] года¹³ и о Руб[инштейне]¹⁴ высказывавший комплименты, теперь, как и другие, промолчал. Вероятно, потому, что кое-что в работе было нового¹⁵. Все затянулось поздно, денег за лекции не дождался и до сегодня. В понед[ельник] — концерт Общ[ества]¹⁶ с Зилоти¹⁷ — полный сбор, пришлось приставлять стулья и пустить на эстраду!¹⁸ Но А[лександр] И[льич] — Рахман[инова] (виол[ончельная] сон[ата]) и Чайк[овского] (трио) валял во всю. Темпы были спортивные. Не знаю, действует ли на него музыка или он разыгрывает Ник[олая] Рубинштейна — его ругань и крики в артист[ической] — послание к черту публику и всех — как-то не вяжутся после скорбных звуков

Ч[айковского] и Рахм[анинова]. Был Рузский ¹⁹, вернувшийся с позиций (он в каких-то помощниках Ольденбургского ²⁰); рассказывал, что сам видел солдат, облитых проклятыми немцами кислотой!.. Вот мерзавцы-то! И как не удивляться, что рядом с подобными фактами циркулируют слухи, что существует партия герmanoфилов среди правительства, хлопочущих о мире! Сегодня слышал о предстоящем уходе Горемыкина ²¹, Щегловитова ²² и Фредерикса ²³ — вероятно за маклаковские ²⁴ «векселя», вернее «векселя» Главнокомандующего как назвал М[аклаков] обещания Н.Н. ²⁵ полякам и славянам ²⁶. Обаяние личности последнего все вырастает. Слава Богу, что в России нашелся действительно сильный характер...

29 мая. Какая бессмысленная, на самом деле, бойня происходит в Европе — и все ради безграничного властолюбия сумасшедшего потентата ²⁷. При самой высокой культуре, после умственной и творческой работы целого ряда гениев и больших людей, — как озверели и одичали их наследники, обманутые и ослепленные какой-то несбыточной перспективой. — Взятие обратно Перемышля ²⁸, постепенное занятие польских и прибалтийских окраин действует болезненно. Снова нет героев, кроме беззаветной удали народа. Так было в японскую войну, когда Макаров ²⁹ и Кондратенко ³⁰ погибли, а Мищенко ³¹ и др. — сошли куда-то на нет. Лучшим достижением до сих пор была — отмена винной монополии ³²: к полному отрезвлению она не могла так скоро привести — это кажущееся только для услужливой печати, которая у нас, кажется, никогда свободной не будет, — но результаты отмены, в особенности на войне, сказались необычайно. Теперь в «Петрограде» ³³ и даже Павловске не только водки — вина не достать. Вот только Царское село оказалось счастливее в этом отношении, — туда массами наезжали за вином комиссионерствующие нищие (буквально) закупавшие десятками рублевое вино. Правда, то Царское Село.

До сих пор после болезни не оправился. Счастлив, что за зиму и весну окончил и переписал 4 главы «Истории музыки в России» — до Петра, включительно. Работа увлекает все больше, в особенности после углубления в певческие сборники Публичной библиотеки ³⁴. Сижу там уже 3 месяца — сначала ради несостоявшейся биографии Глинки (обещание Обер[емченко] конечно оказалось вздором), а потом принялся за канты и псалмы. Сначала шло туго и медленно, благодаря полному отсутствию научной подготовки, а насчет старинной нашей нотописи все равно некого было бы и спросить. Но мало по малу, дело уладилось; переписка и сравнительный анализ разнописи увлекли и на днях кончаю главный богатейший Буслаевский сборник ³⁵. — Жаль, что еще не могу добиться от Срезневского ³⁶ рукописи Титова ³⁷. — Теперь придется только собирать дальнейший материал. Ахшарумов ³⁸ разрешился наконец задатком за заказанную «историю» (тоже — «история») Полт[авского] отделения ³⁹. Но и эта работа — спасительна, ибо в редакции был бы крах! Вчера еще, слава Богу, кончил переделку оригинала 2-го издания «Музык[альных] очерков и эскизов» ⁴⁰; пошлю Юргенсону ⁴¹ — сомневаюсь, чтобы принял издание. А дал бы Бог!..

2 июня. ...У нас положительно начинают терять почву под ногами. Покуда мы продвигались вперед, немцам позволяли шпионить во всю (только к Пасхе догадались повесить Мясоедова ⁴², хотя на

него печатно указывали как на шпиона уже несколько лет назад!), а теперь в своих же русских видят шпионов! Запрещено разговаривать по телефону на ином языке, кроме как на русском! Сегодня новое объявление — для поездки в Финляндию кроме паспорта необходимо выписать еще удостоверение личности на фотограф[ических] карточках. У страха, как и у глупости — глаза велики. Запрещения, обязательные постановления и... ни капли психологии.

Курдюмов как-то рассказывал, что Кауфман ⁴³ — в сущности, просто жулик (теперь его уволили у Шереметева ⁴⁴). На памятник Чайковскому там собрали около 14 тыс[яч] рублей, а израсходовано... 20 000! Один Кауфман, будто бы обошелся около 10 тысяч. Удивительно у нас не церемонятся с собранными публичной подпиской деньгами ⁴⁵: нет отчетов по памятнику Глинке ⁴⁶, статуе Чайковского (Танеев ⁴⁷ держит все в своих руках) ⁴⁸; о памятнике Бортнянского, Львова и Турчанинова перестали даже вспоминать ⁴⁹. — Хорошо бы пожить в Париже, хотя бы...

7 июня. Наконец добился рукописи Титова в библиотек[е] Акад[емии] наук ⁵⁰. Заниматься крайне неудобно. Библиотек[а] открыта от вторн[ика] до пятницы с 11 до 3-х час[ов], а я с 12-ти, как раз в эти дни должен высидывать дома ⁵¹, хотя и ни один черт не заглядывает в Контору ⁵². Ради того, чтобы $\frac{3}{4}$ часа позаняться у Срезневского (Все-в[олод] Измайл[ович], очень милый и обходительный человек) приходится почти 1 $\frac{1}{2}$ часа тратить на проезд. Хорошо, что там всего две рукописи кантов и псалм, так что недолго продлится эта василеостровская катавасия. Понед[ельник] и суббота остаются на Публ[ичную] библиотеку. Решил просмотреть все сборники кантов и псалм. Зато какая коллекция их получится за XVII—XIX век! Необычайно радуюсь начатой работе, т. к. с каждым днем все более проясняется горизонт — начинаешь понимать забытое русское певческое творчество XVII—XVIII в. — первое личное русское музык[альное] творчество. Оценка его с историч[еской] и художеств[енной] точек зрения чрезвычайно заманчива. Спасибо Смоленскому ⁵³, что он своими «Кантами» ⁵⁴ навел на мысль взяться за эту работу...

3-го дня был в Павловском дворце на панихиде по вел[ико]му кн[язю] Конс[антину] Конст[антиновичу] ⁵⁵ от Главной Дирекции ⁵⁶. Были, кроме 3-х сыновей князя, наша madame ⁵⁷, Тимоф[еев] ⁵⁸, Глазунов, Направник (Wolodja) ⁵⁹, 3—4 из Гл[авной] дир[екции] и 6—8 из консерватории. К чему они выстаивают панихиды, когда и лба не умеют перекрестить! Покойник лежал в круглой зале, под покровом из золотого газета с орлами и андреевским флагом, в головах 4 знамени, почётная стража — 2 инвалида и 2 солдата. Консерват[орский] священник хорошо служит, а еще лучше читает молитвы. При его безобразной наружности (еще более орангутанг, чем покойный Смоленский) он произносит молитвы удивительно проникновенно. Вечера ради похорон траурное украшение вокзала. Сегодня на улице даже павловские молочницы были в траурных платьях. Покойного очень любили здесь за простоту.

13 июня. Начинается обычное лганье. Всякий неуспех выставляется в розовом свете. О главном замалчивают. Снова печать сведена на роли гимновоспевательницы. Скучно, тошно, больно... Хандрю и не доедаю во всю!

1 июля. Полтавский очерк подвигается с трудом... 3 дня прогостил в Райволе. Не понравилось, скука, благодаря отдаленности, отчаянная. Перед Белоостровом вагоны закрывают и пассажиры — российские подданные с паспортами в руках — ждут жандармов точно арестанты. Право, древние славяне удивительно точно и остроумно объявили свое природное свойство: земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет — приходите к нам править! И в самом деле, это также справедливо можно сказать и в наше время. Как велика Россия, как богата земными данными — и как мало порядка, как постоянно сменяются заводители порядка, всех сортов и оттенков и большей частью — бестолковые и грабители. И всем отдается на послушание...

12 июля. Сказка про белого бычка повторяется. Русский гражданин имеет вместо прав только обязанности, да и то находится в вечном подозрении о степени своей благонадежности. По-видимому, сказка про белого бычка будет еще долго повторяться и по окончании войны, протекающей в тех же условиях, как и прежняя японская, хотя русские и пожертвовали на настоящую войну несравненно больше, кроме, конечно, чиновников и купцов. Любопытно отношение цензуры — чем больше дурнеет голова, тем больше нужно одевать розовых и белых очков. Избави Бог предложить кому-нибудь холодный компресс!..

14 сентября. Не подымалась рука заносить что-либо в дневник. «Великая война» (истинно великая, размеры которой, подлинные причины и будущие результаты которой не поддаются и не поддадутся учету современников!) сопровождалась в этот двухмесячный период столь скорбными переживаниями Руси и глубоко-печальными и нелепыми эксцессами административного произвола, что нервы порой напрягались до крайности. Много верного было выражено с думской трибуны. И вот — в благодарность за общую безответную помощь — закрытие Думы ⁶⁰. Вместо перетолковывания на свой лад — ограничился вырезками газетными.

Несмотря на подготовленную Германией и настойчиво призываемую у нас бойню — там, здесь — та же свистопляска, что и в 1905 и ближайших к нему годах... Умерли прежние «столпы» — Витте ⁶¹, Дурново. Как любопытна и характерна для России судьба последнего: из-за соержанки он обыскивает бразильского посланника, государь пишет на это «мерзавец» (кажется), его выгоняют... в сенат, затем он делается министром вн[утренних] дел и чл[еном] Гос[ударственного] совета.

Да как же заведомый «мерзавец» (а в качестве министра — еще разоблаченный с óвсом!) — он может быть назначен в Госуд[арственный] совет?..

Радуюсь оживлению массы новых муз[ыкальных] личностей в России. Сказать им спасибо? Не думаю — у нас в ходу и моде поверхностная работа. В газете — застой и частыми минутами — боязнь за будущее. Бумаги нет, вздорожала до крайности, денег нет, подписка остановилась меньше, чем на 500 экз[емплярах]! А тут еще невероятная всеобщая дороговизна. Приходится жить чуть ли не впроголодь, чтобы не тратить более 1 р. 25 к. — 1 р. 50 к. в день на всю семью. Это после 25 лет (ровно) почти неустанной работы и не предвидя отдыха, кроме смерти.

30 сентября. Снова навалились неприятности... Живем впроголодь, — дороговизна страшная — нет масла, муки, сахара ⁶².

Воскр[есенье] 11 окт[ября]. Моя история подвигается черепашьим шагом. Не могу сосредоточиться, разобраться в массе материалов и добыть намеченные новые... Сердцебиение и бессонница по ночам истомляют, благодаря снова свалившимся невзгодам. Денег нет — надо рассчитаться с Ястребцевым ⁶³, надо на поездку в Тифлис, на хозяйство, на мелочи. Лекции в Ростове и Полтаве расстроились. Боюсь даже за Баку и Тифлис, да и не много от них останется, если одна дорога обойдется рублей в 120!.. А тут еще — дополнительный промышл[енный] налог, да со штрафом!! Завтра поеду к Рузскому — хлопотать о месте. Ничего не остается другого... Господи! Как мучительно жить, как мучительно жаждать работать и не осилить окружающего...

Понед[ельник] 12-го. Денек. Утром, приехав в Питер,.. вместо библ[иотеки] Академии, пробежался к Градоначальнику — подать прошение на концерты. После обеда — к Павлову, попытаться разъяснить требование нового дополн[ительного] налога за редакцию и даже со штрафом за мнимую неподачу заявления. П[авлов] — он теперь старший ревизор в Управе — признал, что это полное беззаконие, проявляемое податными инспекторами в виду требования увеличения доходов государства ⁶⁴.

Он рассказал несколько мошеннических приемов инспекторов для увеличения «раскладочного сбора» ⁶⁵. Если государство будет защищаться на средства, собранные путем насильственного обмана и в то же время раздавать субсидии и громадные средства любителям казенного пирога (как часто в поезде слышу разговоры о выдаче миллионных авансов на поставки, которые фактически не могут быть выполнены), таким государством дорожить нельзя...

Пятн[ица], веч[ер]. У Рузского узнал о решении — слава Богу — благоприятном и завтра поступаю на службу. Он чуть ли не проектирует меня в недалеком будущем устроить бухгалтером в его правлении. Много я смыслю в этой чертовщине! Но я предупредил, что не хотел бы, чтобы ко мне отнеслись снисходительнее в виду личного знакомства с ним. Вспомнили о К.Ю. Давыдове ⁶⁶ — бухгалтере в Общ[естве] брянского завода ⁶⁷. Утешения в этом мало, но жить надо, надо поддержать газету, надо, если Господь Бог даст, закончить историю, и если музыка не может нас прокормить, если и в музыке кумовство пересиливает знание и заслуги (Коптяев ⁶⁸ — в Прав[лени] орк[естров], Оссовский — в конс[ерватории]), то лучше зарабатывать средства порядочной службой, чем опускать руки и — изничтожить газету и все старые добрые затеи и мечты...

Баку. Суббота 21 ноября. Выехал во вторник совершенно больной. Скучная, долгая дорога; сменились лишь 2 спутника по 1/2 купе — оба офицера. 2-й ехал на позиции за Сарыкамыш ⁶⁹. С университетским значком капитан, везший 2 бочонка огурцов и грампластинки, после 2-х нед[ельного] отдыха. Поудивился, что почти ничего не читал — перечитывая старые (!) газеты и дрянные вагонные журналы. Говорил о томительности позиционной войны и о ненужности войны с турками. Те отлично осведомлены обо всем, что у нас, — благодаря нашим перебежчикам из немцев, которых до сих

пор не убрали в более глухие резервы. У его командира даже денщик немец Карл! От Ростова в вагон набралось много офицеров, ехавших туда же. Не чувствуется в них ничего бодрого; напротив, кажется они отяжелели. Главное — не чувствуется культуры, которая заменила бы прежний боевой энтузиазм. Или это веяние застоя в южном фронте?..

Тифлис 26-го. Если и сегодняшняя лекция сойдет также плохо и при пустом зале, как в Баку ⁷⁰, то вся поездка окажется ужасной глупостью. Вместо отдыха от домашних прелестей — утомительная дорога, нездоровье и бесцельное шлянье по двум кавказским городам. В Баку так неумело поставлено дело, что слушателей не набралось, вероятно, и 100 человек. Наслушался там жалоб на Шмидта ⁷¹, загоняющего в классах экономию и ничего общего с музыкой не имеющего. Типичный рижский немец!.. Майданы ⁷² не понравились — персидские рынки в Баку типичнее, оригинальнее (Шемаха ⁷³). Здесь ничего оригинального в лавках нет, ничего местного, — все столичное и втридорога. Рад буду завтра сесть в поезд, хотя и пришлось взять место в Междун[ародном] вагоне.

Петроград 6 декабря. Милый, чистый сердцем и душой Отче Никола — моли Бога за мя грешного!.. ⁷⁴

Лекция в Тифлисе ⁷⁵ прошла гораздо благополучнее Баку. Музыканты остались довольны, да и я читал как следует...

1916

Пятн[ица], 1 января 1916 г. Встретил и провел день Нового года —... Шуманом и «Русланом», — начал Бахом, Бетховеном, Шубертом и Глинкой ⁷⁶. Рад несколькими новым страницам «Истории». Неужели в наступившем [1]916-м году не удастся окончить ее, доведя до Павла?.. Вчера в Правлении, переписал для 2-го № — окончание «Афоризмов» Толстого ⁷⁷ из «Дневника» ⁷⁸. В сущности, своим художеств[енным] творчеством (гениальным!) он противоречил своей философии. Если романы и повести он считал — праздными и вредными, как не достало силы оставить их. Значит — влечение художественное — сильнее мышления. Но и среди парадоксов его попадают-ся чрезв[ычайно] интересные и верные мысли. Как далеко до них нашим доморощенным эстетам!!

Пятница 8 января ⁷⁹. Весть о капитуляции ⁸⁰ моего любимого черноморского короля Николая ⁸¹ — поразила меня до боли. Дай Бог, чтобы оказалось не так; но если это правда — страшно осуждать — значит бедной Черногории пришлось испить горчайшую чашу мучительства до конца... Смешно подумать, что в этой всемирной войне — наибольшими и подлинными героями оказались самые малые по значению политическому — народы — Болгария, Сербия и Черногория. И какой стыд Германии — пользоваться победами над этими малыми политическими единицами. Господи, сколько страдания на свете!

Боюсь еще записать о собственной неожиданной радости, пока не сбылась она фактически — об обещанной мне 2 января Рузским крупной материальной поддержке газеты. Неужели газета спасена?.. но подписка движется еще более черепашьям шагом, чем прежде. Эти дни устал до крайности — к «Ист[ории]» почти не касаюсь...

Четверг, 14-го. В понедельник Рузский дал 1500 рублей — ^{1/2} обещанной субсидии газете. Вдохнул так свободно, как давно не

дышал. Какая благородная деликатность и доброта! Не дал даже поблагодарить горячо!.. На душе сделалось так спокойно, что не страшно даже полное отсутствие статей...

Суббота 20 февраля. Бедная моя история затормозилась. Услышал Господь Бог мои молитвы о газете и службе, а об окончании истории, знать, грешная молитва моя еще не дошла. Жизнь крутится — по-новому и так быстро, что нет времени сосредоточиться над крупной работой. И вот — молишься и, часто, бессильно сидишь над белыми листами... Очевидно, стою на рубеже нового и, вероятно, последнего уже периода жизни. Благодаря службе и помощи Н[иколая] П[авловича] газете — внешне жизнь проходит спокойнее, но круче и пестрее ее обороты. Н[иколай] П[авлович], очевидно, желая материально помочь моей личной жизни (ибо невозможно было бы существовать на 150 руб[лей] в месяц, когда одна квартира стоит 100 р.), снова проявил большую деликатность — предложив добавочную должность, вроде делопроизводителя, в Правлении Тульско-Черк[асского] т[овариществ]ва сах[арных] заводов, в котором недавно он сделался одним из главных пайщиков. Правление покуда находится в Киеве, но и председатель (Коншин) и главный директор (Русский) в П[етербурге]; покуда работал очень мало, но не считаю добросовестным брать даром жалованье и стараюсь поскорее войти в курс сахарных манипуляций, теперь вполне связанных с банковскими.

25 марта... Ах, моя бедная история! Каким черепашьям шагом она теперь подвигается! — Статейка о Зилоти и рецензентах произвела сенсацию. Порядочную статью оставят без внимания, а если кого схвачу за шиворот и покажу его пакость в настоящем свете — радуются и хвалят!..

*12 мая*⁸². Репин исполнил свое обещание — вчера съездил к нему в Куоккала⁸³ и получил прекрасно исполненный портрет Стасова по фотогр[афии] [1]895 г.⁸⁴ Я виделся с И[льей] Е[фимовичем] очень короткое время — между поездами, в сущности вчера же и познакомился с ним лично впервые. Личность прелестнейшая; выглядит старинным испанским художником, говорит ясно, выпукло, чуть в нос, точно старинный актер — понравился чрезвычайно — и внешностью, и простотой обращения. У него по средам приемы, хотя приезжать в его «Пенаты» (больше 2-х верст от станции) и далеко, и дорого. Обширный дом в глубине усадьбы, видел кабинет, приемную, столовую. На всем печать оригинальности.

1917

6 января [1]917. Почти 8 месяцев протекло со дня последней записи. Так погано все казалось вокруг — и в политических, и [в] общественных событиях, и на службе, и дома, и в музыкальных делах, — что не хотелось изливать ненужных и непоправимых жалоб. Переживается исключительная в истории человечества кровопролитная эпопея; культурнейший народ прибегает к самым возмутительным и диким мстительным приемам, за то, что прусское юнкерство обожгло руки, — а у нас самая безобразная политическая свистопляска и обнаруживание застарелой хамской природы! Министры летят с мест, точно прислуга у сварливой и глупой хозяйки. Фаворитом (слава Богу, в прошлом! для этого понадобились заговоры а'la Дюма), во время провозглашенного отрезвления народа, являлся беспутный, напивав-

шийся в ресторанах Распутин. Министрами назначали заведомых прохвостов, а чуть министр оказался приятным или угодным обществу — его убирали, хотя и с «искренней благодарностью». Все последние «петроградские» градоначальники (да многие и московские) после увольнения попадают под суд или следствие.

Почти все герои недавнего прошлого — ошельмованы, но... прощены, а прохвосты (вроде Рубинштейна⁸⁵, Мануйлова⁸⁶ и К^о) освобождены из тюрьмы. На фронте верят, что ничего не проходит безнаказанно и, возвращаясь в тыл, к изумлению, узнают о негласном освобождении Сухомлинова!..⁸⁷ Сравнительно с этой глупейшей, позорнейшей «политической» (иначе у нас и политику не понимают) свистопляской, бледнеет торгашеская вакханалия, с твердыми и вздутыми до крайности ценами, которую можно объяснить только извечной хамской закваской нашего народа, вдруг — после того как ушли «господа» (немцы), сдерживавшие их авторитетом или конкуренцией (в торговле и промышленности), — проявившаяся в полной мере и силе. Господи, как хочется пожить в стране, уважающей закон!!!

Примечания

1. «Последний нонешний денёчек / Гуляю с вами я друзья...» — известная солдатская песня о призыве в армию. Была очень популярной и сохранилась во множестве вариантов. Мелодия игралась шарманщиками в эпоху первой мировой и Гражданской войн.
2. С этого времени адрес бюро Общества друзей музыки указывается как 2-я Рота Измайловского полка, д. 16, кв. 1, то есть домашний адрес Н.Ф. Финдейзена.
3. Николай Николаевич-младший (1856—1929) — великий князь, военный деятель.
4. В корреспонденции из Житомира читаем: «5 окт. местное Отд. ИРМО устроило вечер, посвящ. Памяти *А.Г. Рубинштейна*. После лекции приглашенного из Петрограда Н.Ф. Финдейзена, состоялось концертное отделение, прошедшее с большим успехом». И далее — восторженный отзыв об исполнителях. Разные известия. Житомир. — РМГ. 1914, № 47, стб. 891.
5. Из Астрахани была прислана корреспонденция под псевдонимом Do-bes: «Единственный рассадник серьезной музыки у нас, — местное отделение ИРМО, открыло свою деятельность в этом сезоне 12 окт. большим патриотическим концертом, весь сбор с которого поступил в пользу раненых воинов... Памяти *А.Г. Рубинштейна* был посвящен 2-й очередной концерт муз. общ. 22 октября, для которого специально был приглашен Н.Ф. Финдейзен, прочитавший реферат о жизни и творчестве гениального художника». И далее — о программе концерта и более ни слова о лекторе. Разные известия. Астрахань. — РМГ. 1914, № 46, стб. 847—848.
6. На тему «Происхождение и постепенное развитие Итальянской оперы в XVII-м веке» см.: Программа 114-й (110-й в сезоне и первой в 1915 году — Н.Ф. Финдейзена) лекции по истории музыки, которая состоялась в воскресенье 18 января 1915 года. ФИНДЕЙЗЕН Н.Ф. История музыки. Программы (8) лекций, прочитанных им в Музыкально-историческом обществе им. гр. А.Д. Шереметева. 1913—1915. ОР РНБ, ф. 816, оп. 1, ед. хр. 200, л. 7.
7. Имеется в виду Музыкально-историческое общество им. гр. А.Д. Шереметева, которое действовало с 1910 по 1916 гг., включая, помимо приглашенных лекторов, любительские оркестр и хор. По уставу, цель общества состояла в развитии интереса к истории музыкального искусства, чтении бесплатных общедоступных лекций по истории и теории музыки, организации бесплатных концертов, издании книг и брошюр и др.
8. Во втором отделении лекции-концерта звучала музыка XVII века: Пролог из оперы «Эвридика» Дж. Каччини, Финал из оперы «Дафне» М. Гальяно, фортепьян-

- ное переложение Вступления (Токкаты) из оперы «Орфей» (в исполнении Н.Ф. Финдейзена) и «Жалоба» Ариадны из оперы «Ариадна» К. Монтеверди (в исполнении Н.А. Белявской), фрагменты из опер «Язон» Фр. Кавалли и «La Dogi» М.А. Чести. Исполнителями были, помимо названных: Л.И. Гискин, В.Р. Гуков, Э.Н. Доннер, Н.М. Калинина, Л.Е. Лерман, Я.О. Лившиц, В.А. Стрем, Б.А. Фейт, В.Н. Юневич. ФИНДЕЙЗЕН Н.Ф. Ук. соч., л. 10.
9. Судя по Программке, первое отделение было посвящено лекции об итальянской музыке XVI—XVII вв. с анализом становления драматического стиля в музыке Флоренции к концу XVI в., о представителях флорентийской камераты, о композиторах Венеции и деятельности Марко да Гальяно (1575—1642), Клаудио Монтеверди (1567—1643), Франческо Кавалли (1593—1676) и Марка Антонио Чести (1620—1668). Второе — музыкальные иллюстрации. ФИНДЕЙЗЕН Н.Ф. Ук. соч., л. 7.
  10. Общества друзей музыки.
  11. Соловьёв Николай Феопемптович (1846—1916) — русский композитор, музыкальный критик (представитель консервативного направления, оппозиции к новой русской школе) и педагог. Корреспондент журнала «Музыкальный сезон», редактор музыкального отдела «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Профессор СПб. консерватории и управляющий Придворной Певческой капеллы (до 1912 г.). Принимал активное участие в общедоступных концертах графа А.Д. Шереметева. Некролог см.: О.В. Н.Ф. Соловьёв. — РМГ. 1917, № 1, с. 17—19.
  12. Хесин Александр Борисович (1869—1955) — композитор, дирижер, музыкальный деятель, закончивший СПб. консерваторию по классу Н.Ф. Соловьёва.
  13. Очевидно имеется в виду лекция Н.Ф. Финдейзена «П.И. Чайковский и Н.А. Римский-Корсаков как крупнейшие современные русские композиторы», которую он читал, регулярно корректируя текст перед выступлениями с 1909 по 1915 год. ОР РНБ, ф. 816, оп. 1, ед. хр., 194.
  14. Речь идет об издании: ФИНДЕЙЗЕН Н.Ф. Антон Григорьевич Рубинштейн. Очерк его жизни и музыкальной деятельности. М.-Лейпциг. 1907.
  15. Новое — в исследовании, представленном в виде «Хронологической таблицы опер, поставленных в Италии в XVII веке», которая вложена в Программку лекции от 18 января. ФИНДЕЙЗЕН Н.Ф. История музыки, л. 8об.—9.
  16. В анонсе-объявлении сообщалось: «Общество друзей музыки (6-й сезон 1914—1915 г.). Малый зал Пгр. консерватории. В понедельник, 19-го января 1915 г. Общедоступный камерный вечер при участии А.И. Зилоти (рояль), А. Беркер (скрипка) и Е.В. Вольф-Израэль (виолонч.)... Начало в 8 1/2 час. веч.» Разные известия. — РМГ. 1915, № 2, стб. 29.
  17. Зилоти Александр Ильич (1863—1945) — русский пианист, дирижер и музыкальный деятель. Сохранилась корреспонденция: ЗИЛОТИ А.И. Письма Н.Ф. Финдейзену. 1901—1917. ОР РНБ, ф. 816, оп. 2, ед. хр. 1388—1393.
  18. В РМГ сообщалось: «19 января в камерном концерте Общ. друзей музыки выступил А. Зилоти, сыграв с скрипачом А. Беркером и виолончелистом Е. Вольф-Израэль — трио Рамо, Куперена, Чайковского и виолонч. сонату Рахманинова. Последние две пьесы хорошо известны в исполнении высоко даровитого пианиста. Оба трио старинных французских мастеров возбуждают искренний восторг своей наивной прелестью, своей стильностью и грацией форм. “Дуновение эпохи” чувствовалось в передаче А. Зилоти и его партнеров, а потому понятны и большой успех, и несмолкаемые аплодисменты. Кажется, молодое общество начинает находить свою аудиторию — зал был полон». О.В. Общество друзей музыки: Концерты в Петрограде. — РМГ. 1915. № 4, стб. 101.
  19. Рузский Николай Павлович (1865—1927) — крупный промышленник, коллекционер, меценат, член Главной Дирекции ИРМО, предложивший Финдейзену написать Очерка деятельности СПб. ИРМО (СПб. 1909) и поддерживавший материально издание РМГ в 1916—1918 годах. По характеристике Финдейзена, данной им в 1919 г. (запись от 5 мая), — «типичный представитель прекраснородушной, но недалёковидной русской интеллигенции». Был старшим сыном потомственных дворян Костромской губернии, где построил усадьбу «Студеные ключи» и собрал картинную галерею.

20. Ольденбургский Александр Петрович, принц (1844—1932) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, правнук Павла I, сын принца Петра Георгиевича Ольденбургского. С 1914 г. верховный начальник санитарной и эвакуационной части. 22 марта 1917 г. уволен Временным правительством от службы. Умер в эмиграции во Франции.
21. Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917) — государственный деятель, действительный тайный советник I класса (1916), статс-секретарь (1910), сенатор (1894). В 1914—1916 гг. занимал пост председателя Совета министров.
22. Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918) — русский государственный деятель, министр юстиции Российской империи (1906—1915), последний председатель Государства Российской империи. Расстрелян большевиками в августе 1918 года.
23. Фредерикс Владимир Борисович — барон, с 1913 граф (1838—1927) — российский государственный деятель; последний в истории министр Императорского двора Российской империи (1897—1917), генерал-адъютант, генерал-лейтенант.
24. Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957) — российский адвокат, политический деятель, член Государственной думы II, III и IV созыва, юрист, публицист, мемуарист. С 1915 г. один из лидеров московских кадетов, позиция которых по отношению к правительству и войне была выражена на заседании ЦК этой партии 29 сентября 1915 г.: «Отложить счета с властью до момента поражения внешнего врага».
25. Н.Н. — великий князь Николай Николаевич (младший) Романов (1856—1929) — русский генерал от кавалерии (6.12.1900), генерал-адъютант (1904). Сын великого князя Николая Николаевича (старшего), внук императора Николая I. С началом войны был назначен Верховным главнокомандующим.
26. Имеются в виду августовские обещания 1914 г. о даровании Польше широкой автономии в рамках Российской империи. Дальнейшее укрепление страны как единого праславянского государства виделось после присоединения к могучей и неделимой России Восточной Галиции и Чехии, чтобы «завершить дело великого князя Ивана Калиты».
27. Потентат (фр. *potentat*; лат. *potentatus*) — высшая власть, господство. Устар.: властелин, коронованная особа. То есть обладатель власти, праводержатель. Очевидно имеется в виду германский император Вильгельм II.
28. Перемышль — польский город: за взятие этой крепости великий князь Николай Николаевич был награжден орденом Святого Георгия 2-й степени. В РМГ сообщалось: «8 марта в Петрогр. консерватории было отслужено благодарственное молебствие по случаю падения Перемышля. На молебне присутствовали учащиеся и профессора консерватории во главе с директором А.К. Глазуновым». Разные известия. — РМГ. 1915, № 12/13, стб. 236.
29. Макаров Степан Осипович (1849—1904) — русский флотоводец, океанограф, полярный исследователь, кораблестроитель, вице-адмирал. После начала русско-японской войны 1904—1905 назначен 1(14) февраля командующим Тихоокеанской эскадрой и 24 февраля (8 марта) прибыл в Порт-Артур. Успешно руководил действиями кораблей при обороне Порт-Артура, но вскоре погиб на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на mine.
30. Кондратенко Роман Исидорович (1857—1904) — герой обороны Порт-Артура, генерал-лейтенант (1904).
31. Мищенко Павел Иванович (1853—1918) — русский военный и государственный деятель, один из героев русско-японской войны 1904—1905 годов.
32. «Положение о казенной продаже питей» 1894 г. законодательно обусловило введение с 1 января 1895 г. (отмененной в 1915 г.) казенной винной монополии на всей территории Российской империи, за исключением Закавказья, среднеазиатских владений, Приамурской и Камчатской областей. Конечная дата обусловлена окончательным свертыванием производства крепких спиртных напитков и торговли ими в условиях начала первой мировой войны, когда с 19 июля 1914 г. был издан царский указ о запрещении производства и продажи всех видов алкогольной продукции на всей территории России, сначала — на время мобилизации, а затем — на все время войны. О результатах «сухого закона» весьма живописно говорилось в одном из материалов, обобщавших факты российской жизни за первый год его действия: «Сказка о трезвости — этом преддверии зем-

ного рая — стала на Руси правдой. Понизилась преступность, затихло хулиганство, сократилось нищенство, опустели тюрьмы, освободились больницы, настал мир в семьях, поднялась производительность труда, явился достаток. Несмотря на пережитые потрясения, деревня сохранила и хозяйственную устойчивость, и бодрое настроение, облегченный от тяжелой ноши — пьянства, сразу поднялся и вырос русский народ. Да будет стыдно всем тем, которые говорили, что трезвость в народе немислима, что она не достигается запрещением. Не полумеры нужны для этого, а одна решительная бесповоротная мера: изъять алкоголь из свободного обращения в человеческом обществе на вечные времена». МЕНДЕЛЬСОН А. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. Пг. 1916, с. 52—53.

33. Кавычки — в рукописи Финдейзена.
34. Древнерусские певческие рукописи собраны в Российской национальной библиотеке с XII века. Особого внимания заслуживают, как хранители традиции рукописных книг, старообрядческие рукописи XVIII—XX веков.
35. Слова Финдейзена могут трактоваться двояко: с одной стороны, в РНБ хранится Буслаевская псалтирь — рукопись 80-х гг. XV в., поступившая из собрания Троице-Сергиевой лавры; с другой стороны — это могут быть издания Фёдора Ивановича Буслаева (1818—1897) — знаменитого филолога, опубликовавшего «Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI века по XIX». СПб. 1884. Эти тома, с атласом в 400 рисунков, также могли вызвать интерес у ученого.
36. Срезневский Всеволод Измаилович (1867—1936) — историк литературы, археограф, палеограф, библиограф. С 1906 г. — член-корреспондент СПб. Академии наук. Служил в Императорской Публичной библиотеке в 1891—1893 гг. и в библиотеке Академии Наук.
37. Очевидно, имеется в виду «Псалтирь рифмованная» С. Полоцкого с музыкой С. Титова, изданная в XVII веке.
38. Ахшарумов Дмитрий Владимирович (1864—1938) — дирижер, скрипач и общественный деятель. С 1897 г. жил в Полтаве, где в 1899 г. по его инициативе было открыто отделение ИРМО. Сотрудничал с Финдейзенем. Собственных публикаций в РМГ немного. Наиболее интересно исследование Н-moll'ной симфонии Шуберта (РМГ. 1899, № 17, стб. 505—507). По заметкам, корреспонденциям, статьям в рубрике «Музыка в провинции» можно проследить историю руководимого им полтавского симфонического оркестра, который был первым в России музыкальным коллективом, предпринявшим турне по отдаленным уголкам страны. Одним из лекторов в Полтаве (22 и 23 марта 1903, ноябрь 1906 г.) и в этих путешествиях в ноябре-декабре 1911 г. (Полтава, Ромны, Лубны, Кременчуг, Елизаветград, Николаев, Херсон, Александрия) был и Финдейзен. Отчет см.: РМГ. 1912, № 10, стб. 257. С 1898 г. и до самого прекращения работы РМГ освещала дирижерскую деятельность Д.В. Ахшарумова.
39. Говорится о начале работы над брошюрой: ФИНДЕЙЗЕН Н.Ф. Очерк деятельности Полтавского отделения императорского Русского музыкального общества. (1899—1915). Полтава. 1916.
40. ФИНДЕЙЗЕН Н.Ф. Музыкальные очерки и эскизы. Сб. статей: I. «Фиделио» Бетховена. II. Увертюра «Кориолан» Бетховена. III. Садко. Музыкальная картина для оркестра Н.А. Римского-Корсакова. IV. Пиковая дама Чайковского. V. Э. Григ. Музыкально-характеристический очерк. VI. «Князь Игорь» Бородин. VII. Сюжет «Фауста» в музыке. 1916—1917. ОР РНБ, ф. 816, оп. 1, ед. хр. 440.
41. Имеется в виду Юргенсон Борис Петрович (1868—1935) — музыкальный издатель, непосредственный юридический приемник дела П.И. Юргенсона (1836—1903). См.: ЮРГЕНСОН Б.П. Письма (24) и открытки (3) Н.Ф. Финдейзену. 1901—1904. ОР РНБ, ф. 816, оп. 2, ед. хр. 2062; ЮРГЕНСОН Б.П. Письма (17) и открытки (2) Н.Ф. Финдейзену. М. 1905—1916. ОР РНБ, ф. 816, оп. 2, ед. хр. 2063.
42. Мясоедов Сергей Николаевич (1865—1915) — полковник генерального штаба русской армии, друг министра Сухомлинова, повешенный 19 марта 1915 г. по обвинению в шпионаже в пользу немцев.
43. Кауфман Яков Семёнович — общественный деятель, дирижер. В 1912 г. действовали Курсы самообразования под его дирекцией. С осени 1914 г. был «пригла-

шенным управляющим» Музыкально-театрального бюро Общества друзей музыки.

44. Я.С. Кауфман до осени 1914 г. был членом правления и секретарем Музыкально-исторического общества им. гр. А.Д. Шереметева.
45. Речь идет о всенародных предприятиях, инициированных Временным комитетом по увековечиванию памятников русских композиторов (о его образовании см.: *Увековечение памяти русских композиторов: Бортнянского, Турчанинова и Львова.* — *Церковный вестник.* 1908, № 50, с. 1581). О работе комитета не раз сообщалось в печати, к примеру: «О высочайше разрешенном сборе пожертвований на сооружение в Санкт-Петербурге памятника композитору Бортнянскому, Турчанинову и Львову. Воззвание» (*Варшавский епархиальный листок.* 1909, № 6, с. 70—71) от 24 июня 1908 года. Или решение «Об отводе места для постановки памятника композитору Бортнянскому, Турчанинову и Львову» (*Известия СПб. Городской думы.* 1909, № 31, с. 185—192). К вопросу об отводе места для постановки памятника композитору Бортнянскому, Турчанинову и Львову. (*Известия СПб. городской думы.* 1914, № 45, с. 528—529). Все это были неосуществленные проекты памятников.
46. Первые памятники М.И. Глинке были установлены, во-первых, в виде бюста (скульптор В.М. Пашенко) — в Александровском саду (открыт 31 мая 1900 г.), у фонтана перед Адмиралтейством; во-вторых, в полный рост (по проекту скульптора Р.Р. Баха и архитектора А.Р. Баха), созданный по инициативе ИРМО к 100-летию со дня рождения композитора, причем первоначально он был установлен в центре Театральной площади (торжественное открытие состоялось 3 февраля 1906 г.), в 1926 г. перенесен к южному фасаду СПб. консерватории. Об этом событии см.: *ФИНДЕЙЗЕН Н.Ф.* 3 февраля — день Глинки в Петербурге. — *РМГ.* 1906, № 7/8, стб. 174—179.
47. Танеев Александр Сергеевич (1850—1918) — государственный секретарь, обер-гофмейстер, главноуправляющий собственной Его Величества канцелярией (1896—1917), член Государственного совета, почетный член Академии наук, отец горячих поклонниц Г.Е. Распутина — А.А. Вырубовой и А.А. Пистолькорс. Русский композитор и общественный деятель.
48. Памятник работы скульптора П.П. Каменского был установлен в 1897 г. на могиле П.И. Чайковского на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры (ныне Некрополь мастеров искусств). Следующий памятник-бюст Чайковскому (скульптор Б.А. Пленкин, архитектор Ж.М. Вержбицкий) в Санкт-Петербурге был открыт 14 мая 1990 г. в Таврическом саду, недалеко от Потемкинской улицы, к 50-летию со дня рождения композитора. О более ранних памятниках Чайковскому в северной столице информация не найдена. В конце 1980—1990-е гг. в прессе была поднята дискуссия о необходимости увековечивания памяти композитора (например, статья: *Памятник Чайковскому.* — *Ленинградская правда.* 5.XII.1987); был проведен конкурс и даже обсуждалось место для постановки памятника (*СЕБОШЕВ С.* Где быть памятнику П.И. Чайковскому? — *Вечерний Ленинград.* 11.I.1991), однако, судя по последним, даже самым основательным заметкам о памятниках СПб. (*КРИВДИНА О.А., ТЫЧИНИН Б.Б.* Скульптура и скульпторы Санкт-Петербурга. 1703—2007: Иллюстрированная энциклопедия. СПб. 2007) все осталось на уровне обсуждений.
49. Вскоре РМГ напомнила об этом так: «Совершенно неизвестна участь фонда для постановки памятника Бортнянскому, Львову и Турчанинову, несмотря на то, что своевременно было немало собрано в пользу этого фонда путем концертов и пожертвований. Некоторые из учредителей фонда (Смоленский, Гольтисон и Компанейский) успели уйти в лучший мир, прежний казначей фонда — почтенный А.А. Архангельский несколько лет тому назад отказался от своей должности. Интересно бы выяснить, что случилось с фондом, в чьих он руках и будет ли вообще поставлен проектируемый памятник? Нельзя втихомолку обращаться с общественными деньгами». *Разные известия.* — *РМГ.* 1915, № 31/32, стб. 499.
50. В архиве СПб. Академии наук фонд Титовых (ф. 776) — Алексея Николаевича (1769—1827) и его сыновей — Николая Алексеевича (1800—1875) и Михаила Алексеевича (1804—1853) — представлен 47 ед. хр. за 1796—1881 годы.

51. Имеются в виду присутственные часы как редактора РМГ.
52. Официально Контора РМГ до 6 марта 1916 г. располагалась по адресу: СПб. Большая Морская 6. В РМГ при этом указывалось: «Редакция открыта для личных объяснений по средам от 12 до 1 ч. Дня (кроме празд. дней)». РМГ, № 39/40, стб. 597.
53. Смоленский Степан Васильевич (1848—1909) — русский музыковед, палеограф, дирижер и педагог, активный и заинтересованный сотрудник РМГ с 1897 года. См. некролог: ФИНДЕЙЗЕН Н.Ф. Памяти Ст. Вас. Смоленского. — РМГ. 1909, № 32/33, стб. 689—694.
54. Имеются в виду исследования С.В. Смоленского: Значение XVII века и его «кантов» и «псалмов» в области современного церковного пения, так называемого «простого напева», статья. Черновой автограф. 30.III.1908. ОР РНБ, ф. 816, оп. 3, ед. хр. 2631.; СМОЛЕНСКИЙ С.В. Примеры к статье «О значении 3-х голосных кантов и псалмов XVII в.». Корректуры и литографированные экземпляры с правкой автора. 1908. Там же, ед. хр. 2632.
55. Константин Константинович (1858—1915) — великий князь, генерал от инфантерии (1907), генерал-адъютант (1901), почетный член СПб. АН (1900). Сын великого князя Константина Николаевича. В 1900—1910 гг. начальник, с 1910 — генерал-инспектор военно-учебных заведений, проводил линию на гуманизацию военного образования. В 1882 г. дебютировал как поэт (псевдоним «К. Р.»), издал несколько поэтических сборников, в дальнейшем выступал как переводчик и литературный критик; возглавлял Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, содействовал созданию Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге. Владел Мраморным дворцом в Санкт-Петербурге и Павловском. В РМГ сообщалось: «2 июня в 7 часов в Павловске в Бозе почил его императорское высочество великий князь Константин Константинович. Почивший после продолжительной и тяжелой болезни Августейший поэт, в течение многих лет принимал близкое участие в делах Императорского Русского музыкального общества... Будущий историк русской музыки отведет почетную страницу усопшему». РМГ. 1915, № 25/26, стб. 413—418.
56. Действительным членом Главной дирекции ИРМО Финдейзен был с 1909 года. См. документ: Финдейзен Н.Ф. Диплом на звание действительного члена, выданный ему Дирекцией СПб. Отделения ИРМО, за № 4628. 29 дек. 1909. ОР РНБ, ф. 816, оп. 1, ед. хр. 9.
57. Так Финдейзен называл Елену Георгиевну, принцессу Мекленбург-Стрелицкую, в замужестве Саксен-Альтенбургскую (1857—1936) — председателя Главной Дирекции ИРМО с 1909 года.
58. Тимофеев Григорий Николаевич (1866—1919) — друг Финдейзена с конца 1880-х годов. Вместе с ним и с В.В. Ястребцевым молодые люди начинали заниматься музыкальным самообразованием. Сохранилась переписка. См.: ТИМОФЕЕВ Г.Н. Письма (19) Н.Ф. Финдейзену. 1891—1908. ОР РНБ, ф. 816, оп. 2, ед. хр. 1917.
59. Направник Владимир Эдуардович (1869—1948) — общественный деятель (секретарь Главной Дирекции ИРМО), сын Э.Ф. Направника. См.: НАПРАВНИК В.Э. Письма (5) и телеграмма Н.Ф. Финдейзену. Пб.-Брюссель. При письмах 2 конверта. ОР РНБ, ф. 816, оп. 2, ед. хр. 1637.
60. С началом первой мировой войны деятельность Думы свелась исключительно к утверждению бюджета: за сессию 1914—1915 гг. Дума была созвана только на три дня: с 27 по 29 января 1915 года (третья сессия Думы четвертого созыва). При этом постепенно в Думе сформировался и укрепился блок, позиции которого шли вразрез с правительственными, что в итоге и вызвало роспуск IV Думы. Однако до роспуска прошло еще две сессии: четвертая — с 19 июля 1915 г. по 20 июня 1916 г., и пятая — с 1 ноября 1916 г. по 25 февраля 1917 года.
61. Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — российский государственный деятель.
62. Тем не менее, в Объявлении о начале подписки РМГ с приложением Библиографического листка на 1916 г. читаем: «Несмотря на чрезмерное удорожание издания, в виду обстоятельств военного времени, ПОДПИСНАЯ ЦЕНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ в год с доставкой и пересылкой 5 руб., за границу за год 6 руб. На другие сроки, без доставки и с рассрочкой подписка не принимается. Цена отдельного № 20 коп., с перес. 25 коп.». Объявление. — РМГ. 1915, стб. 705.

63. Очевидно, рассчитаться за первый выпуск воспоминаний, поскольку в одном из Объявлений о подписке на 1916 г. сообщалось: «В виде отдельного приложения в 1916 г. будут печататься “Мои воспоминания о Н.А. Римском-Корсакове” В.В. Ястребцева (2-й выпуск)». РМГ. 1915, № 50, стб. 809—810.
64. Подобные факты вызвали вскоре публикацию утвержденных налогов. Так, к примеру, в августе 1916 г. РМГ информировала о «проекте новых ставок временного налога с билетов для входа на публичные зрелища и увеселения». РМГ. 1916, № 32/33, стб. 611.
65. Раскладочный сбор — дополнительный, сверх окладного, налог.
66. Карл Юльевич Давыдов (1838—1889) — русский композитор и виолончелист, директор Санкт-Петербургской консерватории в 1876—1887 годах. До выбора музыкального поприща закончил математический факультет Московского университета. В фонде Н.Ф. Финдейзена сохранились материалы: ДАВЫДОВ К.Ю. Записка К.К. Зике. Карандаш; на обороте помета Финдейзена. Б. д. ОР РНБ, ф. 816, оп. 3, ед. хр. 2465; ЕГО ЖЕ. Портрет его (погрудный), с подписью-факсимиле. Литография (?). 1880-е годы? Там же, оп. 4, ед. хр. 3496.; ЕГО ЖЕ. Портрет его (поясной) с подписью-факсимиле. Гравюра. Вырвано из неустановленного издания. Б. д. Там же, ед. хр. 3497; ЕГО ЖЕ. Карикатура на него. Литография. 1860-е — 1870-е годы? Там же, ед. хр. 3498; ЕГО ЖЕ. Карикатура на него. Автотипия с рисунка Лебедева. Там же, ед. хр. 3499.
67. Общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода, учрежденное в 1873 г., было одним из крупнейших в металлургии машиностроения России. В 1874—1876 гг. Давыдов входил в состав коммерческой деятельности.
68. Коптяев Александр Петрович (1868—1941) — русский музыкальный критик и композитор. Сотрудничал с редакцией РМГ с 1896 по 1900 г. См.: КОПТЯЕВ А.П. Письма (44) Н.Ф. Финдейзену. 1895—1916. ОР РНБ, ф. 816, оп. 2, ед. хр. 1492. В период кризиса РМГ, в 1897 г., предлагал купить издание. В 1898 г. учредил журнал «Вестник театра и музыки» (просуществовал всего три номера). В 1901 г. А.П. Коптяев был принят С.Ф. Шлезингером библиотекарем Придворного оркестра.
69. То есть на Кавказский фронт.
70. Однако рецензия на эту лекцию Финдейзена была весьма благосклонной: «В понедельник в зале Общественного собрания состоялась устроенная бакинским отделением ИРМО лекция известного музыкального деятеля, редактора “Русской музыкальной газеты” Н.Ф. Финдейзена на тему: “Чайковский и Римский-Корсаков”. В интересной и содержательной лекции г. Финдейзен провел параллель между этими двумя творцами современной русской музыки, судьба которых столь различна, как и характер их творчества. Лектор провел параллель между музыкальным творчеством обоих композиторов, указав и точки, в которых это творчество соприкасалось (“Ночь перед Рождеством”, “Снегурочка”), и где поэтому с наибольшей яркостью можно выделить основные черты Чайковского и Римского-Корсакова. Свои положения лектор тут же подтверждал исполнением на рояле наиболее важных отрывков из упоминавшихся им произведений. Собравшаяся не в особенно значительном количестве публика дружно благодарила лектора аплодисментами» (А. Лекция Н.Ф. Финдейзена: Театр и музыка. — Каспий. 25.XI.1915, № 263). Отзыв сохранился в папке: ФИНДЕЙЗЕН Н.Ф. П.И. Чайковский и Н.А. Римский-Корсаков, лекция. Рецензии и отзывы. 1912—1915. ОР РНБ, ф. 816, оп. 1, ед. хр. 195.
71. Шмидт А. — член дирекции Бакинского отделения ИРМО. См.: ШМИДТ А. Письмо Н.Ф. Финдейзену. Баку. 12.XI.1915. ОР РНБ, ф. 816, оп. 2, ед. хр. 2028.
72. Торговые места, рынки.
73. Шемаха — старинный азербайджанский город, в 135 км. от Баку (V в. до н.э.)
74. День именин Финдейзена.
75. Сохранились экземпляры и тифлисской лекции, отличающейся, помимо указания места проведения и даты (Тифлисское отделение ИРМО, четверг 26 ноября 1915 года), перечнем музыкальных иллюстраций, исполняемых Финдейзенем на фортепиано: «Отрывки из музыки Чайковского “Снегурочка” и Римского-Корсакова “Снегурочка”. Отрывки из опер “Сказка о Царе Салтане” и “Золотой петушок”

Римского-Корсакова. Отрывки из III, IV и V симфоний Чайковского» (ФИНДЕЙЗЕН Н.Ф. П.И. Чайковский и Н.А. Римский-Корсаков как крупнейшие современные русские композиторы. 1909—1915. ОР РНБ, ф. 816. оп. 1, ед. хр. 194, л. 26об.).

76. В музицировании за фортепиано.
77. Публикация афоризмов продолжалась и во втором (стб. 33—39), и в третьем (стб. 65—69) номерах РМГ за 1916 год.
78. В 1916 г. вышли два издания (первое и второе) первого тома Дневников Л.Н. Толстого (под редакцией и с примечаниями В.Г. Черткова) в типографии товарищества И.Д. Сытина.
79. Месяц обозначен ошибочно, поскольку описываемые далее события происходили в феврале.
80. 21 января (3 февраля) 1916 г. Австро-германские войска оккупировали Черногорию и передали власть второму Августейшему сыну короля Мирко Петровичу. Именно он 7(20) февраля подписал Акт о капитуляции, признав над собой и страной Австро-венгерский оккупационный режим. Так, Австро-Венгрия, назначив королевича Мирко временным правителем оккупированного королевства, сумела скомпрометировать династию Негошей в глазах собственного народа и православных союзников.
81. Король Николай I по вступлению неприятеля в Черногорию, 17 (30) января 1916 г. был вынужден навсегда покинуть страну и обосноваться в Биарице во Франции.
82. Очевидно ошибочная дата — скорее всего это июнь или июль, так как Финдейзен ездил за портретом после 20 мая.
83. Куоккала — название поселка, в 1948 г. переименованного в Репино (Ленинградская область).
84. Портрет В.В. Стасова, написанный И.Е. Репиным на бумаге, тушью (размер 50х33 см) был подарен с автографом художника: «Николаю Федоровичу Финдейзену. 1916 г. 21 мая». Впоследствии была выпущена открытка. Сохранилась: Стасов В.В. Его фотопортрет (в рост). Открытка — репродукция с портрета работы И.Е. Репина. СПб. 1916. ОР РНБ, ф. 816, оп. 4, ед. хр. 3728.
85. Рубинштейн Дмитрий Леонович (Львович), Митька Рубинштейн (1876—после 1937) — петербургский банкир, аферист. Был директором Русско-французского банка, Юнкер-банка и некоторых других. Скупал акции книгоиздательств и газеты «Новое время». Пытался использовать в своих комбинациях Г. Распутина.
86. Очевидно имеется в виду Иван Фёдорович Манасевич-Мануйлов (1871—1918) — журналист, агент охранного отделения, чиновник особых поручений Департамента полиции, надворный советник. За годы войны «заработал» состояние.
87. После военных неудач России в июне 1915 г. В.А. Сухомлинов был снят с должности, а в марте 1916 арестован. Его обвиняли в злоупотреблениях и измене в связи с осуждением за шпионаж некоторых лиц из его окружения (к примеру, С. Мясоедова).

Предыстория секретной экспедиции Петра I на Мадагаскар 1723—1724 гг.

Д.Н. Копелев

Аннотация. Статья посвящена изучению внешней политики Петра I после заключения Ништадтского мира. В центре внимания — вопросы, связанные с подготовкой секретной Мадагаскарской экспедиции 1723—1724 гг., направленной в Индийский океан для создания союза с пиратами и императором Великих моголов. Автор рассматривает предысторию этой экспедиции, связывая ее с ширококомасштабными замыслами императора по усилению влияния России в Европе и колониальному продвижению на Восток. Нетрадиционный взгляд и введение в оборот новых архивных источников позволил автору по-новому рассмотреть историю зарождения самой идеи Мадагаскарской экспедиции и связать ее подготовку с яacobитским движением.

Ключевые слова: Российская империя, геополитика, внешняя политика, Пётр I, колониальная экспансия, дипломатия, Георг I, Карл XII, Яков III, яacobитское движение, пиратство, Мадагаскар, Индия, Великие Моголы, флот, авантюристы.

Abstract. The article deals with the foreign policy of Peter the Great after the Treaty of Nystad. The central issue of the article is a preparation for a secret Madagascar naval expedition sent to the Indian Ocean to ally with pirates and the Emperor of the Mughal Empire. The author associates the expedition with Peter the Great's ideas to increase Russian influence in Europe and to plant Russian colonies in the Orient. New archival sources help the author to examine the idea of Madagascar expedition from the very beginning and to link its arrangement with Jacobitism.

Key words: Russian Empire, Geopolitics, the Foreign Policy, Peter the Great, Colonial Expansion, Diplomacy, George I of Great Britain, Charles XII of Sweden, James Francis Edward Stuart, Jacobitism, Piracy, Madagascar, India, Mughal Empire, Navy, adventurers.

Высокие замыслы государственной политики подчас рождаются в тeneвых кабинетах власти. Их претворение в жизнь в немалой степени зависит от участия в деле людей, чья деятельность не выставляется на первый план. Тем не менее, именно они закладывают фундамент будущего политического устройства. Если же задуманные проекты по каким-либо причинам не реализуются, то произошедшие события словно отступают в тень, зачастую приобретая черты некоего предприя-

---

Копелев Дмитрий Николаевич — доктор исторических наук, доцент факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена. E-mail: kopell07@list.ru.

Kopelev Dmitrii N. — doctor of historical sciences, associate professor, Russian State Pedagogical University. E-mail: kopell07@list.ru.

тия авантюрного характера. Подобную судьбу претерпела Мадагаскарская экспедиция Петра I 1723—1724 гг., за которой закрепилась репутация из ряда вон выходящего и экзотического предприятия ¹. Подобная ситуация объясняется рядом причин. Одна из них — неудачный финал этого так и не состоявшегося заморского плавания, задуманного на самом излете петровского царствования, всего за полтора года до кончины императора. Немало вопросов вызывали планирование, осуществление и «темные» обстоятельства подготовки этой экспедиции, а также поставленные перед ней задачи, предусматривавшие достижение союза с мадагаскарскими пиратами и Великим Моголом. Еще более запутывали историю неординарные фигуры участвовавших в ней военно-морских офицеров, дипломатических тайных агентов, авантюристов и пиратов. В совокупности вся история экспедиции напоминала далекую от реальности литературную мистификацию, некий странный курьез, словно бы выпадающий из всей логики петровской дипломатии. Однако справедлив ли подобный взгляд? Попытаемся проанализировать предысторию Мадагаскарской экспедиции и рассмотреть исторический контекст, в котором родился замысел отправки русских военных кораблей в Индийский океан.

Прежде всего, следует отметить, что при изучении внешней политики Петра отечественные исследователи, главным образом, оставались верны традиционным сюжетам, связанным с деятельностью преобразователя: Азовскими походами, «Великим посольством» и Северной войной. Между тем, внешняя политика Петра Великого после Ништадтского мира вызывала неизмеримо меньший интерес ². Внимание исследователей было приковано к нескольким наиболее важным сюжетам. Помимо собственно европейских вопросов («польский» и «голландский») это была восточная политика Петра I ³. В первую очередь, разумеется, масштабный Персидский поход, который привел к присоединению к России прикаспийских областей Дагестана, Ширвана с городами Дербент и Баку, а также Гиляна, Мазандерана и Горгана — областей на юге Каспия ⁴. В свою очередь, изучение сибирской и тихоокеанской экспансии ⁵, и связанного с нею поиска «песочного золота» на Иртыше и в пойме Амударьи ⁶, привело к появлению целого направления в историографии, касающегося истории Камчатских экспедиций ⁷.

Каждый из названных сюжетов, тем не менее, рассматривался в определенной отстраненности от общей линии российской экспансии. Более того, последние годы правления Петра Великого словно бы были посвящены консервации достигнутых императором результатов. «Внешние сношения России после Ништадтского мира проходят процесс неуклонной стабилизации ее влияния и авторитета, поддерживаемых нормальной активностью зарубежных русских представителей, действовавших как никогда спокойно и уверенно, — констатировал Н.Н. Молчанов. — Решается задача упрочения достигнутого, исправляется упущенное, предотвращается нежелательное» ⁸. Понимаемая подобным образом внешняя политика Петра I, напоминающая некую «работу над ошибками», лишает общую картину динамики, придавая ей излишний фатализм. Остается, между тем, кардинально важный вопрос — объединяла ли внешнеполитические действия императора в последние годы единая логика или они выступали скорее спонтанны-

ми неподготовленными акциями «русского Демиурга», стремившегося всеми силами «прославить свое имя и сохранить свою репутацию, пока жив, любой ценой; *pereunte me pereat mundus*»? ⁹ Что стояло за действиями Петра: меркантилистская логика строительства «регулярного государства», неумное желание просвещенного монарха обогатить мировую науку новыми данными об устройстве мира, прагматичная забота об укреплении границ империи, авантюрное стремление к приобретению новых земель или безграничные политические амбиции? ¹⁰ Ситуация усложняется, если принять во внимание, что описываемые события происходили на фоне сложной внутривнутриполитической обстановки, связанной с реорганизацией государственного аппарата, реформированием церковного управления, обострением борьбы за власть в окружении самого Петра и громких коррупционных скандалов, дискредитировавших представителей верхушки власти ¹¹.

Анализируя ситуацию, в которой вызревала идея Мадагаскарской экспедиции, необходимо, в первую очередь, подчеркнуть общую стратегическую направленность внешней политики Петра I, основывавшейся на уникальной и достаточно благоприятно складывавшейся для русских имперских интересов геополитической ситуации в мире. Перманентные европейские войны конца XVII — начала XVIII в. привели к переделу колониальных владений, закрепленных Мадридским, Регенсбургскими и Утрехтскими соглашениями. Обрушилась система «папского меридиана», родившаяся на заре эпохи великих географических открытий, — двухполюсная испано-португальская монополия на Мировой океан, закрепленная Тордесильясским (1494 г.) и Сарагосским (1529 г.) договорами. Новыми игроками в Мировом океане стали тогда «опоздавшие к разделу» Франция, Великобритания и Нидерланды, потеснившие Испанию и Португалию ¹². Теперь место «отставших» в борьбе за Ост-Индию, Америку и Вест-Индию заняли Швеция, Дания, Османская империя и Россия, вступившие в гонку за «место под солнцем». Одновременно, последние войны за гегемонию в Европе (война за Испанское наследство 1701—1714 гг., война Четверного союза 1718—1720 гг., Северная война 1700—1721 гг.) нарушили европейское равновесие и изменили державный военно-политический баланс. На фоне крушения французских и ослабления испанских, датских и шведских военно-морских сил укреплялось британское военно-морское преобладание и усиливалась мощь российского флота ¹³. Между тем, разрыв дипломатических отношений с Великобританией ¹⁴, охлаждение недавних «дружеских» связей с Нидерландами и Священной Римской империей диктовали и соответствующие орбиты внешнеполитической активности российского императора, стремившегося путем дипломатического зондажа, сложных интриг и силового давления нарушить непрочное политическое равновесие в Европе и активизировать экспансию на Восток ¹⁵.

Откровенно расставляя акценты своей новой политики, Пётр I на юбилее годовщины победы под Лесной, беседуя с английскими судостроителями, состоявшими на русской службе, признался: «Я не беспокоюсь о союзах, которые заключают или могут заключить против меня. Они существуют, лишь покуда интересы всех сторон сходятся» ¹⁶. Царь сохранил верность избранной «стратегии», и во время празднования Нового 1720 года — на роскошном фейерверке, устро-

енном в здании сената, среди возведенных декораций выделялась скала посреди моря, на которой возвышалась фигура Правосудия с характерными для нее атрибутами — весами в одной руке и мечом в другой. Пётр не преминул разъяснить гостям смысл подобной эмблематики, заявив, что «сердце его верно, как эти весы... он никогда никого не обманывал (намек на его союзников. — Д.К.)... если другие принимают меры, противные их собственным обязательствам, то меч, которым вооружена фигура, сумеет защитить его против того, кто окольными путями старался повредить ему»¹⁷. Логичным, с точки зрения абсолютистской идеологии, выглядит и представление царя в образе победоносного повелителя водной стихии Нептуна — подобное же осмысление образа античного бога морей было характерно для Короля-Солнце Людовика XIV¹⁸. На «огненном зрелище» 27 июля 1720 г. центральное место в общей композиции занимал Нептун на колеснице, окруженный бьющими в бубны младенцами, символизировавшими царских матросов и военно-морских офицеров. Надпись же «Triumph» на батальной картине подчеркивала победоносность русского флота и его первенствующую роль в Европе¹⁹.

Приняв в октябре 1721 г. титул императора, Пётр пошел еще дальше — ведь в Европе титул императора, исторически связанный с франкской империей Каролингов, принадлежал только избираемому курфюрстами главе «Священной Римской империи Германской нации». Теперь же был создан важный прецедент — впервые в международной практике термин «император» оказался привязан к конкретной стране. Осуществив столь масштабную культурную и геополитическую трансформацию, российский монарх словно бы символически преодолел комплекс «неполноценности» по отношению к Европе и «поставил Россию даже выше других европейских империй, таких как Британская, Французская и Испанская»²⁰.

Превращение недавно столь «дикого москвитя» в полноправного участника большой дипломатической «игры», располагавшего сильным флотом и способного разговаривать со своими партнерами с позиции силы вызвало откровенную тревогу в Европе. В разгар Аландского конгресса английский посланник в России Джеймс Джеффрис в одном из донесений государственному секретарю Северного департамента Джеймсу Стэнхоупу от 15 мая 1719 г. высказал свои опасения в связи с недооценкой русской угрозы. Особенно он настаивал на отзыве из России английских корабельных мастеров, что позволило бы, по мнению Джеффриса, сорвать или хотя бы замедлить проведение Петром I намеченных им кораблестроительных программ: «Если же не принять этой или другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаяться, хотя быть может уже и поздно. Еще недавно царь открыто в обществе высказал, что его флот и флот Великобритании — два лучших флота в мире. Если он теперь уже ставит свой флот выше флотов Франции и Голландии, отчего не предположить, что лет через десять он не признает свой флот равным нашему или даже лучше, чем наш?»²¹ В 1719 г., в разгар силовой антироссийской акции, когда англо-шведский флот под командованием адмирала сэра Д. Норриса вошел в Балтийское море, в Лондоне была напечатана брошюра некоего «N.M.» под названием «Правда — это всего лишь правда, когда она сказана вовремя! Или: принимае-

мые в настоящее время нашим министерством меры против московитов оправданы простыми и очевидными резонами — стремлением доказать, что не только в интересах нашего государства, но и в интересах нашей торговли нельзя допустить, чтобы царь, коль скоро уж ему захотелось иметь порт на Балтике, имел еще и флот»²². Опасения автора разделяли и издатели «Сент Джеймсис уикли джорнэл», 20 февраля 1720 г. поделившиеся со своими читателями предположениями, по поводу того, что Россия вскоре захватит Китай²³.

Паническими выглядели донесения французского посла в Петербурге графа Жака де Кампредона. В послании от 9 января 1724 г. графу де Морвиллю он подчеркивал, что Пётр I после заключения Ништадтского мира сделался «властелином двух лучших портов на Балтийском море. У него многочисленный военный флот, он каждый день увеличивает количество своих галер и внушает страх своим соседям». Анализируя возможные шаги петровской дипломатии, де Кампредон констатировал, что «при малейшей демонстрации его флота, при первом движении его войск, ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона не осмелятся ни сделать враждебного ему движения, ни шевельнуть с места свои войска»²⁴.

Окончание Северной войны развязало императору руки, дав возможность проложить новые векторы во внешней политике, избрав приоритетными направлениями экспансию на Восток и борьбу за океан²⁵. Опорой колониального продвижения стали военно-морские силы Российской империи. Созданный в атмосфере перманентного военного конфликта петровский флот представлял собой не просто государственный институт, наделенный функциями оборонительного и наступательного порядка. Сама динамика развития военно-морских сил предопределяла целенаправленное движение вперед — расширяла пространство мира, заставляла создавать эффективный аппарат управления, объединяла в единый кулак гигантские финансовые, сырьевые, информационные, научные и технологические ресурсы, переориентировала хозяйственные приоритеты и формировала новые управленческие кадры. Одними «правильными» законами здесь было не обойтись. Требовались воля и энергия абсолютного монарха, чтобы заставить подданных выполнять распоряжения власти, не судить государя и не указывать ему, что делать, масштабность мышления образованного человека, чтобы осознать новые реалии, неудержимые амбиции, твердость и непреклонность самодержца, чтобы заставить европейские державы признать новый порядок вещей. Флот и море открывали перед молодой Российской империей мировой рынок. Она могла теперь претендовать на роль самостоятельного игрока на трансокеанских торговых трассах, а российские купцы, действующие как самостоятельные посредники на зарубежных рынках, отвозили бы «товары и сбывали их в чужих краях не через посредство других мореплавательных народов, а на собственный счет и на своих перевозных судах»²⁶.

В этой ситуации и появился проект «секретной» Мадагаскарской экспедиции 1723—1724 гг., направленной в Индийский океан для предоставления государственной протекции пиратам и заключения договора с Великим Моголом. Многие вопросы ее подготовки по сей день остаются невыясненными — плавание готовилось тайно, и в

суть всего дела был посвящен крайне ограниченный круг людей, что, разумеется, породило противоречивые слухи о намерениях ее организаторов. Согласно дошедшим до нас документам, 3 ноября 1723 г. Пётр I дал указания спешно и тайно готовить два фрегата Ревельской эскадры, «Амстердам-Галей» и «Декронделивде», к выходу в море²⁷. Плавание было организовано таким образом, чтобы «не дать никому никакого подозрения»²⁸. Корабли замаскировали под торговые суда, и им предписывалось тайно отплыть из новостроящегося порта Рогервик без вымпелов и «от всех церемоний (как в здешнем море, так и в большом) удалиться». При этом на флагманском фрегате «Амстердам-Галей» находились полные комплекты флагов, гюйсов и вымпелов различных морских держав: Великобритании, Пруссии, Нидерландов, Дании и Швеции, а также «остинской флаг»²⁹. 12 декабря 1723 г. руководитель экспедиции, одноногий датчанин, вице-адмирал русского флота Даниил Якоб Вильстер, в сопровождении прокурора Адмиралтейской коллегии капитан-лейтенанта И.Ф. Козлова прибыл инкогнито в Рогервик. Ему были вручены тайные инструкции Петра и специальная удостоверительная грамота, адресованная «высокопочтенному королю и владельцу славного острова Мадагаскарского»³⁰. Однако когда корабли вышли в море, они попали в сильный шторм и вернулись в Ревель. В начале февраля 1724 г. Вильстер получил от генерал-адмирала флота Ф.М. Апраксина послание, извещавшего о том, что «Его Императорское Величество указал намеренную вашу экспедицию удержать до другаго благополучнаго времени»³¹. Самому же вице-адмиралу предписывалось возвратиться в Петербург, где он продолжил более детальную разработку хода экспедиции. Конечной датой предприятия следует считать распоряжение Апраксина Вильстеру о возвращении данных ему ранее инструкций, подписанных императором, которые были датированы 30 июля 1724 года. В них говорилось: «Оной экспедиции отправления в нынешней компании быть не надобе, а ежели впредь возобновление тому какое будет, о том вас без известия не оставим»³². На этом, собственно, история Мадагаскарской экспедиции закончилась.

Один из самых запутанных вопросов, связанных с ней, — как формировалась сама идея направить русские корабли к пиратам Индийского океана и кто был ее инициатором. И это в самый разгар объявленной военно-морскими державами «войны» против пиратов, «врагов рода человеческого»³³. Как нам представляется, ответы следует искать в европейской политике.

В 1710-х гг., оказавшись под ударами военно-морских сил Великобритании, Франции и Нидерландов, пираты Вест-Индии и Ост-Индии предпринимали активные попытки заручиться государственной протекцией. Теснимые со всех сторон, они решили «легализовать» свою деятельность и, получив охранную грамоту, принять подданство какой-либо из великих держав³⁴. Тогда-то в европейских столицах и начали появляться посланцы пиратов, выдававшие себя за «мадагаскарских королей». В 1715 г. в Нидерландах объявился некий Жозеф Жумар, «главнокомандующий морями Америки и Африки», использовавший также имя графа де Линанжа и представлявшийся «герцогом Ангелпонта, Мадагаскара и Офира»³⁵. Выходец из разорившейся дворянской фамилии из Перигора, этот в прошлом узник

Бастилии, был хорошо известен французским властям. Кальвинист и противник «тирании» Людовика XIV, граф де Линанж рассчитывал повторить во Франции «Славную революцию» и с помощью англо-голландских войск возвести на престол герцога Лотарингского³⁶. Бежав из тюрьмы, он странствовал по Европе и по слухам даже некоторое время служил Петру I³⁷. Приехав в Амстердам, граф утверждал, что выбран «королем Мадагаскара», и под его управлением пребывает около 100 тыс. пиратов. В обмен на протекторат Республики Соединенных Провинций граф де Линанж обещал передать в распоряжение Гааги пиратские сокровища и помочь в налаживании торговых контактов. Однако голландские торговцы не поверили его обещаниям и порекомендовали графу попытаться счастья где-нибудь в другом месте.

Компаньоном графа выступал другой колоритный персонаж, некий Филипп де Жантиль, маркиз де Лангалери, I барон де Сантонж, выходец из знатного лимузенского рода, генерал-лейтенант французской армии³⁸. В 1706 г. он поступил на службу в имперскую армию, принял кальвинизм и ездил по Европе, вынашивая планы религиозной войны с Ватиканом, восстания против турок в Черногории и основания колонии протестантов на Мадагаскаре³⁹. Авантюристы обратились к турецкому послу в Гааге Осману-аге, предлагая Стамбулу помощь «20 тысяч храбрецов» и 60 кораблей для борьбы против Папы Римского⁴⁰. Их планы, согласованные с Османом-агой, предусматривали похищение папы Римского Клементя XI и оккупацию Рима турецкими войсками и освобожденными из рабства протестантами. В обмен на свою помощь граф де Линанж и маркиз де Лангалери должны были получить от Османской империи несколько островов в греческом Архипелаге и расселить здесь «флибустьеров и корсаров» с Мадагаскара. Кроме того, при поддержке еврейских общин Амстердама, Альтоны и Гамбурга они рассчитывали создать поблизости от Святой Земли еврейскую колонию⁴¹.

Похождения мадагаскарских «посланников» закончились для них печально. По приказу императора и с согласия короля Великобритании Георга I курфюрста Ганноверского, Лангалери арестовали в Штаде под Бременом и под усиленным эскортом отконвоировали в Вену. Отсюда маркиза перевезли в Венгрию и заточили в камеру замка Рааб, где он скончался, заморив себя голодом. Со своим секретарем Исааком Мензесом д'Акостой на территории Восточной Фрисландии был задержан и граф де Линанж. Наличие договора с Османом-агой он отрицал и признался в связях с турецким послом только после того, как ему предъявили обличавшие его документы, найденные у Лангалери. Графа посадили в Шпильбергский замок в Моравии, и следы его затерялись. В те же годы в Европе появился еще один «переговорщик» с Мадагаскара, некий Ян Генрих Гюетан, граф Гульденштайн, вступивший от имени пиратов в секретные контакты с датской короной⁴². Переговоры велись также и с курфюрстом Саксонским, королем Польским Августом II.

В 1713 г. посланцы пиратов объявились в Швеции. К секретарю шведского посольства в Ганновере Иоганну-Габриэлю Верффлингу явились два человека из Южных морей, некий Сен-Лежер с сыном, которые предложили в обмен на шведский протекторат передать в

казну Карла XII 500 тыс. фунтов и прислать 25 кораблей⁴³. Король в это время находился в Османской империи, и переговоры тогда прервались⁴⁴. Остался, правда, открытым вопрос — кем являлся и чьи интересы представлял Сен-Лежер? Не он ли тот самый, «храбрый якобитский приватир», занимавшийся контрабандными поставками оружия в Ирландию и Шотландию, о котором в 1724 г. писал посол Великобритании в Швеции Стивен Пойнтц премьер-министру Роберту Уолполу?⁴⁵ В таком случае появление в Ганновере якобитского агента, выдававшего себя за посланца пиратов, могло иметь отношение к политическим планам Карла XII и якобитов, направленным к свержению Ганноверской династии и поддержке заговора в пользу «Старого Претендента», иначе говоря «короля» Якова III Стюарта, принца Джеймса Фрэнсиса Эдуарда Стюарта. Они привели впоследствии к «заговору Юлленборга», названному так по имени шведского посланника в Лондоне графа Карла Юлленборга, который через своего секретаря капитана Нилса Манделя вел переговоры с представителями пиратов.

В июне 1718 г., в Стрёмстад, где находился Карл XII, прибыли очередные посланцы с Мадагаскара, также выдававшие себя за пиратских представителей: бывший офицер британского флота якобит Уильям (Гаспар Вильгельм) Морган и его компаньон Жан Монери, обещавшие предоставить королевской казне большие суммы денег и начать нападения на британские корабли⁴⁶. Переговоры с ними велись в строжайшей тайне и привели к снаряжению экспедиции в Индийский океан под командованием подполковника Карла фон Врангеля и двух его помощников: Отто Клинкустрёма и капитана Карла-Густава Манделя. Осенью 1718 г. Клинкустрём отправился вместе с Морганом в Мадрид, где они прожили целый месяц, ежедневно встречаясь с Джеймсом Фицджеральдом Батлером, II герцогом Ормондом, представителем Якова III в Испании. От имени Карла XII переговоры с якобитами вел «Великий Визирь» короля, голштинский министр барон Георг Хейнрих Гёрц, фактически руководивший внешней политикой королевства, который рассчитывал использовать пиратов в вынашиваемом им проекте реставрации Стюартов: пираты соглашались не только передать шведам 30 кораблей, но и участвовать во вторжении в Шотландию⁴⁷.

Размеры «пиратской помощи» представляются совершенно невероятными. Фантастические цифры приводил, в частности, занимавшийся этой историей Вольтер — согласно его данным пираты обязались привести в Гётеборг 60 кораблей⁴⁸. Свою лепту в распространение информации о подготовке якобитской экспедиции внес и граф де Кампредон, сообщивший о некоем «плане этого предприятия», найденном в бумагах барона Гёрца и будто бы «начерно набросанным царем» Петром I. Петербург, разумеется, отрицал свое участие в проектах якобитов⁴⁹. В пространном мемориале от 17 октября 1720 г., переданном британскому правительству резидентом в Лондоне М.П. Бестужевым-Рюмином, официальная российская позиция по отношению к якобитам была высказана однозначно: «Его царское величество никогда не давал своего защищения бунтовщикам противу великобританской короны». Особо подчеркивалось, что царь «не почитает себя обязанным отвечать за каждого приехавшего в об-

ласти его англичанина, ни рассматривать, претендента он сторона или нет». Отрицая какие-либо «секретные намерения», согласованные с Гёрцем, Петербург предъявил ответные претензии Лондону, обвинив Георга I в попытках создания общей коалиции против России⁵⁰. После получения мемориала, британское правительство предписало Бестужеву-Рюмину покинуть страну в течение восьми дней.

Разумеется, Лондон было трудно убедить в непричастности Петербурга к интригам якобитов. На берегах Темзы хорошо знали о приеме на русскую службу «англичан, противных двору»⁵¹, вроде Джеймса Дэниела Брюса (Яков Вилимович Брюс), Питера Эдмунда Лэйси (Пётр Петрович Ласси), Томаса Гордона, Томаса Саундерса, Джорджа Брауна и Кеннета Сазерленда, III лорда Дuffуса, которые занимали высокие позиции в военной и военно-морской российской элите⁵². Британские власти имели сведения о том, какую роль в русско-якобитских контактах 1716—1718 гг. и попытках формирования русско-шведско-испанской коалиции играл царский лейб-медик, архитектор и президент Медицинской коллегии, шотландец Роберт Чарльз Эрскин (Роберт Карлович Арескин), близкий родственник руководителя якобитского восстания 1715 г. Джона Эрскина, графа Мара. Именно Арескин в разгар «заговора Юлленборга» встречался в Амстердаме с Гёрцем и якобитским агентом Генри Джернингхэмом, обсуждая с ними размеры возможных финансовых субсидий для подготовки проекта вторжения в Шотландию⁵³. Однако далеко идущие планы Гёрца провалились: переговоры с якобитами затянулись, Морган уехал во Францию, а 30 ноября 1718 г. под Фредриксхальдом неожиданно погиб Карл XII. Незадолго перед этим, 19 ноября, в Олонце скончался и Роберт Эрскин. «Царь пролил реки слез, услышав роковое известие, — записал секретарь Аптекарской канцелярии и будущий президент Петербургской Академии наук Иоганн Шумахер. — Он приказал устроить ему пышные похороны, дабы выразить свою признательность тому, кто служил ему пятнадцать лет до последнего вздоха»⁵⁴. После смерти Карл XII вдохновителя «якобитско-пиратского» вторжения барона Гёрца арестовали и по обвинению в государственной измене казнили.

Спустя полгода преемница Карла XII королева Ульрика Элеонора и ее супруг Фридрих Гессенский (будущий король Фредрик I) реанимировали «пиратский проект». Секретное предприятие курировал руководитель королевского совета граф Спарре, и после одобрения Сената 20 апреля 1719 г. началась подготовка плавания на Мадагаскар. Моргану, который в то время под именем Уолтона проживал во Франции, были направлены подтверждения о назначении его губернатором Сент-Мари и о принятии его на службу в «Шведскую Ост-Индскую компанию», занимавшуюся торговлей с Бразилией и Африкой. Экспедицию возглавил генерал-адъютант, командор Карл Густав Ульрих, который летом 1722 г. с несколькими кораблями прибыл в испанский Кадис, где была назначена встреча с Морганом. Однако некоторые обстоятельства этой «встречи» заставляют задуматься — не была ли вся эта «пиратская» операция под грифом «Мадагаскарской компании» прикрытием других, более серьезных политических маневров?

Дело в том, что с апреля 1722 г. в Кадисе в полной боевой готовности для «Мадагаскарского плавания»⁵⁵ стоял небольшой отряд су-

дов якобитов под командованием Моргана. В его составе находились купленные у шведов «для торговли» 40-пушечный фрегат «Революция» под начальством ирландского католика, капитана Эндрю Гардинера (настоящее имя — Галлоуэй) и 14-пушечный фрегат «Леди Мэри», командиром которого являлся капитан Патрик Кемпбелл. На фрегатах Моргана пребывало несколько сотен ирландских и шотландских якобитов, в том числе известные заговорщики Никлас Воган, скрывавшийся под именем Хилтона, и кавалер ордена Сантьяго сэра Френсис Форбс, шотландец, служивший на испанском флоте. Там же был и сын самого Моргана. Общее руководство экспедицией, которая должна была двинуться к английским берегам, принимал на себя герцог Ормонд. В самой же Великобритании разворачивался широко-масштабный якобитский заговор, известный как «заговор Аттербери». Его руководители, одним из которых был Фрэнсис Аттербери, епископ Рочестерский, планировали воспользоваться выборами в парламент и совершить государственный переворот: поднять мятеж в Лондоне, организовать вооруженные выступления якобитов в нескольких графствах и при поддержке Швеции осуществить десантную высадку в Корнуолле и в Шотландии ⁵⁶.

Трудно сказать, в какой степени Яков III рассчитывал на помощь пресловутых «пиратов», однако высоко оценивая роль их так называемого «представителя» Моргана, он подчеркивал, что его миссия по связям с «пиратами» Мадагаскара — воистину «счастливый поворот судьбы», принесший якобитскому делу немало дивидендов ⁵⁷. В условиях острого недовольства правлением вигов, биржевых махинаций, острейшего финансового кризиса и краха «Компании Южных морей» якобиты вполне могли рассчитывать на широкую поддержку плебейских слоев населения и, в частности, криминальных групп. Симптоматично, что пираты подчас разделяли проякобитские симпатии, провозглашая Претендента «своим королем» и предъявляя некие, якобы, полученные от него документы ⁵⁸. Например, известный пиратский главарь с Ямайки, полковник Сид Боннет, который, по видимому, не относился к приверженцам Ганноверской династии, переименовал свой корабль «Ривендж» в «Ройял Джеймс», подчеркивая свою верность Якову III ⁵⁹. Один из его пленников, торговец Джеймс Киллинг, на судебном процессе засвидетельствовал, что Боннет и его люди поднимали на борту корабля тост за здоровье «Старого Претендента» и высказывали надежду «увидеть его королем английской нации» ⁶⁰. По словам работоторговца Уильяма Снелгрейва, тосты «за здоровье Претендента» в апреле 1719 г. поднимали и на корабле Томаса Куклина ⁶¹. Подобное поведение вполне укладывается в логику скрытного протестного поведения якобитов, которые, по мнению Пола Монода, сформировали специфическую субкультуру, характерными элементами которой как раз и выступали тосты в честь Стюартов и исполнение якобитских песен ⁶². «Элементы» этой культуры обнаруживаются в названиях пиратских кораблей ⁶³. Например, «Куин Эннс Ривендж», использованное Тичем Черной Бородой и Капитаном Лэйном, напоминало о правлении королевы Анны Стюарт, последней представительницы этой династии. В свою очередь, название «Ройял Джеймс», пришлось по душе Эдварду Ингленду. Его «компаньон», Роберт Сэмпл, плывал на корабле «Флайинг Кинг», а Хауэлл

Дэвис — на «Кинг Джеймс» и «Ройял Ровер». Консорты Дэвиса, Черный Барт Робертс и Оливье Ла Бус, также предпочли якобитские «Ройял Форчун», «Нью Кинг Джеймс» и «Ормонд». Прослеживаются якобитские симпатии и в наименовании «Уиндхэм-Галлей», названном так в честь одного из лидеров тори, сэра Уильяма Уидхэма.

Надеялся Яков III и на помощь «своего освободителя» Петра I, «единственного иностранного независимого монарха», на которого, по словам «Старого Претендента», можно было рассчитывать⁶⁴. «Ныне удобное время возвести претендента на престол англинский, — сообщал о настроениях якобитов русский посол во Франции Василий Лукич Долгоруков, ведущий с ними переговоры, — ежели только Вашему Императорскому Величеству тому помощи изволит»⁶⁵. Заговорщики рассчитывали на то, что Пётр I направит из Архангельска для десантирования якобитов в Шотландию транспортный конвой и экспедиционный корпус в составе: «4 тысячи инфантерии и 2 тысячи кавалерии без лошадей, только со всем оружием и принадлежащим к лошадям». Также они «просят 1000 фузей». «Сие вспоможение довольно будет к первому зачину, — писали сами якобиты Петру, — и сохранению сей революции, которая под именем Вашим генерально будет, и в малое время государство освободить, с радостью за все сие иждевение заплатить готовы». В секретных переговорах с ними всплывали и конкретные детали, ярко показывавшие, насколько далеко продвинулись в своих планах их организаторы. Так, например, представители Якова III интересовались, «в которой вышине нам прислать фрегат», который мог бы встретить русский флот; в случае же, если фрегат не придет к флоту, то его командующий «без всякой опасности может пристать к северным сторонам берегов Шкоции». Якобиты высказывали уверенность, что Пётр I «больше к сему намерению будет склонны, понеже не в пример способнее сие делать Вашему Императорскому Величеству как покойному блаженной памяти королю шведскому, который сие намерение имел, когда б ему не помешала смерть», и рассчитывали на военную диверсию, которую русские войска произведут против ганноверских владений Георга I⁶⁶.

Якобитские планы сорвались. В мае 1722 г. заговор был раскрыт, началось следствие. Епископ Аттербери и многие участники переворота были арестованы. Новости о провале заговора достигли Швеции, и «Мадагаскарский проект» оказался под угрозой. На курорте Медеви возле озера Веттерн, где располагалась летняя королевская резиденция, проходило напряженное обсуждение перспектив экспедиции, и небольшая группа проякобитски настроенных политиков во главе с Клинкустрёмом пыталась убедить королевскую чету не отказываться от поддержки Стюартов. Тем временем, корабли Моргана, с закупленными в Гётеборге и Гамбурге 2 тыс. мушкетов, 2 тыс. штыков, тысячью карабинов и 400 бочонков пороха, готовились в Кадисе к выходу в Сантандер, чтобы с войсками, собранными в Бильбао и Ла Корунье, приступить к осуществлению десантной операции. Однако к августу 1722 г. планы заговорщиков изменились — Моргану пришлось направиться в Геную, туда же инкогнито прибыл и Яков III. На эскадре же Ульриха в Кадисе «внезапно» вспыхнул мятеж, вынудивший командора возвращаться в Швецию. Здесь его обвинили в провале операции и отдали под суд. Ульрих чудом избежал смертной

казни ⁶⁷. Его отправили в ссылку в крепость Марстранд на северном побережье озера Венерн, где незадачливый командор провел год в заключении, а затем перебрался в Россию, где и сообщил о секретных планах шведской экспедиции ⁶⁸.

Парижские переговоры князя Долгорукова с якобитами и события, разыгравшиеся в Кадисе, заставляют задуматься — не оказались ли так называемые «пираты» всего лишь удобным прикрытием для проведения тайных операций Стокгольма и Петербурга? Тем более, что в столице Российской империи неплохо владели информацией о якобитских интригах, плетущихся при королевских дворах Испании, Франции и Швеции, и той роли, которую играет в них Мадагаскар. Есть все основания полагать, что одной из ключевых фигур в сложной дипломатической игре 1720-х гг. являлся руководитель русской Мадагаскарской экспедиции датчанин Вильстер ⁶⁹. Перейдя в 1714 г. на службу в Швецию и став вице-адмиралом, он по неизвестным причинам бежал в Гамбург, где вступил в секретные переговоры о переходе на русскую службу ⁷⁰. В июне 1721 г. Вильстера вместе с сыновьями Яганом Генрихом и Ульрихом Кристьяном приняли на российский флот ⁷¹, и он прибыл в Петербург на свое последнее место службы.

Информация об этом периоде в жизни Вильстера крайне скудна. Так, например, не ясно, где он находился в 1722 — первой половине 1723 г., так как адмирал не получал жалованье за 1722 г., и летом 1723 г. просил его выплатить. При этом Вильстер признавался, что опасается, «ежели б в шведские руки попал», впрочем, страхи его пред датчанами были не меньшими ⁷².

Пробел в официальной биографии Вильстера совпал по времени с «исчезновением» из России другого военно-морского офицера, принятого одновременно с ним на службу — англичанина, капитана Норкрасса (Норкрос, Норкрюс). Тесно связанный с якобитским подпольем, Норкросс принимал участие в восстании 1715 г. и сражался в войсках графа Мара при Престоне, а затем бежал в Швецию. Здесь он командовал небольшим 4-пушечным капером и крейсировал в Северном море, пока не был захвачен дюнкеркскими корсарами, передавшими пленника в Англию. Вскоре, правда, Норкросс был освобожден и вновь перебрался в Швецию, а оттуда в Россию ⁷³. Через полгода он вышел в отставку, но спустя год его имя было неожиданно упомянуто в дипломатической переписке. В статье, посвященной Мадагаскарской экспедиции, В.К. Трутовский привел донесения «российского резидента в Англии князя Долгорукова», сообщившего Петру I из Лондона, что Норкросс прибыл со специальной миссией связаться с пиратскими представителями, которые «искали протекции блаженной памяти короля шведского». Норкросс, по словам Долгорукова, получил, якобы, поручение обещать пиратам протекцию императора и в случае их согласия предложить им в качестве места жительства Архангельск ⁷⁴.

Сообщение Трутовского однако вызывает вопросы. Не приведя источник полученных им сведений, автор основательно запутал всю историю, сославшись на князя Долгорукова как на автора письма. Было, впрочем, непонятно, кого из рода Долгоруких Трутовский имел в виду — среди известных дипломатов в 1720-х гг. ни один не был резидентом в Англии. Первым стал князь Сергей Григорьевич Долгоруков, назначенный посланником в Лондон намного позже описыва-

емых событий, в 1739 г., но он не добрался до места назначения, так как незадолго до отъезда был арестован и казнен. Кроме того, в 1720—1731 гг. дипломатические отношения между Англией и Россией были разорваны, что, само по себе, исключает присутствие в Лондоне официального дипломатического представителя. Возможно, Трутовский, как мы ранее предположили, имел в виду неофициальные каналы информации, по которым данные о Норкроссе получили другие дипломаты из рода Долгоруких: посол в Копенгагене (1707—1720) и посланник в Париже (1721—1722) князь Василий Лукич, переведенный затем в Польшу (1724—1726) или его тамошние предшественники — Григорий Фёдорович (1715—1721) и Сергей Григорьевич (1721—1724).

Ситуация разъяснилась, когда среди бумаг посла в Париже князя В.Л. Долгорукова обнаружили отправленные им донесения в Петербург. Писались они в самый разгар «заговора Аттербери». В одном из них, от 23 апреля 1722 г., Долгоруков доносил, что к нему явился представитель якобитов полковник Дэниэл О'Брайен («шевалье Абриен»), который ранее, в 1718 г., приезжал вместе с герцогом Ормондом для переговоров с российскими представителями в Митаву и был тесно связан с Клинкустрёмом⁷⁵. О'Брайен рассказал о появлении в Лондоне «англичанина именем Норкрос, которой поехал отседа прошлаго году и принял в. и. в. службу». Теперь же, вернувшись в Англию, Норкросс, «офицер доброй и отважной, также способной ежели коли случай позовет послать секретно для проведывания вестей», ищет контактов с представителями якобитского подполья и «желает говорить... о некоем о важном деле и что ныне по прежнему проекту, о котором говорено, можно с мнейшим трудом учинить, нежели прежде»⁷⁶. Связавшиеся с Норкроссом якобитские агенты не смогли узнать от него подробности и переслали всю информацию О'Брайену.

Спустя два месяца, в рапорте от 20/29 июня 1722 г. Василий Лукич доносил Петру о том, что 24 июня он встречался с генерал-лейтенантом французской службы Артуром Диллоном, представлявшим интересы Якова III при Версальском дворе. Граф Диллан, высокопоставленный якобит, вместе с Джорджем Гренвилем, I бароном Лансдауном, и упоминавшимся ранее графом Маром, входил в состав своего рода «парижского триумвирата» якобитов. Вместе с Дилланом на встречу с Долгоруковым явился и полковник О'Брайен. Они передали послу для отправки Петру «грамоту твореную печатью от претендента».

Спустя два дня, 27 июня, О'Брайен явился в резиденцию Долгорукова и показал «писменное прошение за бывшею печатью короля свейскаго капитану Норкросу, которой в службе вашего императорского величества». По словам О'Брайена, на него вышли некие шведские представители, нуждавшиеся в его услугах как посредника, «чтоб он уговаривал Норкроса возвратиться в Швецию». Таким образом, Долгоруков неожиданно узнал о секретной миссии Норкросса, который, как выяснилось, был послан из Петербурга в Лондон для поисков контактов с пиратами Мадагаскара, «о чем Вашему Императорскому Величеству известно»: «Повелено ему, Наркросу, нашед тех пиратов, обещать им протекцию Вашего Императорского Величества и что позволено им будет жить в городе Архангелскаго или в ближних оттуда местах». Разумеется, российская протекция пиратам предоставлялась при соблюдении тех же условий, что и шведская: они должны

были передать в казну 1 млн экю ⁷⁷. По словам Долгорукова, шведы всерьез опасались успешного завершения миссии Норкросса и поэтому «хотят его, Норкросса, от того отвратить и для того прислали ему... то прошение и зовут его в службу, чтоб его к тому делу с теми пиратами употребить». Свое приглашение с обещанием Норкроссу всяческих «польз» шведы сопровождали прямыми угрозами в его адрес: если он, по словам О'Брайена, «не вступит в то дело, которое ему поверено и которого он учинить не возможет, ибо люди, обыкные быть в теплых краях, не возмогут ужиться в тех местах, где зима не перестает» ⁷⁸.

На следующий день Долгоруков встретился с самим Норкроссом. Тот показал ему паспорт, «который дан ему от адмиралтейства... которой он почитает за абшит, ибо в оном написано, что жить ему, где он пожелает». Капитан, впрочем, не вызвал доверия. По словам посла, Норкросс собирался выехать во Фландрию, а оттуда в Швецию «для употребления его дела, понеже прошение получил, а по его разговорам и сам мог видеть, ежели он о вышедонесенном деле о тех пиратах указу Вашего Императорского Величества не имеет, то он, Норкрос, пропустил как я чаю нарочно, тот голос, чтоб тем ему поправить дела его в Швеции и упомянутое б прошение получить» ⁷⁹.

Донесения Долгорукова проливают свет на предысторию Мадагаскарской экспедиции и объясняют причину «пробелов» в официальной биографии Вильстера. Видя, с какими предосторожностями в Петербурге готовились к ее проведению, можно предположить, что отправляя эмиссаров к «пиратам», организаторы экспедиции увольняли их со службы, рассчитывая, что в случае неудачи, от них можно будет «откреститься». По-видимому, и Норкросс, и Вильстер выполняли одну миссию — поиски контактов не только с настоящими пиратами, но и с «пиратами» мнимыми, под видом которых скрывались представители якобитов. Именно их представителя Моргана и должен был, судя по информации шведов, разыскать в Лондоне Норкросс. В действительности же Морган в это время находился в Кадисе, а после провала «заговора Аттербери» перебрался в Морле — бретонское поместье герцога Ормонда. О Норкроссе больше информации в дипломатической переписке не появлялось. Вильстер же вернулся в Россию, и в июне 1723 г. вышел императорский указ о его повторном принятии на службу во флот с указанием дать присягу (5 июня 1723 г.). Тогда-то и началась подготовка русской Мадагаскарской экспедиции, замысел которой был выстроен по аналогии с якобитскими заговорщическими моделями, разработанными во время «заговора Аттербери».

Примечания

Статья подготовлена при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ). Грант № 14-01-00079.

1. ТУМАНСКИЙ Ф.О. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. 9. СПб. 1788, с. 209—270; ГОЛИКОВ И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Записки, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 9. М. 1838; ЗЕЙДЕЛЬ И. Снаряжение первой дальней экспедиции в царствование Петра Великого в 1723 году. — Морской сборник. 1867, № 9, с. 65—83; ВЕСЕЛАГО Ф.Ф. Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб. 1875;

- ТРУТОВСКИЙ В.К. Флибустьеры XVIII века. — Русский вестник. Т. 221. 1892, август, с. 3—20; ЗАОЗЕРСКИЙ А.И. Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом. В кн.: Россия и Запад: Исторические сборники под редакцией профессора А.И. Заозерского. Ч. I. Пг. 1923, с. 91—102; АЛЬТМАН В.В. Экспедиция на Мадагаскар Петра I. — Наука и жизнь. 1937, № 6, с. 68—69; ТАРЛЕ Е.В. Роль русского флота во внешней политике при Петре I. — Морской сборник. 1946, № 11—12, с. 96—98; ЕГО ЖЕ. Русский флот и внешняя политика Петра I. М. 1949, с. 115—119; МАКРУШИН А., МАКРУШИН В. Фрегаты Петра отплывают к Индийскому океану. В кн.: Бригантина. Сборник рассказов о путешествиях, поисках, открытиях. М. 1971; ДАВИДСОН А.Б., МАКРУШИН В.А. Зов дальних морей. М. 1979; ЧЕКУРОВ М.В. Загадочные экспедиции. М. 1984, с. 61—79; КАРТАШОВА Л.А. Становление знаний и представлений о Мадагаскаре в России. В кн.: В таинственной стране Мадагаскар. Год 2005. М. 2006, с. 56—66.
2. Из наиболее крупных работ отметим: ПОЛИЕВКТОВ М. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721—1725). СПб. 1907; НИКИФОРОВ Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М. 1950; ЕГО ЖЕ. Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М. 1959; ФЕЙГИНА С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М. 1959; НЕКРАСОВ Г.А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М. 1964; ЕГО ЖЕ. Роль России в европейской международной политике, 1725—1739 гг. М. 1976; МОЛЧАНОВ Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М. 1984; БОБЫЛЁВ В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М. 1990.
  3. О русском проникновении в Азию см. подробнее: МИЛЛЕР Г.Ф. Известие о песочном золоте в Бухарии, очиненных для одного отправления и о строениях крепостей при реке Иртыше. СПб. 1760; МОГУТОВ В. Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в Великую Татарию экспедиции, под именем посольства. СПб. 1777; ПОПОВ А.Н. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. — Записки ИРГО. Кн. 9. 1853; ГРИГОРЬЕВ В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк. В кн.: Сборник государственных знаний. Т. I. СПб. 1874; ВЕСЕЛОВСКИЙ Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб. 1877; ШЕПЕЛЕВ А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Среднею Азиею. В кн.: Материалы для истории хивинского похода 1873 г. Кн. 1. Ташкент. 1879; УЛЯНИЦКИЙ В.А. Сношения России со Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII вв. В кн.: Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. М. 1888; МАКШЕЕВ А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб. 1890; ЖУКОВСКИЙ С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг. 1915; ПАНКОВ А.В. К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв. Ташкент. 1927; МАРКОВА О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М. 1966; БУШЕВ П.П. Посольство Артемия Вольтынского в Иран в 1715—1718 гг. М. 1978; Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах: Письма, реляции, журнал. М. 1986.
  4. См. подробнее: КУРУКИН И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722—1735). М. 2010.
  5. ЛЕБЕДЕВ Д.М. География в России петровского времени. М.—Л. 1950; АНДРЕЕВ А.И. Очерки по этнографии Сибири. XVIII век. (первая половина). М.—Л. 1965, с. 11—32; ДИВИН В.А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII в. М. 1971, с. 77—110; ЕФИМОВ А.В. Из истории великих русских географических открытий. М. 1971, с. 34—45; 144—180; 215—274; БЕЛОВ М.И. По следам полярных экспедиций. Л. 1977; АЛЕКСЕЕВ А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М. 1982, с. 62—64, 87—89; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: сб. документов. М. 1984; ПЛОТНИКОВ А.Ю. Русская дальневосточная граница в XVIII — первой половине XX вв.: Двести пятьдесят лет движения России на Восток. М. 2007.
  6. О возможностях добычи золота в Восточном Туркестане доносил в 1714 г. сибирский губернатор князь М.П. Гагарин, представивший проект строительства на границах с Ойрато-Джунгарским государством иртышской линии укреплений и

- военной экспедиции к джунгарскому Яркенду (соврем. Шачэ, Китай). К 1720-м годам в Среднем Прииртышье между Омской, Ямышевской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостями были возведены линии форпостов и редутов, которые должны были стать опорой при дальнейшем продвижении в Джунгарию. См. подробнее: ЧИМИТДОРЖИЕВ Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М. 1978, с. 138—142.
7. БЕРГ Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1724—1742. М.-Л. 1946; Русские арктические экспедиции XVII—XX вв.: Вопросы изучения и освоения Арктики: сб. документов. М. 1964; КУШНАРЁВ Е.Г. В поисках пролива: Первая Камчатская экспедиция, 1725—1730. Л. 1976; ПАСЕЦКИЙ В.М. Витус Беринг (1681—1741). М. 1982; ГОЛЬДЕНБЕРГ Л.А. Между двумя экспедициями Беринга. Магадан. 1984.
  8. МОЛЧАНОВ Н.Н. Ук. соч., с. 421.
  9. Из разговора Ч. Уитворта с князем Б.И. Куракиным в 1724 году. Цит. по: БУШКОВИЧ П. Пётр Великий: Борьба за власть (1671—1725). СПб. 2008, с. 449.
  10. См., например: ПОЛЕВОЙ Б.П. Инструкция Петра I Витусу Берингу в свете новых исследований (Из истории русских географических открытий начала XVIII в.). — География и природные ресурсы. 1993, № 2, с. 165—170; ПОЛЕВОЙ Б.П. Основание Русской Америки — идея Петра Великого. В кн.: Русская Америка, 1799—1867: материалы международной конференции «К 200-летию образования Российско-американской компании 1799—1999. Москва, 6—10 сентября 1999 г. М. 1999, с. 92—102.
  11. БУШКОВИЧ П. Ук. соч., с. 433—450; СЕРОВ Д.О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск. 1996; ЕГО ЖЕ. Администрация Петра I. М. 2008.
  12. CHAUNU P. Conquête et exploitation des Nouveaux mondes (XVI-e siècle). Paris. 1969, p. 254.
  13. См. подробнее: GLETE J. Navies and Nations. Warship, Navies and State Building in the Europe and America. 1500—1860. Stockholm. 1993.
  14. См. подробнее: НИКИФОРОВ Л.А. Ук. соч.; КРОСС Э.Г. Английский Пётр. Пётр Великий глазами британцев XVII—XX веков. СПб. 2013.
  15. В реляции от 28 июня 1721 г. русский посол при австрийском дворе Людвиг Ланчинский подчеркивал, что англичане крайне встревожены расширением российского влияния на Востоке и предпринимают попытки оказать дипломатическое давление на императора (ПОЛИЕВКТОВ М. Ук. соч., с. 84). См. подробнее: АНДРЕЕВ А.И. Экспедиции на Восток до Беринга, в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII в. Труды историко-архивного института, 2 (1946), с. 181—202; КРЫЛОВА Т.К. Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века. В кн.: Культура Испании. Сб. статей. М. 1940, с. 327—352; АЛЬПЕРОВИЧ М.С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М. 1993; БОБЫЛЁВ В.С. Ук. соч., с. 157—160.
  16. Деша французского консула Анри Лави аббату Гийому Дюбуа от 26 октября 1719 г. Сборник РИО. Т. 40. СПб. 1884, с. 61.
  17. Деша Лави аббату Дюбуа от 15 января 1720 г. Сборник РИО, т. 40, с. 79.
  18. DESSERT D. La Royale, Vaisseau et marins du Roi-Soleil. Paris. 1996; SIMÉON N. Louis XIV et la mer. Paris. 2007.
  19. НАЙМАРК Е.А. «Ногою твердой встать при море...» Проблема имперских амбиций Петра Великого и ее образное воплощение в фейерверках первой четверти XVIII в. — Историческая и социально-образовательная мысль. 2011, № 3(8), с. 18.
  20. ВУЛЬПЕУС Р. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке. В кн.: Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700—1917): Сб. статей. М. 2010, с. 19.
  21. Сборник РИО. Т. 61. СПб. 1888, с. 536—537, 562—565.
  22. Автором брошюры был, по-видимому, Джордж Маккензи, который в 1714—1715 гг. являлся британским министром-резидентом в Петербурге. КРОСС Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб. 2005, с. 186.
  23. BLACK J. Politics and foreign policy in the age of George I, 1714—1727. Farnham. 2014, p. 158.
  24. Сборник РИО. Т. 52. СПб. 1886, с. 144, 146. См. также донесения консула Лави 1720 г. Сборник РИО, т. 40, с. 104—105.

25. Подробнее о Петре и его восприятии моря см.: БЕСПЯТЫХ Ю.Н. Пётр, море и Петербург. В кн.: Феномен Петербурга: Труды Второй Международной конференции. СПб. 2001, с. 375—391; ЕГО ЖЕ. Петербург, море и Пётр. В кн.: Феномен Петербурга: Труды Третьей Международной конференции. СПб. 2006, с. 320—343.
26. ФОККЕРОРД И.Г. Россия при Петре Великом. — ЧОИДР. 1874, кн. 2, отд. 4, с. 77.
27. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 212, оп. 11, д. 305, л. 1.
28. Материалы для истории Русского флота. Ч. II. СПб. 1865, с. 693.
29. РГА ВМФ, ф. 212, оп. 11, д. 305, л. 405.
30. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. VII. 1723—1727. СПб. 1830, № 4356, с. 157.
31. Материалы для истории Русского флота..., с. 709.
32. РГА ВМФ, ф. 223, оп. 1, д. 29, л. 87.
33. См. подробнее: CORDINGLY D. Under the black flag: The romance and reality of life among the pirates. N.Y. 1996; WOODARD C. The republic of pirates: Being the true and surprising story of the Caribbean pirates and the man who brought them down. N.Y. 2007.
34. DESCHAMPS H. Histoire de Madagascar. Paris. 1961, p. 78—79.
35. Collection des ouvrages anciens concernant Madagascar. Т. III. Paris. 1905, p. 637—638; BOISLISLE A. de. Les Aventures du marquis de Langalerie (1661—1717). Paris. 1898; O'CONNOR J.T. Exploitation and subversion of Utopian ideals: The schemes of two French exiles in the Netherlands. In: Utopia 2: The Eighteenth century. Charlottesville. 1999, p. 42—59.
36. GLOZIER M. Schomberg, Miremont and Huguenot invasions of France. In: War and Religion after Westphalia, 1648—1713. (Politics and Culture in North-Western Europe, 1650—1720). Burlington. 2009, p. 150—152.
37. LANGALERIE, marquise de. Mémoires du marquise de Langalerie, histoire écrite par lui-même dans la prison à Vienne en Autriche. La Hay. 1753, p. 334.
38. См. оставленные им мемуары (LANGALERIE, marquise de. Op. cit.), а также: WEBER K. Der Marquis von Langalerie und der König von Madagascar. 1716. In: Mitteilungen aus dem Haupt-Staatsarchive zu Dresden. Neue Folge. Bd. 2. Leipzig. 1861, S. 164—184; MONTÉGUT H.B. de. Philippe de Gentils de Lajonchapt, Marquis de Langalerie, premier Baron de Saintonge, Lieutenant-Général des armées du roi, Feld-maréchal au service d'Autriche, 1661—1717. Angoulême. 1866.
39. WRAXALL L. Remarkable Adventurers and Unrevealed Mysteries. Vol. 2. London. 1863, p. 293—300; Journal historique sur les matieres du tems. Octobre, 1716. Verdun, 1716, p. 248.
40. DESCHAMPS H. Les pirates à Madagascar aux XVII-e et XVIII-e siècles. Paris. 1972, p. 194—195.
41. LANGALERIE, marquise de. Op. cit., p. 345. Текст соглашения с Османом-агой см.: The Historical Register, containing an impartial relation of all translations, foreign and domestic. Vol. I. For the year 1716. London. 1717, p. 336—338.
42. Collection des ouvrages anciens concernant Madagascar. Т. III. Paris. 1905, p. 626—630; DESCHAMPS H. Op. cit., p. 188—190.
43. См. подробнее: ТРУТОВСКИЙ В.К. Ук. соч., с. 7—8.
44. HEUBEL I.H. Leben Karl XII. Königs in Schweden. Francfurt-Leipzig. 1741, v. II, p. 705—706; KONINCKX CH. The first and second charters of the Swedish East India company 1731—1766. Kortrijk. 1980, p. 34; WANNER M. The Madagascar pirates in the strategic plans of Swedish and Russian diplomacy 1680—1730. In: Prague papers on the history of international relations. Prague-Vienna. 2008, p. 73—94.
45. SCHUHARD M.R. Emanuel Swedenborg, secret agent on Earth and in Heaven: jacobites, jews and freemasons in Early Modern Sweden. Leiden. 2012, p. 171—172.
46. См. подробнее: SCHUHARD M.R. Op. cit., p. 150—153.
47. См. подробнее: SYVETON G.G. L'erreur de Goertz. — Revue d'histoire diplomatique. 1895—1896, vol. IX—X, No. 1, 3—5; MURRAY J.J. Sweden and the Jacobites. — Huntington Library Quarterly. 1944—1945, vol. VIII, p. 259—276.
48. ВОЛЬТЕР. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб. 1999, с. 241.

49. Сборник Русского исторического общества. Т. 52. СПб. 1886, с. VII—IX. См. также: СТЕРЛИКОВА А.А. «Позовите Герца, старенького Герца...». Пётр I и «якобитская интрига». — Родина. 2007, № 11, с. 66—68; ВАГЕМАНС Э. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716—1717). СПб. 2013, с. 184—185.
50. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 885 (Эрмитажное собрание), д. 313, л. 93об.
51. Санкт-Петербургский институт истории РАН (СПб ИИ РАН), ф. 277, оп. 2, д. XI, л. 128.
52. См. подробнее: BRUCE M.W. The Jacobites and Peter the Great (1721—1725). — Slavonic and East European Review. 1936, № 14, p. 343—362; ANDERSON R.C. British and American officers in the Russian navy. — Mariner's Mirror. 1947, № 33, p. 17—27.
53. SCHUHARD M.R. Op. cit., p. 121.
54. ДРИССЕН-ВАН-ХЕТ-РЕВЕ Й. Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711—1752). СПб. 2015, с. 186.
55. Journals of the House of Lords. London. 1722, vol. 22, p. 150.
56. CRUICKSHANKS E., ERSKINE-HILL H. The Attenbury plot. N.Y. 2004.
57. CRUICKSHANKS E. The second duke of Ormond and the Atterbury plot. In: The Dukes of Ormonde, 1610—1745. Woodbridge. 2000, p. 251.
58. BIALUSCHEWSKI A. Jacobite Pirates? — Histoire Sociale-social History. 2011, vol. 44, № 87, p. 154, 159.
59. RANKIN H.F. The Pirates of Colonial North Carolina. Raleigh. 1977, p. 5. Свою враждебность королю Георгу открыто демонстрировал и пират Чарльз Вэйн. BIALUSCHEWSKI A. Op. cit., p. 154.
60. The Tryals of Major Stede Bonnet, and Other Pirates. London. 1719, p. 13.
61. SNELGRAVE W. A new account of Guinea and the slave-trade. London. 1734, p. 216—217.
62. MONOD P.K. Jacobitism and the English People, 1688—1788. Cambridge. 1989, p. 7—8. Схожие тосты провозглашали и на других пиратских судах, в частности, на корабле Эдварда Лоу. Впрочем, следует быть осторожными в выводах, так как мотивации у пиратов могли быть самыми разнообразными. Капитан Ричард Хоукинс, например, оказавшийся пленником у Сприггса, утверждал, что никогда не слышал иных здравниц, кроме как в честь короля Георга. Будучи на их корабле в момент смерти короля Георга I, он стал свидетелем следующей церемонии: на мачте в знак траура был приспущен «Веселый Роджер» и пираты по ошибке «вознесли хвалу» его королевскому высочеству Георгу II, надеясь, как полагал Хоукинс, на грядущую амнистию.
63. FOX E.T. Op. cit., p. 287—288.
64. ОР РНБ, ф. 885, д. 503, л. 81об.; WILLS R. Op. cit., p. 71.
65. ОР РНБ, ф. 885, д. 503, л. 78об.
66. Там же, л. 79об.—80об.
67. SCHUHARD M.K. Op. cit., p. 166—167.
68. БЕРХГОЛЬЦ Ф.В. фон. Дневник камер-юнкера, 1721—1725 гг. Ч. 4. М. 1903, с. 6; РГА ВМФ, ф. 212, оп. 11, д. 305, л. 361—363об.; ф. 233, оп. 1, д. 230, л. 280—280об.
69. ДАВИДСОН А.Б. МАКРУШИН В.А. Ук. соч., с. 28—31.
70. Переговоры велись при посредничестве резидента надворного советника в Гамбурге Ягана Фридриха Бетхера. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 9, отд. II, оп. 4, ч. 2, д. 62, л. 524—526; РГА ВМФ, ф. 212, оп. 11, д. 128, л. 5—10.
71. РГА ВМФ, ф. 212, оп. 11, д. 128, л. 2. Старшего сына приняли на службу капитаном 3 ранга, младшего — капитан-поручиком.
72. СПб. ИИ РАН, ф. 270, оп. 1, д. 103, л. 499, 553—554.
73. FOX E.T. Op. cit., p. 292.
74. ТРУТОВСКИЙ В.К. Ук. соч., с. 13—14.
75. WILLS R. Op. cit., p. 82; SCHUHARD M.K. Op. cit., p. 163.
76. ОР РНБ, ф. 885, д. 503, л. 78—78об.
77. CRUICKSHANKS E. Op. cit., p. 251.
78. ОР РНБ, ф. 885, д. 503, л. 82—82об.
79. Там же, л. 82об.

Антикварные мифологемы и границы королевской власти в Англии в первой половине XVII в.

С.В. Кондратьев

Аннотация. Статья раскрывает политические и правовые представления англичан предреволюционного и революционного времени на королевскую власть. В статье показано, что эти представления строились на мифологических событиях и текстах, уходящих корнями якобы в незабвенное английское прошлое. Автор полагает, что представления о границах королевской власти строились на мифическом письме папы Элевтерия мифическому же королю бриттов Луцию, на статье 17 законов короля Эдуарда Исповедника и на его коронационной клятве. В средневековой истории и истории раннего Нового времени Англии эти мифологемы имели сложную рецепционную жизнь, которая реконструирована в статье.

Ключевые слова: королевская власть, Англия, мифологемы, юристы, антиквары, дискурс, прерогативы, коронационная клятва.

Abstract. The article considers the political and legal ideas about the royal power in the pre-revolutionary and revolutionary England. The author points out that those ideas were mostly founded on myths and texts which could supposedly be traced back to the historic events embedded in the people's memory. The author presumes that the ideas about the limits of the royal power were based on a mythical letter that Pope Eleutherius had once sent to Lucius, a mythical king of the Brits, on item 17 of Edward the Confessor's Laws, and on his coronation oath. The article reconstructs a complicated way those mythologemes were received in the medieval and early modern history of England.

Key words: royal power, England, myths, lawyers, antiquaries, discourse, prerogatives, coronation oath.

В январе 1649 г. «от имени народа Англии» специально созданный Высокий суд правосудия судил английского короля Карла I за измену (treason) и приговорил к смертной казни, как тирана, нарушителя общего права и вольностей подданных. Приговор гласил, что король имел «ограниченную власть править в соответствии с законами страны и никак иначе». «Присяга и должность» (oath and office) обязывают короля «использовать власть... на благо и процветание народа и для сохранения его прав и вольностей». Он же, напротив, стремился

Кондратьев Сергей Витальевич — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и политических наук Тюменского университета. E-mail: skondratiev@utmn.ru.

Kondratiev Sergey V. — doctor of historical science, professor, director of the Institute of History and Political Science, Tyumen State University. E-mail: skondratiev@utmn.ru.

к «неограниченной и тиранической власти, чтобы править по своей воле и чтобы уничтожить права и вольности народа», и посему «как тиран, изменник, убийца и враг доброго народа, будет предан смерти посредством отделения его головы от его тела»¹.

Примечательным во всей этой истории было то, что представления о тирании Карла I базировались не столько на тираноборческих континентальных идеях, которые, бесспорно, были известны в Британии вообще и Англии в том числе², но на антикварных мифологемах и апелляции к глубокой, донормандской древности. Средневековый принцип мышления — чем древнее, тем истиннее — продолжал в годы революции доминировать в массовом сознании англичан и британцев.

К началу революции в Англии существовал устойчивый миф о том, что английское государство и право уходят корнями в глубокую древность, когда островом владели либо бритты, либо пришедшие им на смену англосаксы и датчане. Эта традиция была заложена в «Истории бриттов» Гольфрида Монмутского (1100—1155) и «Описании Уэльса» (*Descriptio Cambriae*) Гиральда Камбийского (1146—1223), которая позднее воспроизводилась в «Истории Британии» (1508) Понтика Вируния, «Новой хронике Англии и Франции» Роберта Фабиана (1516), «Краткой хронике королей от Брута до настоящего дня» (1560) Джона Расталла, «Хронике Англии от Брута по настоящий год» (1580) и «Анналах Англии» (1592) Джона Стоу и других авторов³.

В общих чертах она выглядит так. Основателем Британии был легендарный Брут, якобы внук бежавшего на Апеннины после захвата греками Трои Энея. Брут, случайно убивший отца, был вынужден отправиться в изгнание. После многочисленных приключений и подвигов он достиг острова Альбион, который «нарек Британией, а своих спутников бриттами». Позднее три сына Брута разделили остров между собой: одному отошла середина острова, второму — Валлия (Уэлс), третьему — Скоттия (Шотландия)⁴.

Заложенная Монмутским традиция предполагала, что государственность и законы Англии были созданы бриттами, и их базовые компоненты с тех «незапамятных времен» остаются неизменными. Последующие завоеватели — римляне, англосаксы, датчане и норманды — признавали их совершенство и продолжали использовать. Создателем законодательства бриттов был легендарный король Дунвалло Молмуций⁵.

Миф о бессмертии и неизменности английского законодательства и государства активно культивировался юристами общего права, многие из которых занимались антикварными, историческими изысканиями. Его отчетливо обозначил знаменитый юрист Джон Фортескью (1395—1477) в трактате «Похвала законам Англии», где писал: «Королевство Англия первыми заселили бритты, затем им правили римляне, после них — опять бритты, за которыми последовали саксы, изменившие название “Британия” на “Англию”. Потом короткое время в королевстве господствовали даны, но вскоре — вновь саксы, пока, наконец, не возобладали норманды, чьи потомки держат его по сию пору. И все время, непрерывно, под этими народами и их королями королевство управлялось теми же обычаями, которыми управляется и сегодня»⁶. В конце XVI — начале XVII в. главный судья

Англии Эдвард Кок (1552—1634), судья суда Королевской скамьи Джон Доддридж (1555—1628), бристолевский юрист Джордж Салтерн настойчиво воспроизводили этот миф. Эд. Кок, ссылаясь на многочисленных предшественников от Генри Брактона (ум. 1268) до Томаса Литтлтона (1421—1481) и Кристофера Сент-Джермена (1460—1540), писал, что королевство бриттов основал Брут, который, сделав извлечения из права троянцев, дал острову первые законы, записанные, якобы, по-гречески. Этими греческими законами бритты потом пользовались еще не одно столетие, и эти «законы Англии много древнее, чем повествования о них, и любых конституций и законов римских императоров».

В 441 г. до н.э. они были переписаны на язык бриттов Дунвалло Молмуцием, затем их фиксировала на языке бриттов в 356 г. до н.э. мифическая королева Мерсия Проба, и в 872 г. на языке англосаксов король Альфред. После нормандского завоевания король Генрих I Боклерк (1100—1135) устранил нормандские добавления и «восстановил старинные законы Англии». В заключении Эд. Кок подчеркивал, что Англия знала времена, когда «в некоторых частях общее право менялось и отклонялось от должного курса», но затем «восстанавливалось вновь»⁷. Дж. Доддридж, доказывая бриттское происхождение английского парламента, прямо заявлял: «Древние законы бриттов (к чести наших общих законов) используются до настоящего времени»⁸. Дж. Салтерн был не менее категоричен: законы бриттов «поныне остаются среди законов нашего общего права, хотя и не всегда различимы... они, будучи смешанными с законами Альфреда, затем были сведены Святым Эдуардом в одно общее право, позднее принятое нормандами». «Наши общие законы были уже в ходу у бриттов, задолго до появления саксов»⁹. В 1628 г. в знаменитом парламенте, который принял «Петицию о праве», отставной дипломат Дадли Диггс говорил, что «законы Англии, содержавшие множество неписанных обычаев, основываются на разуме более древнем, чем наши книги; они настолько полны правосудия и справедливости, что достойнейшие предки и предшественники наши защищали их от изменений, они настолько древние, что со времен саксов, несмотря на времена лишений и бедствий, в главных своих частях оставались неизменными». После нашествия данов законы «были усыплены» и стало царствовать насилие, пока «слава Господу, добрый король Эдуард, прозванный Святым, не разбудил эти законы»¹⁰.

В полную мифов историю бриттов уходила корнями история христианизации Британии, которая, якобы, произошла на полтора века раньше, чем официальное принятие христианства в Римской империи. Дж. Салтерн, ссылаясь на Беду Достопочтенного, Гальфрида Монмутского, Понтика Вируния, Уильяма Ламбарда, воспроизводит легенду о том, как еще один мнимый персонаж — король бриттов Луций, наделенный от рождения редкими добродетелями, обратился к папе Элевтерию (175—189), после чего его подданные стали христианами и обрели мир и процветание. Король Луций не только принял христианство, но и вознамерился ввести римские законы, на что папа Элевтерий (ок. 175—189) в своем послании посоветовал руководствоваться законами Божьими¹¹. Таким образом, Англия не только использовала право, много древнее римского, но и христианство при-

няла на полтора года раньше, чем Римская империя. Выбор Элевтерия выгодно оттенялся еще и тем общеизвестным фактом, что Константин Великий, официально сделавший христианство религией Римской империи, был в 306 г. объявлен императором именно в Британии.

Заметим, что кроме веры в вечность, истинность, совершенство, нерукотворность, древность, «запамятность» английского права и английской государственности существовали и другие интерпретации исторического прошлого Британии. Во второй половине XV в. Полидор Вергилий (1470—1555), итальянский историк при дворе Генриха VII, соглашаясь с континуитетом английского права, созданного бриттами, принимая мысль о короле Луции, раньше Рима христианизировавшего Британию, с источниками в руках ставил под сомнение легенду о Бруте, доримское происхождение целого ряда английских городов и, главное, многих государственных институтов, которые, по мнению Полидора Вергилия, имели либо саксонское, либо чаще нормандское происхождение¹².

Уильям Кэмден (1551—1623) был первым среди английских авторов, кто стал утверждать, что англичане ведут свое происхождение не от бриттов, а от завоевавших их позднее англосаксов, соответственно, последние не были варварами, просто заимствовавшими у бриттов их государственность и право, а народом, создавшим свои законы и институты. Согласно этой точке зрения, английское право и государственность ведут свое начало не с незапамятных времен, а приблизительно с V века. Формирующаяся традиция также настаивала на континуитете государства и права, которые не смогли испортить теперь уже ни датчане, ни норманды. В 1605 г. Ричард Верстеген (1550—1640), долгое время живший в Голландии, опубликовал в Антверпене трактат «Восстановление искаженного знания о древности благороднейшей и известнейшей английской нации», где, следуя за шведскими гуманистами, утверждал, что англосаксы являлись составной частью героических готв, которые сокрушили в V в. римскую империю¹³. Ясно, что обозначившаяся германская («готская») интерпретация британской истории в начале XVII в. еще не обрела авторитетных сторонников. Это произошло позднее, в 1620—1630-х гг., когда она нашла последователей среди младшего поколения антикваров, таких как Джон Селден (1584—1654) и в особенности Генри Спелман (1562—1641).

Таким образом, в начале XVII в. Англия рисовалась многим современникам как источник европейского христианства и либо самого древнего в Европе, либо просто очень старого и совершенного права.

Важным историческим мифом, подчеркивающим древность, нерукотворность, «запамятность» английского государства и права, был миф о законах Эдуарда Исповедника, считавшегося Святым, которые с достаточной определенностью оговаривали пределы королевской власти. В истории появления законов Эдуарда Исповедника всегда подчеркивалась их неразрывная преемственность с предшествующим законодательством. Роджер Ховден, хронист XII в., пишет, что до Эдуарда Исповедника законы Британии пребывали в небрежении 68 лет. «Но после того, как король Эдуард вззошел на трон, он, по совету баронов Англии, создал свод законов... Когда они были подтверждены, они стали называться «законами короля Эдуарда»¹⁴. Джон

Фокс (1516—1587) в середине XVI в. писал, что Эдуард Исповедник законы Британии, создаваемые в течение многих веков от Дунвало Молмуция до Альфреда, Кнута и данов, свел в «универсальное и общее право для всего народа всего королевства». Они теперь называются «законами Эдуарда Исповедника». Они «справедливы, правдивы и служат общему благу и благу всех сословий»¹⁵.

Джанэлл Гринберг, современный знаток законодательства Эдуарда Исповедника и его более позднего восприятия, замечает в этой связи, что «ирония» заключается в том, что «законодатель Эдуард... в отличие от своих предшественников никаких законов не издавал, и никаких не кодифицировал». Эта традиция берет начало от так называемого Декрета из десяти статей Вильгельма Завоевателя, который был якобы принят в 1070 году. На самом деле текст законов, приписываемых Вильгельму, появился не ранее конца XI — начала XII в., сохранился в латинской и французской версиях и являлся составной частью авторитетной «Истории Англии» Генриха Хантингдонского и хроники Роджера Ховдена, которые жили в XII веке. Текст свода, который получил название «законы Эдуарда Исповедника», сохранился по тексту 1070 г., составленному по повелению Вильгельма Завоевателя. Его воспроизвел в «Истории Кроуэнда» аббат Ингульф (1030—1109), который писал, что в 1085 г. Вильгельм повелел ему перевезти из Лондона в Кроуэнлд свиток с этими законами¹⁶.

В начале XVII в. с законами короля Эдуарда Исповедника и Декретом Вильгельма Завоевателя, в качестве их преамбулы, современники знакомились не только по различным историям и хроникам, но, прежде всего, по авторитетному изданию древних правовых памятников, осуществленному в 1568 г. известным антикварием и юристом Уильямом Ламбардом (1536—1601). Декрет содержал специальное повеление «ради блага Англии всем иметь и держаться законов Эдуарда и добавлений», сделанных Завоевателем. Здесь же говорилось: «Обычай королевства нашего, право общин наших и почести короны нашей, которые были установлены добрыми предками нашими, не могут отвергаться, уничтожаться, оскверняться, но, по общему праву и посредством правосудия и юстиции, должны осуществляться»¹⁷. Статья 1 Законов Эдуарда Исповедника повествовала не о завоевании Англии, а о ее «обретении» (*acquisitionem*) и описывала создание свода. Вильгельм, якобы, последовал совету баронов и повелел «знатным и умудренным в праве» отобрать двенадцать человек по всей стране. Последние, в свою очередь, под присягой «возвестили те законы и обычаи, которые были установлены». В результате «король и королевство обрели прочное основание, согласованные правила, вольности и мир»¹⁸. У Дж. Салтерна в 1605 г. появление на свет законов короля Эдуарда Исповедника выглядело несколько более поэтично: «Горячие мольбы знати убедили его (Вильгельма. — С.К.) восстановить прежние законы». И он повелел: «Изберите по всей стране от каждого графства двенадцать человек, которые вначале подтвердят под присягой королю, что пойдут прямым путем, не сворачивая ни вправо, ни влево, пока законы свои и обычаи не представят в полной ясности»¹⁹.

Особое место в Законах Эдуарда Исповедника и в последующем формировании представлений о пределах власти короля и о превра-

щении ее в тиранию принадлежит статье 17, которая называется «О долге короля, праве и о том, что принадлежит короне королевства Британии» (*De Regis officio, et de jure et appendiciis coronae regni Britannia*). Она провозглашала, что король является наместником Бога. «Король, который есть наместник Высшего Царя, и на его место, выше всех, поставлен, дабы править земным королевством, народом Господним и почитать церковь святую». Однако место Божьего наместника за ним сохраняется не безусловно. «Если он не совершает сие, то даже имени короля за ним не остается, он теряет имя короля». Данный пассаж сопровождался не менее выразительной историей о том, как Пипин Короткий и его сын Карл, будущий император Карл Великий, обратились к римскому папе с вопросом: «Должны ли они пребывать в бездействии, если у короля Франции осталось лишь имя король?» Ответ был не столь очевидным: «Тем подобает называться королями, кто неусыпно обороняет и ведет церковь Божью и ее народ», но, как известно, его оказалось достаточным, чтобы свергнуть последнего Меровинга — Хильдерика III — с франкского престола. В этой статье были сформулированы обязанности короля: «Он (король. — С.К.) должен по праву короля охранять и защищать все земли, титулы, звания, права и привилегии кроны своего королевства, во всей их полноте и целостности, без ослабления, и всей своей властью восстанавливать в должном и начальном состоянии права, которые были расчленены, порушены или утрачены... В королевстве король всецело должен поступать согласно установленному порядку, и по совету лучших. Правосудие и справедливость должны править в королевстве, но не произвольная воля. Закон всегда устанавливает право, но произвол, насилие и сила не есть право. Праведный король должен бояться и более всего любить Господа, а также соблюдать заповеди его по всему своему королевству... По всему королевству должен он устанавливать добрые законы и прекрасные обычаи и, напротив, устранять и искоренять дурные. В королевстве он должен творить праведный суд и в совете с лучшими людьми своего королевства осуществлять правосудие. До возложения на него короны архиепископами и епископами, перед лицом народа и духовенства, королю надлежит лично присягнуть во всем этом на святых евангелиях и священных мошах. Король не должен быть рабом трех вещей, а именно: своеволия, скаредности и похоти, обуздав которые, он станет правителем добрым и славным. В королевстве все должно происходить по доброму размышлению, что и присуще королю. Ибо поспешность порождает полное разрушение, или, по Евангелию: “Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет”» (Мф. 12:25)²⁰.

Составной частью ст. 17 является текст упомянутого выше письма папы Элевтерия мифическому королю Луцию. В нем еще раз говорилось о наместничестве короля Богу: «Ты есть наместник в королевстве, дарованном Отцом, Сыном и Духом Святым», а также, помимо совета пользоваться законами Божьими и не заимствовать римское право, содержалось еще несколько характеристик правильного правления, а именно: приводить народы Британии «к единству, согласию, миру, вере, закону Христову, святой церкви..., собирать, взывать, обогревать, сохранять, укрывать, оберегать и всегда оборонять от насилия, коварства и врагов». Король не должен быть «скудо-

умным, злосердечным и безрассудным, ибо гласит пророчество: “Кровожадные и коварные не доживут и до половины дней своих”» (Псал. 54:23). И наконец: «Короля узнают по правлению, но не по королевству. Пока ты правишь во благо, ты король. Но если творишь иное, тебе не сохранить имя короля, ты утрачиваешь звание короля, что Господь запрещает»²¹.

Перечисленные формулы, приписываемые Эдуарду Исповеднику и незапамятной традиции, стали основой, на которую опирались последующие представления о правильной и тиранической власти. Понятно, что воспроизведенные пассажи жили своей рецепционной жизнью и в разные исторические периоды могли акцентироваться по-разному. Нам когда-то уже приходилось писать о метаморфозах, которые к началу XVII в. претерпели отдельные положения Великой хартии вольностей и трактата «О законах и обычаях Англии» Генри Брактона (ум. 1268). С законами Эдуарда Исповедника происходило нечто подобное. Их подтвердили Генрих I в 1100 г. и Стефан Блуасский в 1135²². Однако в последующем к ст. 17 законов Эдуарда Исповедника перестали обращаться, хотя в праве и общественной мысли продолжали присутствовать различия между законной и тиранической властью.

Генри Брактон отчетливо разводит правовую и тираническую власть короля. Король для него, как и в законах Эдуарда Исповедника, наместник Бога, поставленный выше всех, могущественнее всех — «сердце короля в руке Божьей», и ему нет равных. Но власть короля не должны быть «необузданной». Необузданная власть ведет к несправедливости, а «король, как слуга и наместник Бога не может делать на земле ничего, кроме того, что он может делать по закону». На законе «основывается его власть, закон же есть ни то, что случайно появилось по воле короля, но то, что установлено должным образом после рассмотрения и обсуждения советом его магнатов, уполномоченных самим королем. Таким образом, его власть основывается на праве, но не на бесправии, и так как он сам является творцом права, бесправие не должно рождаться из источника, из которого рождается право, и также он не должен совершать того, что, по долгу (*ex officio*) своему, ему необходимо запрещать другим. Следовательно, король должен осуществлять власть закона на земле, как наместник и слуга Бога, ибо власть совершать беззаконие принадлежит дьяволу, а не Богу, и король будет слугой того из них, чье дело он выполняет. Поэтому пока король творит справедливость, он является представителем Царя Бессмертного, но как только он склоняется к беззаконию, он становится слугой дьявола.

Сказано, слово “король” (*rex*) происходит от слов “хорошо управлять” (*bene regendo*), но не от слова “властвовать” (*regnando*), он есть король, пока хорошо управляет, и он становится тираном, когда народ, доверенный ему, насилем своему господству подчиняет. Пусть же он умеряет свою власть законом, который является уздой его власти, пусть живет в соответствии с законом... Ничто не свойственно более королевскому величию, чем признавать, что государь связан законами. И ничто не соответствует более власти (*imperii*), чем жить согласно законам, ибо нет власти более высокой, чем та, которая правит согласно законам, и ему (королю. — С.К.) надлежит воздать

закону то, что закон предоставляет ему, ибо закон делает его королем»²³.

В 1290 г. автор анонимного трактата «Флета» также достаточно определенно и текстуально близко Брактону разводит королевскую, то есть законную, и тираническую, пренебрегающую законом, власть. «Король остается правым, пока управляет хорошо, и становится тираном, когда народ своей силой подавляет...». Он, если не желает стать слугой дьявола, не должен по долгу своему (ex office) позволять себе делать то, что запрещает другим²⁴.

Джон Фортескью в конце XV в. писал, что король «обязан защищать закон, подданных, их жизни и имущество. Его власть “исходит” от народа», и ему «не позволено», управляя народом, прибегать к какой-то другой власти²⁵. Король, который руководствуется не правом, а своей волей и «подчиняет народ силой», как библейский царь Нимрод, становится тираном²⁶.

Думается, что в начале XVII в. эти пассажи обозначали не только правовые пределы власти монарха, который, выходя за них, превращал власть свою в произвольную и тираническую, но и делал себя из наместника и слуги Бога в слугу и продолжателя дела дьявола. В совокупности слова Генри Брактона, Флеты, Джона Фортескью и ст. 17 законов Эдуарда Исповедника, содержавшие повествование об отстранении Хильперика III, гипотетически открывали возможность для свержения королевской власти и для легитимации такого акта. Ибо сам долг, что можно было читать и как «должность» (officio), обязывают короля править по закону. Отступление от закона не упраздняют долг (должность) короля, но позволяют отделить короля от его должности, лишить власти человека, занимающего должность и неправильно пользующегося долгом. Для реализации такой возможности нужны были определенные политические условия, нужно было начинать смотреть на королевскую власть именно через призму таких цитат, а общественное сознание должно было постоянно болезненно акцентировать и накапливать перечень «незаконных» действий власти.

Последующие трактовки ст. 17 законов Эдуарда Исповедника подтверждают сделанный вывод.

Протестантский автор Джон Фокс, во времена краткосрочной Контрреформации Марии Тюдор (1553—1558) вернул ст. 17 в публичный оборот. Он воспроизвел ее в очень подробном пересказе, напоминая, что миссия монарха — «управлять земным королевством, народом Господним..., почитать церковь святую, управлять ею, защищать ее от зла, вырывать с корнем злоумышленников и полностью истреблять их» и подчеркивая, что статья «описывает долг (должность)» (office) короля. Король, как наместник Бога, поставленный выше всех, обязан следовать своему долгу. Он лично «должен» делать все то, что перечислено в ст. 17 и о чем «он присягает на Евангелиях, святых реликвиях, перед всем королевством..., накануне возложения архиепископами и епископами на него короны». Пренебрегая своими обязанностями (они совпадают с теми, которые зафиксированы в ст. 17), он теряет имя «король» (и, видимо, должность), как произошло во Франции во времена Пипина Короткого²⁷.

В самом начале правления Якова I, обильно цитируя ст. 17 законов Эдуарда Исповедника и Генри Брактона, о границах королевской

власти в предельно лояльном первом Стюарту трактате писал Дж. Салтерн. У него цитата из Брактона выглядит как парафраз послания Элевтерия королю Луцию. Брактон, «основываясь на много раз упоминаемом и никогда не подлежащем забвению послании Элевтерия», говорит так: «Королю не должно быть под человеком, но должно быть под Богом и законом... которого, по подобию Иисуса Христа, он есть наместник (*Rex non debet esse sub homine, sed sub Deo et lege, ad similitudinem Jesu Christi cuius vices gerit*)», — отмечал Дж. Салтерн ²⁸.

К данному положению Брактона обращался Эд. Кок в полемике с самим Яковом I. В 1607 г. архиепископ Кентерберийский Ричард Банкрофт заявил, что любое дело, касающиеся религии и церкви, монарх может изъять из рук судей, которые являются всего лишь его уполномоченными, для самостоятельного решения. Это право за королем записано в Священном писании. На что главный судья Эдвард Кок, «с согласия всех судей Англии», отвечал, что у короля нет права разбирать ни уголовные, ни имущественные тяжбы. «По закону и обычаю Англии, любое дело должно разбираться и по нему должно выноситься решение в одном из судов... Судьи поведали королю, что ни один король после завоевания не присваивал себе право выносить решение по какому-либо делу». Тогда Яков I сказал: «Он полагает, что закон основывается на разуме, что он и прочие обладают разумом». Эд. Кок согласился с тем, что Бог наградил монарха «прекрасными знаниями и выдающимися природными талантами», но для того, чтобы решать вопросы «жизни, наследия, имущества и благополучия своих подданных» недостаточно «естественного разума, но требуется искушенный разум и знание права, которое приобретается длительным изучением и практикой, пока человек сможет добиться понимания его. Закон же есть золотой стандарт и мерило, дабы судить тяжбы подданных и защищать безопасность, его Величество и мир». Кок заключил: «Король был сильно уязвлен и сказал, что в таком случае, и он должен быть под законом, но такое утверждение является изменой. На что я ответил словами Брактона: “Король не должен подчиняться человеку, но Богу и закону”» ²⁹.

В начале революции ст. 17 законов Эдуарда обрела более радикальное и однозначное значение. Пуританин и юрист Уильям Прин (1600—669) в 1642 г., то есть в начале гражданской войны, напомнил, что король, будучи наместником Бога, должен «следовать примеру его, должен стараться быть королем мира и делать все возможное, чтобы обеспечить королевству и подданным всеобъемлющий мир и процветание и не начинать войну против них», что из письма Элевтерия Луцию вытекало, что королевство Британия, которое «было разделено, следовало собрать и свести воедино, привести к согласию, миру, вере, закону Христову... Имя король обретает от правления своего, но не от слова “королевство”. Ты будешь королем, пока ты правишь по-доброму, как только ты перестанешь править так, ты перестанешь называться “король” и утратишь имя короля». В дальнейшем его речь становилась более радикальной: «Если король против присяги и долга (*office*), без основательной причины начнет войну против парламента и королевства, они по закону, во имя сохранения мира в королевстве, могут взяться за оружие... Если король

беспричинно набросится на подданного с обнаженным мечом, дабы убить его, то подданный вправе остановить его ударом и защитить свою жизнь»³⁰.

1643 г. У. Принн счел нужным подробно изложить ст. 17 законов Эдуарда Исповедника. Он писал: «Как явствует из королевской присяги, суверенитет королевства и верховное право выше короля». Эта практика и присяга появились «задолго или по крайней мере во время короля Эдуарда Исповедника... Я читаю, как в законах короля Эдуарда Исповедника не только долг (office), но и присяга короля [которого он (Эдуард. — С.К.) и Брактон называют наместником Бога и Христа на земле] прекрасно описаны. Король должен быть выше всех, чтобы боялись Бога, любили и соблюдали его заповеди, и следить, чтобы блюли их по всему королевству. Он должен также устанавливать добрые, благотворные, восхваляемые законы и обычаи. А противоположные им отменять и искоренять. И также, по совету знатных, должен он вершить правосудие в своем королевстве. Все эти права принадлежат персоне короля, о чем он, перед коронацией архиепископами и епископами, присягает на Евангелиях и на святых мощах в присутствии всего королевства (как светской его части, так и духовной). Он должен уметь повелевать тремя слугами, как вассалами своими — телесным вождением, скаредностью и жадностью — и если он удержит их в положении слуг и рабов, то правление его в королевстве будет добрым и правильным. То, что изначально принадлежит королю, ему надлежит исполнять во всех делах, хорошо взвешивая и с предусмотрительностью, ибо излишняя спешка погребет все под руинами; в соответствии со словами Евангелия, всякое королевство, само себя разделившее, обезлюдит»³¹.

В 1649 г. Джон Мильтон использовал положения ст. 17 законов Эдуарда Исповедника для оправдания цареубийственного суда над Карлом I. Он настаивал на том, что король своей коронационной присягой жестким и формальным образом обязался соблюдать законы. Нарушая закон, государь превращается в тирана. В описании долга/должности (office) короля состоит главное значение коронационной присяги. «Если король может отказаться исполнять то, что парламент решил сделать законом, король ставит себя выше всего королевства». У Джона Мильтона уже не только право и Бог выше короля, но и право и парламент: «Древние книги, написанные Брактоном и другими, а также Флета, говорят нам — король находится под законом и стоит ниже парламента». Даже король Альфред, утверждает Мильтон, считал, что монарх, принося присягу, становится «подданным» закона. «Мы ясно видим, что все законы, как боговы, так и человеческие, созданы без исключения для каждого, кто бы им ни был, и если короли позволяют себе встать над правом, по которому, ради общего блага, они правят, их, по закону же, нужно уменьшить до нормы... Нет никаких оснований считать, что королевство более связано присягой, принесенной ему, чем он связан в отношении нас, принесенной своей королевской присягой, которую он всякий раз нарушает. А нарушая ее, говорит... коронационная присяга короля Альфреда, он не может укрыться от наказания»³².

Мильтон вернулся к этой мысли в 1651 г. в трактате «В защиту народа Англии», где он вновь пишет о том, что, делая что-либо, про-

тивное праву, король становится тираном, то есть преступником, подлежащим наказанию. Писатель обращается к примерам из истории бриттов, которые карали своих королей за совершенные преступления, и саксов, у которых эта практика исчезла, потому что их правители никогда не обладали «абсолютной, безграничной властью» и принимали решения по «совету мудрых». По мнению Мильтона, за этой формулой («совет мудрых») скрывался «парламент». Первые саксонские короли избирались и приносили присягу, «принимать решения согласно праву». Среди законов Эдуарда Исповедника, есть «один очень замечательный, повествующий о королевском долге/должности (office); должность эту, сказано в этом законе, если король не исполняет того, что должен, он также не сохраняет, как не сохраняет имя короля». Здесь Милтон «забывает» о Пипине Коротком и Карле, и пишет, что Хильперик III был смещен с трона «народом». «По закону порочный король подлежит наказанию..., если король не исполняет свой долг (duty)». И меч, используемый во время коронационной присяги, прямо означает «наказание смертной казнью. Этот закон, вместе с другими законами нашего доброго короля Эдуарда, Вильгельм Завоеватель подтвердил в четвертый год своего правления... со святой присягой. Таковую же присягу перед коронацией приносили все последующие короли». Далее Милтон воспроизводит Генри Брактона. В его изложении цитаты выглядят так: «Король перестает быть королем и исчезает право там, где начинает править его прихоть». «Король остается королем до того времени, пока он хорошо управляет, и превращается в тирана, когда притесняет народ, отданный ему на попечение», «королю надлежит пользоваться силой закона и права как слуге и наместнику Бога, несправедливая власть от дьявола, но не от Бога, когда король сворачивает в сторону от справедливости, он становится слугой дьявола». «Во истину закон короля Эдуарда (Исповедника. — С.К.) и фундаментальная максима права» гласят: «В праве не должно быть ничего, что противоречит законам Бога или разума, тиран не может называться королем, а слуга дьявола — слугой Бога. Из чего следует, что закон есть, прежде всего, истинное основание разума (right reason), если мы обязаны повиноваться королю и слуге Бога, то по тому же основанию и закону мы должны сопротивляться тирану и слуге дьявола». Ссылаясь вновь на Брактона и Флету, он подчеркивает, что «если король будет править произвольно, то есть не по закону», эрлы и бароны, «должны обуздывать его». Но право наказывать, карать короля, продолжает Милтон, принадлежит не пэрам, а общинам, ибо «их народ наделил властью и честью». Милтон подытоживает: «Из всего того, что я увидел у авторитетных авторов и в писанных законах, я считаю полностью доказанным, что общины по праву обладают властью судить короля, а осудив, предать смерти за злодеяния, которые от причинил церкви и государству»³³.

Коронационная присяга Карла I, которую он принес в феврале 1626 г., содержала упоминание законов Эдуарда Исповедника, которые, наряду с другими законами и обычаями предшественников, король обязался хранить³⁴, что в условиях гражданской войны парламентские публицисты и идеологи могли использовать в полемике с роялистами.

Кроме ст. 17, которая содержала базовые и все время воспроизводимые с существенно изменяемыми рецепционными смыслами характеристики королевской власти, накануне революции в деле о «корабельных деньгах» использовали ст. 11 законов Эдуарда Исповедника. Сбор корабельных денег королевская власть ввела в 1634 г., ссылаясь на средневековый прецедент, и распространила по всему королевству. Фактически «корабельные деньги» стали прямым налогом, собираемым без одобрения парламента. И хотя деньги шли исключительно на постройку кораблей, содержание флота и ремонт береговых укреплений, законность их взимания вызывала сомнения. Появились, причем высокородные, отказники. В 1637 г. суд разобрал дело богатого, но до этого ничем не примечательного дворянина Джона Гемпдена (1594—1643), демонстративно отказавшегося заплатить налог стоимостью в один фунт. Судя по материалам судебного дела, юристы общего права предшественниками «корабельных денег» считали «датские деньги» (danegeld), собираемые в X—XI веках. Ст. 11 законов Эдуарда Исповедника гласит, что датские деньги были установлены для борьбы с пиратами. Налог собирали, чтобы «нанимать» тех, кто готов «выступить» против пиратов. Юристы подчеркивали, что «датские деньги» можно было собирать, когда существовала угроза наземного вторжения с моря, и что они не предназначались для постройки кораблей. В суде даже звучали утверждения, что датские деньги вводила не королевская власть, а это был налог, принимаемый «по общему согласию парламента», что его отменил Эдуард Исповедник и вновь включил в законы Эдуарда Исповедника Вильгельм Завоеватель ³⁵.

Таким образом, совершенно очевидно, что правовое сознание англичан накануне и во время революции основывалось на нескольких базовых мифологемах. Англичане продолжали верить в древность и нерукотворность общего права и основных государственных институтов. По их мнению, законы короля Эдуарда Исповедника, ст. 17 которых описывала обязанности и пределы королевской власти, просто письменно обобщили и зафиксировали уже существовавшие практики. Эта традиция во времена древних бриттов и англосаксов могла краткосрочно искажаться, переставать действовать в случае нашествий и смут, но неизменно, как произошло при Эдуарде Исповеднике, восстанавливалась. Ст. 17 имела до революции долгую рецепционную жизнь. Благодаря ст. 17 и близким ей интерпретациям королевской власти, данных Генри Брактоном и во «Флете», возникло достаточно четкое представление о законной, божьей, и тиранической, дьявольской, власти короля и о проходящем между ними водоразделе. Именно к этим цитатам, идущим из глубокой, «запамятной» древности, а значит обладающими бесспорным, сакральным авторитетом, обращались оппоненты власти в предреволюционное и революционное время. В их глазах она превращалась во все более и более тираническую, незаконную, отдаляющуюся от предназначения и долга, разрушающую традиционные институты, права парламента и вольности подданных. Должность короля оставалась священной, иначе через двадцать лет она бы просто не смогла восстановиться, но носитель должности теперь мог быть ее лишен.

Примечания

1. Reading in English History Drawn from the Original Source. Boston. 1908, p. 487—489.
2. О рецепции идей континентальных тираноборцев и в частности французских монархомахов см.: Cambridge History of Political Thought. Cambridge. 1991, vol. II, p. 132—155, 159—253.
3. GREENBERG J. Radical Face of Ancient Constitution: St Edward's «Laws» in Early Modern Political Thought. Cambridge. 2001, p. 88—89.
4. ГАЛЬФИД МОНМУТСКИЙ. История бриттов. М. 1984, с. 6—19; GIRALDUS CAMBRENSIS. Interarium Kambriae, et Descriptio Kambriae. London. 1868, p. 178; PONTICI VIRUNNI TARVISINI. Historiae Britannicae. In: Galfredi Monumetensis. Historia Britonum. London. 1844, p. 5—8.
5. ГАЛЬФРИД МОНМУТСКИЙ. Ук. соч., с. 27.
6. FORTESCUE J. Praise of the Laws of England. In: FORTESCUE J. On the Laws and Governance of England. Cambridge. 1997, p. 26.
7. COKE E. Reports. London. 1777, vol. II, pt. 3, p. VIII—XIV, XVIII.
8. DODDERIDGE J. Of the Antiquity, Power, Order, State, Manner, Persons and Proceedings of the High Court of Parliament in England. In: A collection of Curious Discourses Written of Eminent Antiquaries upon Several Heads in our English Antiquities. London. 1771, p. 283.
9. SALTERN G. Of the Antient Lawes of Great Britane. London. 1605, p. G3. K3.
10. Commons Debates 1628. New Haven. 1977, vol. II, p. 333.
11. БЕДА ДОСТОПОЧТЕННЫЙ. Церковная история народа англоу. СПб. 2001, кн. I.VIII, с. 8, кн. I.IV, с. 13, кн. 5.XXIV, с. 190; ГАЛЬФРИД МОНМУТСКИЙ. Ук. соч., с. 48—49; Pontici Virunni Tarvisini. Historiae Britannicae, p. 39—40; LAMBARDE W. Archaionomia, siue de priscis anglorum legibus libri. Londini. 1644, p. 142—143; SALTERN G. Of the Antient Lawes of Great Britane. London. 1605, B2.
12. POLYDOR VERGIL. Anglica Historia (1555 version). Liber I. 19. <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/1lat.html#19, #28>; GREENBERG J. Op. cit., p. 90; ГОРЕЛОВ М.М. Исторические переломы прошлого в английской историографии раннего Нового времени: Полидор Вергилий. — Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М. 2012, № 41, с. 242—243.
13. MACINNES A. British Revolution, 1629—1660. Hundmills. 2005, p. 19—21.
14. Annals of Roger de Hoveden. London. 1853, vol. I, p. 558.
15. FOX J. Acts and Monuments of Christian Church. London. 1837, vol. II, p. 89.
16. GREENBERG J. Op. cit., p. 56—57.
17. LAMBARDE W. Op. cit., p. 137.
18. Ibid., p. 138.
19. SALTERN J. Op. cit., p. K2.
20. LAMBARDE W. Op. cit., p. 142.
21. Ibid., p. 142—143.
22. ПЕТРУШЕВСКИЙ Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. М. 1937, с. 77, 86.
23. BRACON H. De Legibus et Consuetudinibus Angliae. Cambridge (MA). 1968, p. 305—306.
24. Fleta, seu commentarius juris Anglicani. Londini. 1685, lib. I, cap 17:2, 7, 8.
25. FORTESCUE J. Praise of the Laws of England. In: FORTESCUE J. On the Laws and Governance of England. Cambridge. 1997, p. 21—22.
26. Ibid., p. 85.
27. FOX J. Op. cit., p. 89—90.
28. SALTERN J. Op. cit., p. B2 — B3, D1 — D2, M.
29. Select Writing of Sir Edward Coke. Indianapolis. 2003, p. 479—481.
30. PRYNNE W. A Soveraig Antidote to prevent, and appease, and determine our unnatural and destructive Civill Warres and Dissentions. London. 1642, p. 4—7.
31. EJUSD. The Sovereigne Power of Parliaments and Kingdomes. London. 1643, p. 51.
32. MILTON J. Prose Works of John Milton. Philadelphia. 1847, vol. I, p. 518—520, 595—596.
33. Ibid., vol. II, p. 100—104.
34. Manner of Coronation of King Charles the First of England. London. 1892, p. 18—24.
35. A Complete Collection of State Trials and Proceedings for High Treason and other Crimes and Misdemeanors. London. 1816, vol. III, col. 981, 1001—1002, 1091—1094.

Туареги

Н.П. Подгорнова

Аннотация. В статье излагается история происхождения туарегов и их жизни в Северо-Западной Африке в течение многих столетий. Особое внимание автор уделяет своеобразию обычаев и нравов этих «вольных» жителей африканской пустыни, их отличию от жителей Африканского континента и непростому характеру их взаимоотношений. Особенно обострились отношения туарегов с соседями после осознания ими острой необходимости обретения собственного государства с тем, чтобы перейти от кочевого к оседлому образу жизни. Единственным путем достижения этой цели стало для них вмешательство в территориальные и иные вооруженные конфликты в Северо-Западной Африке, охватившие эту часть континента в период с начала 1970-х гг. и сохраняющиеся там до сего времени.

Ключевые слова: народ туареги, Северо-Западная Африка, история, культура, традиции, региональные конфликты, государство Азавад, экстремизм, терроризм.

Abstract. The article describes the history of the origin of the Tuaregs and their life in the North-West Africa within many centuries. The author pays special attention to the originality of the manners and customs of these «free» residents of the African desert, their differences from the indigenous of the African continent and the delicate nature of their relationship. Relations of the Tuaregs with its neighbors particularly acute when they realized the urgent need to find their own state in order to move from a nomadic to a settled way of life. The only way to achieve this goal was for them to intervene in territorial and other armed conflicts in the North-West Africa, that gripped this part of the continent since the early 1970s, and remaining there until now.

Key words: people tyaregs, Northwest Africa, history, culture, traditions, regional conflicts, state of Azawad, extremism, terrorism.

Изначально за туарегами закрепилось определение «свободные», точнее, «вольные люди», чего не скажешь об их происхождении. На этот счет имеется ряд гипотез. Согласно одной из легенд, туареги являются потомками выходцев из Атлантиды — материка, состоявшего из нескольких плодородных и многонаселенных островов ¹. Когда они погибли один за другим (более 12 тыс. лет до нашей эры), атланты,

---

Подгорнова Наталия Петровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: ntlpgl@mail.ru.

Podgornova Nataliya P. — candidate of historical sciences, senior researcher of Institute of Africa PAS, E-mail: ntlpgl@mail.ru.

которым удалось избежать катастрофы, высадились: кто — на Европейском континенте, где в то время уже находилось много их соотечественников; кто — на Африканском. Это были в основном купцы, торговцы и сопровождавшие их люди, передвигавшиеся на белых верблюдах, лошадях, в боевых колесницах, вооруженные длинными железными копьями, мечами с прямым клинком, кинжалами, которые они носили в ножнах в левом рукаве, дротиками, луками со стрелами, большими прямоугольными щитами, изготовленными из шкур антилоп или верблюдов; в транспортных и грузовых колесницах, груженных товарами, скарбом, палатками для ночлега и пр. ² С ними были женщины-амазонки, которые направились на восток и северо-восток (ныне — это территория России), где до сего времени проживают их потомки.

«Европейские» атланты в поисках пристанища направились на своих колесницах по южным районам Испании, Франции, Италии на восток, в сторону Западной и Юго-Западной Азии (пролива Босфор, Средиземного и Черного морей и стран, расположенных на их побережье). Добравшись до Ближнего Востока, они на какое-то время осели на Аравийском полуострове, где занимались земледелием и животноводством. Поскольку эти атланты говорили на каком-то непонятном местным жителям, «варварском», на их взгляд, языке (от греческого *barbaroi*; латинского — *barbari*), они стали называть их берберами, чьим родным языком, однако, был тамазигхт.

В 630 г. началось завоевание Ближнего Востока арабами шумерского происхождения. Будучи ортодоксальными мусульманами-суннитами, они стали насильственно арабизировать и исламизировать местное население. «Европейские» атланты частично поддались исламизации и арабизации, но, оказавшись не в состоянии противостоять все более мощному напору многочисленных арабских племен, через современные территории Сирии, Йемена, Эфиопии перебрались в Северную Африку. Там местным населением они воспринимались как потомки римлян и этрусков, перенявшие якобы у них навыки верховой езды, использование колесниц и виды оружия. Затем на своих верблюдах и лошадях, запряженных в колесницы, «европейские» атланты направились далее, на запад, к Атлантическому побережью и Канарским островам. По дороге одни из них осели на территории современного Египта (где их называли гиксосами), другие — на территории современной Ливии (где они были известны как гараманты) ³.

«Африканские» атланты высадились на крайнем северо-западе континента. По территории современного Марокко одни направились на юг, постепенно оставаясь, кто на равнине Тафилалет (юго-восток Марокко), кто в области Адрар (центр Мавритании). Другие — на восток и юго-восток, оседая по дороге, кто на юго-западе Ливии (провинция Феццан, или Феззан), кто на нагорье Тибисти (на северо-западе Чада), кто на плато Тассили-Аджер и в нагорье Ахаггар (юго-восток Алжира), кто на плато Аир (на северо-западе Нигера), разделившись, таким образом, на две большие группы: восточную и более многочисленную западную. Границы между занятыми «африканскими» атлантами территориями точно определены не были. Но одна группа от другой отличалась по цвету палаток: у восточных атлантов они были полосатыми (белыми, желтыми и коричневыми), у западных — черными и красными ⁴.

В памяти потомков представители «африканских» атлантов сохранились как туареги (высокие ростом, худощавые, светлокожие блондины с голубыми глазами и волнистыми волосами), а женщины — как амазонки. Согласно легенде, «матерью-прародительницей» всех туарегов была Тин Хинан. Верхом на белом верблюде в сопровождении служанки Такамат она с территории современного Марокко добралась до нагорья Ахаггар, где была признана великой царицей туарегов. Считается, что от нее произошла главная группа туарегов, а от Такамат — подчиненные им вассальные племена. Авторитет и влияние Тин Хинан чрезвычайно велики. Ее гробница является местом поклонения туарегов, которые до сего времени почитают Тин Хинан, называя ее своей «матушкой»⁵.

Это объясняется тем, что в племенах туарегов сохраняются традиции матриархата, определяющие происхождение и родство по женской линии. Женщины туарегов не закрывают лицо, пользуются равными правами, авторитетом и влиянием среди мужчин туарегов, руководят общественной и хозяйственной жизнью племен. Вместе с мужьями участвуют в племенных собраниях и советах, высказывают свое мнение по вопросам, касающимся их семей и всего племени. Более того, мужчины прислушиваются к их мнению. Нередки случаи, когда женщины прекращали споры и ссоры, становясь между противниками-мужчинами, готовыми схватиться за оружие.

Привилегированное положение, занимаемое женщиной, ее непринужденность в общении с мужчинами, полная свобода и независимость (какими располагает не каждая европейская женщина), особенно до замужества, воспринимаются мужчинами туарегами как общепринятые нормы поведения. Они не ставят себя выше женщин. Напротив, относятся к ним с глубоким уважением и почтением. Это выглядит полной противоположностью характеру взаимоотношений мужчин и женщин не только в исламском мире, но и в современных, казалось бы, «цивилизованных» и даже «демократических» государствах.

У молодежи в туарегском сообществе приняты вечеринки или посиделки, на которые почти ежедневно (в любом шатре лагеря, но вдалеке от палаток родителей и пожилых людей) собираются девушки и юноши, которые, почитая старших, не хотят стеснять себя в общении со сверстниками. За порядком и соблюдением приличий следит старшая сестра хозяйки вечеринки. Чтобы понравиться молодым людям, девушки приходят нарядно одетыми, с множеством украшений (за исключением золотых, которые, по мнению туарегов, развращают душу человека и потому приносят несчастье), откровенно кокетничают с понравившимися им юношами.

Молодые люди также приходят или приезжают (иногда из отдаленных поселений туарегов, находящихся порой за сотни километров) на такие вечеринки одетыми в лучшие наряды, украшенными вышитыми поясами, шеголяя красивым оружием, отделанным инкрустацией и чеканкой. Одежда, обувь, оружие и даже талисман, который они носят на шее, имеют форму креста, напоминающего христианский символ⁶. Каждый из юношей старается привлечь внимание понравившейся ему девушки, поразить ее воображение своим внешним видом, восторженными взглядами, стихотворением или сере-

надой, посвящаемыми предмету своего увлечения. Особенно показать себя с наилучшей стороны на такой вечеринке старается подросток, приглашение которого на нее свидетельствует о всеобщем признании его молодым человеком. Своим поведением он готов подтвердить, что достоин такой чести.

Молодые люди беседуют, шутят, иногда подтрунивают друг над другом, но, как правило, безобидно. Девушки поют, играют на однострунной скрипке (амзаде), декламируют сочиненные ими стихи и любовные поэмы. По завершении встречи женщины покидают шатер, обычно в сопровождении понравившихся им юношей, следующих за ними подальше от посторонних глаз.

Все это вполне допустимо в туарегском сообществе, где девушка ни перед кем, в том числе родителями, не обязана отчитываться в своем поведении. Более того, она имеет право по собственному желанию выбрать себе спутника жизни, встречаться с ним до свадьбы. Если допустить, что туареги — истинные мусульмане-сунниты, то соблюдение строгих догм Корана трактуется ими достаточно вольно.

Свадьба продолжается неделю. На восьмой день ставится новая палатка или шатер для молодоженов. Духовный наставник совершает обряд бракосочетания. Одна из старейших женщин племени изгоняет из будущей супруги злых духов, чтобы они не помешали брачному союзу.

После этого будущая супруга входит в палатку к мужу (который, согласно традиции, остается в семье жены в течение года). Однако и после этого веселье, песни и танцы под звуки флейт и барабанов продолжают еще много дней.

Мужчины туареги женятся лишь однажды. А потому окружают жену особым вниманием, любовью, заботой. Вместе с тем, неверную жену супруг может покарать и даже убить. Однако и жена имеет право развестись с ним по собственному желанию, вопреки воле и желанию мужа, объявив соплеменникам о желании освободиться от брачных уз. Достаточно серьезной причиной для развода считается несовпадение характеров супругов. Другими причинами могут служить плохое обращение мужа с женой, пренебрежение им своими супружескими обязанностями, недостойное поведение или неуплата приданого. Через три месяца, отпущенного Кораном разведенной женщине, она может вновь отправиться на молодежную вечеринку и при желании найти нового спутника жизни.

Особым почетом и уважением пользуются замужняя женщина и тем более женщина-мать, на которой лежит обязанность воспитывать детей, как девочек, так и мальчиков, поскольку туарегские женщины образованней туарегских мужчин. Почти все они читают и пишут на языке тифинаг, имеющем собственный алфавит, являются хранительницами этого языка, которым пользуются только туареги, не позволяя ему превратиться в мертвый язык. Мужчины туареги говорят и пишут по-арабски, а те, кто знает берберский язык, на письме передают его арабскими буквами.

Девочки в туарегском сообществе пользуются всеми преимуществами, которые в мусульманских странах предоставляются только мальчикам. Матери учат дочерей читать и писать на тифинаг; обучают Корану и молитвам; стихам и декламации, игре на амзаде. Пере-

дают им множество практически навыков, прежде всего, в кулинарии (знакомство с растительным миром Сахары с целью распознавания съедобных растений среди ядовитых); шитье, прядении, выделке кожи; умении разбить палатку и др. Когда дочь достигает совершеннолетия, отец устраивает в ее честь праздник и дарит одежду, полагающуюся молодой девушке.

В целом в туарегской семье господствуют личная свобода всех и каждого ее члена, взаимное уважение, что присуще, скорее, европейской, нежели мусульманской семье.

Объединения туарегов представляют собой конфедерации, живущие обособленно, изолированно друг от друга и местных племен. На верхней ступени иерархической лестницы традиционного туарегского сообщества находятся племена воинов — свободные представители знати или благородные туареги (владеющие стадами верблюдов), а также блюстители веры (духовные наставники). Господствующему племени воинов подчиняется и обслуживает его несвободное, вассальное население, рабы и ремесленники (кузнецы).

Конфедерацию возглавляет вождь, избирающийся из представителей племени воинов на основе личных качеств и происхождения по линии матери. Мать вождя племени воинов располагает особым авторитетом и властью, может влиять на принятие того или иного решения в зависимости от того, согласна она с ним или нет.

Сообщества туарегских амазонок держатся обособленно от племен туарегов. В случаях появления чужаков, применяя оружие и используя навыки боевых искусств, незнакомые местным племенам, они оказывают им яростное сопротивление, обращая в бегство. Весной (с марта по май) амазонки приходят в туарегские племена, встречаются с мужчинами, а затем возвращаются к соплеменницам. Через год они отдают в эти туарегские племена родившихся у них мальчиков, а девочек оставляют себе. Три периодами (по 6—7 лет) обучают их своему мастерству, готовя, таким образом, к взрослой жизни женщин амазонок.

Облюбовав в Северо-Западной Африке понравившиеся им равнины и плоскогорья, племена туарегов расселились там, обустроились и наладили быт. Они занялись разведением верблюдов, лошадей, быков, овец, коз, используя свои колесницы не только для перевозки людей, но и для сельскохозяйственных работ, запрягая в них лошадей и быков. Со временем туареги стали пользоваться лошадьми только для верховой езды.

Поскольку «благородные» туареги считали унижительным для себя заниматься тяжелым физическим трудом, они, пользуясь преимуществом в вооружении, располагая более совершенной боевой техникой и военной организацией, чем коренное население, подчинили их себе, превратив в рабов и ассимилировав со своим вассальным населением. Именно зависимое податное население туарегов вело за них домашнее хозяйство и оазисное земледелие, обеспечивая частью произведенной им сельскохозяйственной продукции взамен кровительства. Сами же туареги всем занятиям предпочитали войны против соседних, даже туарегских племен, и грабежи с целью наживы и захвата рабов, подчинения себе и последующего взимания пошлин с земледельцев.

В то время (6 —7 тыс. лет до н.э.) климат в Северо-Западной Африке был теплым, влажным и вполне благоприятным для жизни человека. Территория представляла собой саванну, покрытую густой растительностью. По ее просторам бродили многочисленные животные. В реках, озерах и водоемах, образовывавшихся благодаря обильным дождям, водилась рыба. На плато и нагорьях росли кипарисы, оливковые и фисташковые деревья. Коренное население Северо-Западной Африки занималось охотой на диких животных, рыболовством, собирательством.

Постепенно климат начал меняться, становясь засушливым (IV тысячелетие до н.э.) Дикие животные стали уходить в районы Центральной Африки. В этих условиях местные племена занялись скотоводством и земледелием. Во II тысячелетии до н.э. Сахара стала превращаться в пустыню. Благодаря имевшимся у туарегов верблюдам, они наладили в Северо-Западной Африке караванную торговлю, за что местные жители прозвали их «странниками пустыни». Торговые пути пролегали между р. Нигер и побережьем Средиземного моря, где находился Гарам — крупный перевалочный пункт в центральной части провинции Феццан ⁷. Оттуда на юг караваны верблюдов везли оружие, порох; ножи и ножницы, бумагу, иголки, зеркала, ткани (в основном европейского производства) и готовую одежду (бурнусы, кафтаны, платья, пояса, головные уборы); ковры, духи, полудрагоценные камни (янтарь, жемчуг, кораллы, сердолик); пряности (преимущественно гвоздику); сахар, чай, кофе; посуду (чайники, чашки); табак и табакерки.

В Тауденни (расположенном на крайнем севере нынешней Республики Мали) караваны нагружались высоко ценившейся в регионе каменной солью. Дальше их путь лежал в Томбукту — конечный пункт караванной торговли, где находились склады для хранения товаров. Большие караваны со всем этим грузом прибывали туда в декабре-январе и июле-августе, как правило, на 600—1000 верблюдах в сопровождении 300—500 купцов и погонщиков. Мелкие караваны (60—100 верблюдов) приходили еженедельно в любое время года.

Однако основное значение Томбукту состояло в том, что он находился на пересечении караванных путей, по которым товары перенаправлялись на север, северо-запад и северо-восток, и являлся связующим звеном в Северо-Западной Африке между Марокко (Тиндуф, Могадор, Марракеш, Фес, Тафилалет), Алжиром (Туат), Тунисом и Ливией (Гадамес) и Нигером (Агадес) ⁸.

Первыми выгодное географическое и стратегическое положение Томбукту оценили туареги. Собственно, именно они и основали его в 1100 г. недалеко от колодца, к которому в то время купцы приводили на водопой верблюдов. Туареги охраняли караваны, проходившие мимо их поселений, взимали поборы за покровительство и проезд по «их территории», осуществляли набеги на караваны, отказывавшиеся от предлагавшихся им услуг.

Позднее очевидные преимущества Томбукту оценили и другие племена, которые с переменным успехом вели вековую борьбу за него. Наибольшую активность проявляли все те же туареги, отвоевывавшие город и вооруженным путем боровшиеся за него в 1433—1591, 1780—1826, 1863—1893, 1916—1917, 1962—1964, 1990—1995, 2007—2009 годах ⁹.

В I тыс. до н.э. с севера Африканского континента в поисках новых пастбищ для скота пришли берберские племена кочевников конфедерации санхаджа. Оценив благоприятные природно-климатические условия, существовавшие в то время в Северо-Западной Африке, берберы стали осваивать эту территорию, оттесняя негроидов из традиционных мест их оседлости к югу, в долину реки Сенегал, облагая местных земледельцев данью, а сопротивлявшихся обращая в рабство. Однако с туарегами, отличавшимися враждебным и даже агрессивным поведением в отношении чужаков, берберы старались не сталкиваться во избежание неприятностей.

С приходом арабов в Северо-Западную Африку (конец VII в.) туареги оказали яростное сопротивление и им. В XI в. его организовала и возглавила легендарная правительница туарегов амазонка Кахина, погибшая в бою. Не менее ожесточенное сопротивление туареги оказали и французским колонизаторам, которым удалось окончательно подчинить их себе только в Нигере, да и то лишь к 1923 году. В других, ставших традиционными местами обитания туарегов, они предпочитали даже уходить оттуда в другие районы Африки, лишь бы не подчиняться завоевателям. Так, например, туареги, ареалом обитания которых была область Адрар в центре Мавритании, ушли сначала на крайний юго-восток страны (область Ход-эш-Шарки), а затем — в Азавад, географическую область на северо-западе Мали, где в 1916—1917 гг. восставали против иноземцев.

Большой проблемой для туарегов в период французского колониального господства в Центральной Африке, в районе Сахеля, стало то, что они лишились возможности господствовать над негро-африканскими оседлыми земледельцами. Seriously ухудшила положение туарегов, как, впрочем, и представителей других племен региона, жесточайшая многолетняя засуха, начавшаяся в середине 1960-х гг. и приведшая к резкому ухудшению социально-экономического положения всего населения Северо-Западной Африки (особенно центральных ее районов), поставив его буквально на грань выживания.

Однако основная проблема большинства оседлых туарегов состояла в том, что они веками жили в регионе замкнуто, внутри своих сообществ, изолированно от других племен, долгое время не ведая, что за пределами этих сообществ, в обширной пустынной местности территории Северо-Западной Африки давно образовались самостоятельные и независимые государства, а сами они, ничего не зная и даже не подозревая о серьезных изменениях, произошедших в мире и в жизни местного населения, оказались как бы на обочине истории, практически вне времени и пространства.

Осознав однажды, что их свобода отныне ограничена государственными границами тех стран, на территории которых оказались их стоянки, и в случае обострения отношений с местными властями им вряд ли удастся противостоять их вооруженным формированиям своими мечами, копьями, луками и стрелами или, как в прошлом, уйти в другие районы Африки, чтобы там найти удобные места для поселения, они посчитали, что лучше всего в нынешних условиях было бы, частично поступившись свободой, обзавестись собственной территорией, признаваемой таковой окружающими их странами и народами.

Подсказкой такого решения проблемы туарегов послужил возникший в начале 1970-х гг. конфликт из-за территории Западной Сахары — колониального владения Испании. Претендентами на нее выступили Марокко и Мавритания, имевшие определенные юридические права на эту территорию, подкрепленные историческими документами. Однако руководители созданного внешними силами Народного фронта за освобождение Сагиет Эль-Хамра и Рио-де-Оро (провинции территории), более известного как Фронт ПОЛИСАРИО, выступили с требованием предоставить «сахарскому народу» право на самоопределение и независимость западносахарской территории. Это требование поддержала ООН.

Туареги Тасилли-Аджера и Ахаггара довольно быстро сориентировались, присоединившись к требованию Фронта ПОЛИСАРИО и стоявшего за ним Алжира, поскольку все спорные вопросы они привыкли решать только силой оружия. В результате проблема Западной Сахары официально до сего времени не решена, хотя конфликт фактически давно уже урегулирован, поскольку спорная территория получила широкую автономию в рамках Королевства Марокко, и такое решение сахарского вопроса одобрено местным населением.

Несмотря на то, что попытка «сахарского народа» вооруженным путем захватить территорию Западной Сахары, не увенчалась успехом, идея обретения какой-либо территории в регионе с целью представления ее мировому сообществу в качестве собственного государства глубоко укоренилась в умах «благородных» туарегов. Поэтому события 2011 г. в Ливии, когда в стране началась, по сути, гражданская война, стали для них поводом для вмешательства в развитие событий в этой стране. Туареги Феццана поддержали в разгоревшемся конфликте лидера «ливийской революции», рассчитывая на создание в случае успеха «Туарегской Джамахирии» в богатых нефтью районах¹⁰. Но и эта попытка провалилась.

Объединившиеся с туарегами Аира (которые до этого в течение двух лет вместе с исламистами вели активные боевые действия против правительственных войск Нигера) и Азавада, туареги Феццана, двигаясь исторически сложившимися в регионе караванными путями Гадамес (Ливия) — Агадес (Алжир) — Томбукту (Мали), направились на юго-запад Северного Мали. Воспользовавшись начавшимся в январе 2012 г. вооруженным мятежом военных в этой стране и последовавшим за ним государственным переворотом (21—22 марта 2012 г.) для захвата области Азавад, которую воспринимали как государство Азавад со столицей г. Томбукту, существовавшее якобы в историческом прошлом, 6 апреля 2012 г. провозгласили ее своим независимым государством и выдвинули притязания на соседнюю пустынную территорию Мали, расположенную к северу от р. Нигер, которую предки нынешних туарегов контролировали в 1433—1591, 1780—1826 и 1863—1893 годах¹¹.

Площадь самопровозглашенного туарегами «государства Азавад» составила 892,5 тыс. кв. км — более 70% общей площади Мали¹², численность населения (туарегов) — 1,44 млн чел. (около 9% общей численности всего населения Мали). Численность жителей г. Томбукту (2012 г.) составила 35 339 человек¹³.

В апреле 2012 г. туареги-исламисты, представленные вооруженными группировками «Ансар ад-Дин» («Защитники веры»), «Аль-

Каида в исламском Магрибе» (АКИМ) и «Движение за единство и джихад в Западной Африке» (ДЕДЗА), развернули вооруженную борьбу против туарегов-сепаратистов за главенство в государстве Азавад. Хотя, по заявлению одного из лидеров «Ансар ад-Дин», целью туарегов-исламистов являлось не отделение Азавада, а создание шариатского государства на всей территории Мали, а, возможно, также в Алжире, Нигере и Мавритании. К середине 2012 г. исламистам удалось установить контроль над территорией Азавада, провозгласить создание своего эмирата, ввести на захваченных территориях законы шариата и приступить к уничтожению исторических памятников старины и древних святынь в Томбукту.

Смысл борьбы туарегов за обретение собственного государства можно понять. Но, если задуматься, кто такие эти туареги? «Благородные рыцари», «повелители пустыни»? «Отважные, аскетичные, прямодушные, верные»? Или «свирепые кочевые грабители», «пираты пустыни», «живущие лишь за счет чужого добра», «дикари вне закона божеского и человеческого»? ¹⁴ «Мужественная раса, обладающая особой энергией и способностью противостоять любым испытаниям»? «Яростные» и «отважные воины» в бою, вид которых не внушает доверия, или люди, «которые не держат данное слово» и «являются собой образ свирепого предателя», чьими характерными чертами являются «недобросовестность» и «жадность»? Люди, которые, если и вызывают уважение, то это — «уважение, смешанное со страхом»?

Туареги — не типичные жители Сахары, представленные берберами, арабами и маврами. Их нравы и обычаи самобытны и противоречивы, а образ жизни пронизан «исключительностью». Отсюда — настороженное отношение к ним со стороны. Особенно, исходя из их ярко выраженного желания «жить там, где они хотят; так, как они хотят; делать то, что они хотят, и так, как хотят это делать они» ¹⁵.

В современном, «цивилизованном» обществе такое желание выглядит не столько оригинальным, сколько неадекватным, и вызывает естественную реакцию отторжения. Кто выиграет, кто проиграет в этой битве интересов, предугадать трудно.

Так или иначе, но на момент провозглашения географической области Азавад независимым государством туареги, представленные «Национальным движением за освобождение Азавада», были заинтересованы в обретении лишь этой территории. Проблема, однако, состояла в том, что все туареги Северо-Западной Африки (Алжира, Буркина-Фасо, Ливии, Мали, Нигера, численность которых на начало октября 2013 г. составляла, по разным оценкам, от 5,2 до 5,5 млн чел.) вряд ли могли здесь свободно разместиться и вольготно жить. Попытки же захватить часть территорий соседних Мали, Мавритании, Алжира, Ливии, Буркина-Фасо, Нигера наверняка вылились бы в вооруженные противостояния.

Реальнее было бы предположить, что туареги Феццана по мере восстановления сил и пополнения запасов оружия отправятся в Ливию — свою историческую родину на континенте. Нельзя исключать вероятность того, что они могли бы попытаться захватить более просторную территорию по сравнению с той, которую занимали до событий 2011 года. Туареги Ахаггара и Тассили-Адждера, скорее всего, вернулись бы в Алжир, туареги Аира — в Нигер — традиционные места

многовекового обитания. Кто-то, возможно, захотел бы остаться в Мали. Как могло бы отреагировать на такие действия туарегов мировое сообщество, догадаться нетрудно. Направило бы международный воинский контингент для борьбы с ними. Туареги наверняка объединились бы с исламистами всех мастей, находящимися в Северо-Западной Африке, которые и без того уже давно внушали страх мировому сообществу и представителям международной общественности.

Вместе с тем, туареги пришли в Северо-Западную Африку и поселились там за много тысячелетий до появления в этих местах берберов и арабов. При этом они не мешали им селиться и жить на свободных, незанятых территориях. Единственным их условием было требование не мешать жить им самим.

Туареги никогда ни у кого ничего не просили, будучи независимыми, самостоятельными, самодостаточными, вели скромный образ жизни, оставаясь неприхотливыми в быту. Почему бы не сохранить и не гарантировать им такое привычное существование в дальнейшем? Туареги — граждане тех стран, на территориях которых они оказались, а до них находились их предки. В том числе на территории Азавада.

Примечания

1. Энциклопедический словарь. Т. 1. М. 1953, с. 114.
2. ГАУДИО А. Цивилизации Сахары. Десять тысячелетий истории, культуры и торговли. М. 1977, с. 44.
3. Там же, с. 33—34.
4. Там же, с. 42.
5. Берберская антология. Культурная антропология и образцы фольклора туарегов. М. 2012, с. 112—165.
6. ГАУДИО А. Ук. соч., с. 46; Берберская антология, с. 138.
7. Там же, с. 212—214.
8. Там же, с. 211—212.
9. Там же, с. 211; GAUDIO A. Le Mali. Paris. 1988, p. 85—90.
10. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmod=inject&url=http://ohranka...>
11. ГАУДИО А. Ук. соч., с. 211.
12. Подсчитано по: Энциклопедия стран мира. М. 2004, с. 170, 878.
13. Подсчитано по: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmod=inject&url=http://ru...>
14. Берберская антология, с. 172—176.
15. <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmod=inject&url=http://voprosik.n...>

И.И. Шувалов и Манифест о вольности дворянства 1762 г.

М.А. Киселёв

Аннотация. Статья посвящена истории одного из ключевых документов в судьбе российского дворянства — Манифеста о вольности дворянства служить и не служить 1762 г. На основании новых архивных находок показывается отношение к нему высших сановников, а также роль, которую сыграл Иван Иванович Шувалов в создании этого документа.

Ключевые слова: И.И. Шувалов, Пётр III, российское дворянство, история Российской империи.

Abstract. The article is devoted to the history of one of the key documents in the destiny of Russian nobility — Manifesto on the freedom of the nobility to serve and not to serve of 1762. It is shown the attitude of high officials, as well as the role played by Ivan Shuvalov in the creation of this document on the basis of new archival sources.

Key words: I.I. Shuvalov, Peter III, Russian nobility, history of the Russian Empire.

В 1867 г. П.И. Бартеневым на страницах «Русского архива» был опубликован ряд бумаг И.И. Шувалова (1727—1797), касавшихся внутренней и внешней политики России 1750—1760-х гг. XVIII века¹. Помимо прочего, среди этих документов под номером III помещалась собственноручная записка Шувалова, посвященная дворянской службе. В этом документе автор высказывался против позволения дворянам свободно выходить в отставку. Таким образом, в руках у историков оказался интересный источник по истории освобождения дворянства от обязательной службы в XVIII веке.

Сам документ не датирован, а его адресат не указан. О том, когда и при каких обстоятельствах записка создавалась, можно судить только по содержащимся в ней сведениям. Прежде всего, это было замечание, что «при нынешнем ея императорского величества великом о дворянстве попечении» могли пойти «в отставку многие дворя-

---

Киселёв Михаил Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории эдиционной археологии Уральского федерального Университета. Екатеринбург. E-mail: m.a.kiselev@urfu.ru.

Kiselev Mikhail A. — candidate of historical Sciences, researcher at editorial Archeography laboratory at Ural Federal University. Ekaterinburg. E-mail: m.a.kiselev@urfu.ru.

не». Во-первых, здесь содержалось указание на пол монарха. Принимая во внимание даты жизни Шувалова, это могла быть либо Елизавета Петровна, либо Екатерина II. Во-вторых, это говорит о некоем решении монарха, даровавшем дворянам возможность свободно выходить в отставку. Кроме того, в документе содержалось указание на «нынешнюю войну» и упоминалось «представление в Правительствующий Сенат» о школах и гимназиях, поданное Шуваловым ².

С.В. Польской в статье 2000 г., задавшись целью датировать эту шуваловскую записку, пришел к выводу, что документ следует отнести ко времени «Семилетней войны (1757—1762), более точная атрибуция проблематична». Он предположил, что на создание этой записки «повлияла постановка вопроса об отмене обязательной дворянской службы в Уложенной Комиссии, инициатором которой был Р.И. Воронцов. Протест против немедленной отмены обязательной службы очевиден в данном проекте Шувалова... Проект может быть отнесен к концу 1760 — началу 1761 года» ³. Далее, в статье 2010 г. историк, рассматривая проблему создания Манифеста о вольности дворянства служить и не служить от 18 февраля 1762 г. (далее — Манифест), выдвинул следующую идею: «Мы предполагаем, что основой Манифеста 18 февраля 1762 г... был не сохранившийся отдельный проект, составленный Воронцовым в связи с работой Уложенной комиссии и получивший известность в узких правительственных кругах уже в 1761 году». Польской признавал, что «данная гипотеза основана на косвенных свидетельствах». Фактически единственным таким косвенным свидетельством являлась данная недатированная записка Шувалова, которая, по словам Польского, и была «направлена против некоего проекта упразднения обязательной службы дворянства» ⁴.

Соответственно, если принять датировку записки, предложенную Польским, можно сделать вывод, что идея освободить дворянство от обязательной службы появилась еще при Елизавете Петровне. Более того, будет логичным прийти к следующему умозаключению: решение даровать вольность дворянству было принято самой Елизаветой Петровной, так как Шувалов указывал, что дворяне пойдут в отставку из-за «нынешнего ... попечения» монарха.

В статье 2014 г. мною было показано, что в материалах Уложенной комиссии нет ни малейшего намека, что в ней до выступления Петра III в Сенате 17 января 1762 г. обсуждалась проблема освобождения дворян от обязательной службы. Рассмотрев свидетельства источников, я пришел к выводу, что автором идеи освобождения дворянства от обязательной службы был сам Петр III, а не кто-то из его окружения. В связи с этим мною были высказаны некоторые сомнения относительно датировки шуваловской записки, предложенной Польским. Так, «великое о дворянстве попечение» со стороны императрицы, из-за которого могли пойти «в отставку многие дворяне» ⁵, могло быть отсылкой к Жалованной грамоте дворянству 1785 года. Именно этим актом «благородным, находящимся в службе», разрешалось «службу продолжать и от службы просить увольнения по сделанным на то правилам» (п. 18) ⁶. Таким образом, предложение Шувалова о том, что «*надобно теперь учредить, чтоб без крайней нужды никто из службы не ходил, предписав записавшимся в службу не-*

сколько лет выслужить, а впред ободрить»⁷, можно было бы отнести к временам русско-турецкой войны 1787—1791 гг., как и саму записку. Соответственно, адресатом записки могла быть Екатерина II. Предложение ограничить право выходить в отставку имело смысл только после того, как оно было дано, например, после издания Жалованной грамоты дворянству 1785 года.

Однако следует отметить, что в рассматриваемой записке Шувалов также писал, что монарху следовало «установить школы и гимназии по разным местам, как в моем представлении в Правительствующий Сенат показано»⁸. Данное представление было подано им 3 ноября 1760 года⁹. Конечно, нет ничего невероятного в том, что Шувалов мог вспомнить о своем образовательном проекте почти через тридцать лет. Тем не менее, более вероятным было бы предположение, что записку подготовили в конце 1760 — конце 1761 года.

Впрочем, возможно и еще одно решение вопроса о датировке документа. Дело в том, что на пол монарха, к которому обращался Шувалов, указывает только одно слово — местоимение «ея». Могло ли быть так, что Бартенев допустил ошибку при публикации? Ведь в оригинале могло быть написано не «ея императорского величества», а «его императорского величества». В этом случае документ можно было бы датировать с точностью до месяца: между 17 января, когда Пётр III в Сенате высказал соизволение «дворянам службу продолжать по своей воле»¹⁰, и 18 февраля 1762 г., когда монарх подписал текст Манифеста¹¹. При такой датировке содержание записки Шувалова идеально вписывается в историю законодательного закрепления вольности дворянства служить и не служить. 17 января 1762 г. Пётр III высказал свое решение даровать такое право, предписав сенаторам разработать проект Манифеста. Шувалов, настроенный против такого решения императора, попытался изменить его, для чего и написал данную записку.

Для подтверждения такой версии необходимо обращение к оригиналу. Однако, как в 2000 г. констатировал Польской, «подлинники проектов не обнаружены в государственных архивохранилищах, по видимому, они хранятся в частном архиве, из которого были извлечены и опубликованы П.И. Бартеневым»¹².

В поисках решения проблемы датировки я обратился к архиву Бартенева, хранящемуся в РГАЛИ. К сожалению, в нем нет ни подлинников, ни копий бумаг Шувалова, опубликованных в 1867 году. Однако в нем хранится документ, озаглавленный «История Семилетней войны 1756—1763 гг.», автором которой обозначен Шувалов. Это не подлинник документа XVIII в., а сделанная переписчиком в XIX в. копия, в которую рукой Бартенева были внесены правки. Копия позволяет понять, как Бартеневым велась работа по подготовке к публикации документов в XVIII веке. Во-первых, оригинальный документ копировался переписчиком. Во-вторых, Бартенев исправлял ошибки, допущенные при таком переписывании. «История Семилетней войны 1756—1763 гг.» содержала немало ошибок. Например, Бартеневу пришлось исправить «великому» на «Венскому», «в Саксонии» на «в состоянии», «лишни геройское» на «министерское»¹³. Также из данной рукописи можно сделать вывод, что у переписчика возникли трудности с прочтением шуваловского написания буквы я в

местоимении «ея»: он его читал и, соответственно, писал как «еие». В результате Бартенев был вынужден исправлять «еие» на «ея»¹⁴. Принимая во внимание специфику написания местоимения «его» и буквы я в скорописи XVIII в.¹⁵, можно с полным основанием предположить, что переписчик в случае с копированием шуваловской записки о дворянской службе мог вместо «его» прочесть и написать «еие», которое затем Бартенев исправил бы на «ея».

Тем не менее, данные наблюдения не давали окончательного ответа на вопрос, что было написано в оригинале записки о службе. Их можно использовать лишь как косвенное доказательство возможной ошибки. В связи с этим мне пришлось продолжить поиск подлинников бумаг Шувалова, который, в конце концов, принес свои плоды.

Как известно, Шувалов умер бездетным, так что шуваловские бумаги перешли к сыну его сестры Прасковьи (1734—1802) кн. Фёдору Николаевичу Голицыну (1751—1827). У него было пять сыновей, из которых первые три умерли бездетными. В итоге часть бумаг Шувалова¹⁶ оказалась у четвертого сына — Александра (1796—1866). Бартенев, интересовавшийся биографией Шувалова, вскоре после публикации в 1857 г. биографического очерка о нем¹⁷ узнал, что часть бумаг хранится у кн. А.Ф. Голицына. Он сообщил об этом Я.К. Гроту, который через посредничество президента Петербургской академии наук гр. Д.Н. Блудова смог получить к ним доступ. В результате этого Грот в 1862 г. издал письма М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова к Шувалову¹⁸. Кроме того, он предоставил Бартеневу скопированные им письма гр. А.Б. Бутурлина, гр. М.И. Воронцова и гр. И.Г. Чернышёва к Шувалову. Они были изданы в 1869 г. в «Русском архиве»¹⁹.

Евгений, сын кн. Голицына, трагически погиб в 1854 г., так что его единственным наследником оказалась дочь Александра (1823—1918). Она в 1857 г. вышла замуж за Иллариона Николаевича Толстого (1832—1904), который и стал следующим владельцем части шуваловского архива. И.Н. Толстой довольно охотно предоставлял историкам доступ к данным бумагам. Как результат, в 1867 г. часть шуваловских бумаг была издана Бартеневым в «Русском архиве»²⁰, а в 1872 г. — в «Сборнике Русского исторического общества»²¹.

После смерти Толстого основная часть этих документов каким-то образом попала к историку, председателю Императорского Русского исторического общества в 1910—1917 гг. великому князю Николаю Михайловичу (1859—1919)²², у которого бумаги находились до революционных событий 1917 года. Николай Михайлович был человеком довольно либеральных взглядов, так что первоначально он положительно отреагировал на падение монархии. 8 марта 1917 г. французский дипломат М. Палеолог в своем дневнике так характеризовал настрой великого князя: «Он открыто перешел на сторону Революции и сыплет оптимистическими заявлениями. Я его достаточно знаю, чтобы не сомневаться в его искренности, когда он утверждает, что отныне падение самодержавия обеспечивает спасение и величие России». Однако уже 25 апреля 1917 г. Палеолог зафиксировал изменения в оценке происходящих событий: «Прощальный визит великому князю Николаю Михайловичу. Как далек он от великолепного оптимизма, который он проявлял в начале нового режима! Он не скрыва-

ет от меня своей тоски и печали. Однако он сохраняет надежду на близкое улучшение, за которым последует затем общее отрезвление и окончательное выздоровление». Отвечая на замечание Палеолога о своей мрачности, Николай Михайлович сказал: «Не могу же я забыть, что я висельник»²³. Скорее всего, такие тревожные ожидания сподвигли Николая Михайловича задуматься о судьбе хранившихся у него исторических бумаг, и он решил передать их Академии наук.

На VI заседании Общего собрания Академии наук в Петрограде 15 апреля 1917 г. через Бориса Львовича Модзалевского (1874—1928) было сообщено, что «почетный член Академии Наук великий князь Николай Михайлович принес в дар Академии... собрание бумаг основателя Московского Университета Ивана Ивановича Шувалова... и племянника его, князя Фёдора Николаевича Голицына». Среди этих бумаг были и «11 листов черновых рукописей И.И. Шувалова». Общим собранием было решено «благодарить жертвователя от имени Академии, а рукописи передать в Рукописное Отделение Библиотеки (Академии наук. — М.К.)»²⁴, откуда затем, в 1931 г., они были переданы в Архив Академии наук СССР²⁵. О факте дара Николаем Михайловичем шуваловских документов и их последующей судьбе в статье 1947 г. счел возможным упомянуть Лев Борисович Модзалевский (1902—1948), сын Бориса Львовича. При этом он отметил, что «8 документов ... были опубликованы в “Русском архиве”, 1867... в статье “Бумаги И.И. Шувалова”»²⁶. К настоящему времени переданные Николаем Михайловичем в 1917 г. документы находятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук²⁷.

Как показало обращение к этим документам, среди «11 листов черновых рукописей И.И. Шувалова», переданных Николаем Михайловичем, находится часть документов, опубликованных Барте-невым в 1867 г., в том числе и записка о дворянской службе. Знакомление с ней позволяет сделать однозначный вывод, что в ней Шувалов написал: «при ны[не]шнем Его Императорскаго величества великом попечении»²⁸. Записка была обращена не к монарху-женщине, а к монарху-мужчине, то есть Петру III. Соответственно, данную записку можно с полной уверенностью датировать временем между 17 января и 18 февраля 1762 года.

Таким образом, гипотеза Польского, что вельможами в Российской империи до воцарения Петра III обсуждалась проблема освобождения дворянства от обязательной службы, окончательно лишается единственного косвенного доказательства. Кроме того, дополнительное подтверждение получает мой вывод, что автором идеи освобождения дворянства был сам Пётр III. При этом исследователи получают еще один источник по истории Манифеста, который дополнительно позволяет понять, как вырабатывались итоговые нормы данного акта.

Во второй половине 1760 и в 1761 г. Шувалов находился на пике своего политического влияния²⁹. Пользуясь своим положением, он попытался провести реформу дворянского образования. 3 ноября 1760 г. он подал в Сенат доклад, где предлагал создать систему образовательных учреждений, в которых в обязательном порядке должны были учиться все дети дворян мужского пола. Для Шувалова дворяне, в силу своего сословного статуса, обязаны были занимать руководящие должности в государственном управлении. Однако при этом он пола-

гал, что они должны соответствовать такому высокому положению, то есть обладать достаточно просвещенным разумом, что подразумевало понимание и «общего блага», и высокой роли дворянства в обществе и государственном управлении, а также овладение науками. Согласно шуваловским идеям, этого можно было достичь только посредством соответствующего образования. Исходя из таких представлений о дворянстве и просвещении, Шувалов пытался воплотить в жизнь свою концепцию обязательного образования для дворян, которое они должны были получить, прежде всего, в государственных заведениях ³⁰.

Сенаторы одобрили доклад, предписав Шувалову сочинить штаты предполагаемых учебных заведений и подать их в Сенат. При этом Шувалов мог обратиться за необходимыми данными и консультациями к «здешней Академии Наук» ³¹. Не дождавшись ответа из Академии наук, 20 марта 1761 г. он подал новое доношение в Сенат. Шувалов сообщал, что не смог выполнить поручения Сената и создать штаты для новых школ и гимназий из-за отсутствия нужных сведений о численности дворянских детей. В связи с этим Шувалов полагал, что «теперь можно толко предписать способ учения, распоряжение класов, содержание и порядок учеников. Оное все будет рановременно и представление о них Правительствующему Сенату сделает напрасное затруднение». Отмечая, что «Академия же и по сие время в сочинении оных штатов упражняется», Шувалов просил «подать доклад» императрице, «дабы прежде, нежели в подробности школ вступить, повелено было воспитание и учение и вступление в службу на таком основании, как от меня подано, установить» ³².

Текст такого доклада был подготовлен в Сенате только к 19 октября 1761 года. В нем была дана положительная оценка проекту Шувалова. Предлагалось, чтобы «все дворянство прежде семнатцатилетняго их возраста отныне впредь ни в какую службу не определять, а обучатца им в назначиваемых в городах школах и гимназиях, а потом в здешнем и Московском университете и в кадетском корпусе, а буде кто пожелает детей своих или родственников обучать у волных (учителей. — М.К.), свидетелствованных от Академии и университета или от корпусов... оное им... дозволить». Согласно докладу, по достижении 17 лет юных дворян, желавших поступить на военную службу, следовало экзаменовать «в Сухопутном кадетском корпусе, где для практики оных на некоторое время и оставлять должно волунтерами». Тех, «которые обучались гражданским законам и другим наукам», надлежало «свидетельствовать в университете и в Академии». И первых, и вторых полагалось «потом по беспристрасном экзамене определять по склонности их и наукам и пожеланиям в военную или гражданскую службу прапорщичьими чинами». Оговаривалась возможность продолжить по желанию обучение наукам после 17 лет до достижения двадцатилетнего возраста. Выбравшие такое обучение в 20 лет также должны были сдать экзамен. Если по его результатам выяснялось, что «в науках приобрели пред другими большое знание», то их было необходимо «определять в чины подпорутчицьи, порутчицьи и в капитанские, смотря по достоинству». При этом выбравшие обучение до 20 лет должны были служить только 25 лет. Для дворян, которые «кроме одной российской грамоте ничего не обучатца», пред-

полагалась следующая норма: «Таких писать в военную службу унтер-афицерами впредь до выслуги, пока действительно своим прилежанием и добрыми поступками учинят себя достойными чести афицерской». В отношении образовательных поездок за границу было предложено: «Буде кто из дворян для приращения наук пожелает во-язировать в иностранные государства, таковых с рассмотрения Сената отпускать с сроками». Уже в конце доклада была помещена просьба к Елизавете Петровне ограничить обязательную службу для всего дворянства 25 годами: «Указать и всему дворянству, кои поныне указным определением в действительную службу вступили, считая от дватцатилетняго возраста, продолжать оную, равно как и предписанным, до дватцати пяти лет, а по выслужении оных кто просить будет в отставку из службы военной и гражданской, увольнять вечно»³³.

Отметим, что сам Шувалов в проекте фундаментальных законов, подготовленном в начале ноября 1760 — начале апреля 1761 г., предлагал «дворянину служить 26 лет, считая от времени действительной службы его, то есть от 20 лет возраста»³⁴. Следовательно, доклад, за исключением некоторых нюансов, согласовывался с идеями, которые к данному времени были высказаны Шуваловым. Таким образом, самое большее, на что решились сенаторы в вопросе дворянской службы к концу царствования Елизаветы Петровны, было прошение об установлении ее ограничения 25 годами. Показательно, что они фактически просили о восстановлении нормы Манифеста от 31 декабря 1736 г., предписывавшей «по прошествии 25 лет (от вступления в службу. — М.К.), всех (шляхтичей. — М.К.), хотя кто еще и в службу был годен, от воинской и статской службы отставлять», которая фактически была отменена в 1740 году³⁵.

На докладе была сделана следующая секретарская помета: «Начат подписанием 29 октября». Сам факт, что был подготовлен беловой текст доклада, который начали подписывать сенаторы, свидетельствовал, что напрямую в Сенате против предложенной Шуваловым реформы никто не решился выступить. Однако, под текстом доклада поставили свои подписи только сенаторы И.И. Неплюев, А.Г. Жеребцов, гр. Р.И. Воронцов и кн. М.И. Шаховской³⁶. Подписи большинства сенаторов — гр. М.И. Воронцова, кн. А.Д. Голицына, кн. М.М. Голицына, И.И. Костюрина, кн. И.В. Одоевского, кн. Н.Ю. Трубецкого, гр. П.И. Шувалова — так и не были поставлены³⁷. Скорее всего, это было связано со здоровьем Елизаветы Петровны, которая к этому времени была очень больна³⁸. Ее наследник великий князь Пётр Федорович еще 12 февраля 1759 г. получил от Елизаветы Петровны «главную команду и Директорство над... Сухопутным Шляхетным Кадетским Корпусом»³⁹. У будущего императора могли оказаться свои предпочтения в вопросе о дворянском образовании, так что сенаторы решили не спешить.

25 декабря 1761 г. Елизавета Петровна скончалась. На престол взошел Пётр III. Новый император, будучи 17 января 1762 г. в Сенате, объявил, что он «соизволил дворянам службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают»⁴⁰, то есть отменил обязательную службу российского дворянства.

Шувалов, к которому Пётр III в целом относился доброжелательно⁴¹, счел возможным выступить с критикой такой реформы и под-

готовил записку о дворянской службе. В ней он писал, что из-за такого решения Петра III «пойдут в отставку многие дворяне, имевшие низшие чины... Вновь такова же состояния никто записываться в службу не будет». В связи с этим Шувалов, во-первых, предлагал, «чтоб без крайней нужды в продолжение нынешней войны никто из службы не ходил, предписав недавно записавшимся в службу несколько лет выслужить, а впредь ободрить». Во-вторых, он настаивал на продолжении предложенной им реформы дворянского образования. По его мнению, юным дворянам следовало обучиться в школе, затем — в гимназии, «а после для совершенства нужных наук итить в кадетской корпус, в Университет и Академию, в инженерную школу, в которых быть до семнадцати или осмнадцати лет, и потом дать волю служить или нет». Шувалов связывал это с тем, что «молодые люди, получа должное с их рождением воспитание, приобывши быть в обществе, потеряют грубое предубеждение; получив надлежащее просвещение, конечно не захотят, разве малой части, возвратиться во свое темное жилище». Этому должны были способствовать «вселенная учением к отечеству должность, благородная ревность к собственному добру»⁴².

Отдельный вопрос — кто был адресатом этой записки? Монарх в ней упоминался в третьем лице, так что она едва ли предназначалась Петру III. Можно предположить, что ее адресатом мог быть сенатор и глава Уложенной комиссии гр. Р.И. Воронцов, под руководством которого, скорее всего, и была подготовлена нормативная часть Манифеста. Шувалов покровительствовал ему в царствование Елизаветы Петровны, так что он, рассчитывая на определенную поддержку со стороны Воронцова, мог адресовать именно ему данную записку.

Судя по итоговому тексту Манифеста, подготовленному в Сенате к 8 февраля и подписанному Петром III 18 февраля 1762 г.⁴³, шуваловская критика возымела некоторое действие. В данный законодательный акт было включено несколько ограничений провозглашенной дворянской вольности. Так, в седьмом пункте от имени императора заявлялось, «чтоб никто не дерзал без обучения пристойных благородному Дворянству наук детей своих воспитывать под тяжким Нашим гневом». В связи с этим устанавливалось следующее: «Всем тем Дворянам, за коими не более 1000 душ крестьян, объявлять детей своих прямо в Нашем Шляхетном Кадетском Корпусе, где они всему тому, что к знанию благороднаго Дворянства принадлежит,... обучаемы будут». Фактически эта норма сохраняла обязательное дворянское образование для бедного и среднего дворянства. При этом централизованный контроль над ним поручался Шляхетному кадетскому корпусу. Скорее всего, сосредоточение контроля над качеством дворянского образования именно в корпусе было связано с пристрастиями Петра III, продолжавшего на момент издания Манифеста лично возглавлять корпус. Восьмым пунктом Манифеста устанавливалось, что «находящихся... в... военной службе Дворян, в солдатах и прочих нижних чинах менее Обер-Офицера, кои не дослужились Офицерства, не отставливать, разве кто более 12 лет военную службу продолжал»⁴⁴. Таким образом, 17 января 1762 г. заявленная Петром III вольность дворянства служить и не служить, оказалась ограниченной. В связи с этим неудивительно, что, как отмечает Е.Н. Марасинова, «в

целом Манифест представляется достаточно противоречивым документом»⁴⁵. Благодаря Петру III дворяне получали вольность служить и не служить, а благодаря вмешательству Шувалова — элементы ограничения такой вольности.

14 марта 1762 г. Шляхетный Сухопутный кадетский корпус был передан из непосредственного подчинения императора Шувалову. Как писал племянник Шувалова кн. Ф.Н. Голицын, «при Государе Петре III получил Иван Иванович... примерное отличие. Император его пожаловал на свое место директором сухопутного кадетского корпуса. Приказал ему приехать в назначенный час в корпус, между тем сам изволил прежде прибыть, поставил всех кадетов в строй, и держа в руке список, дожидаясь Шувалова. Как скоро он, приехавши, подошел, Государь сам взяв еспантон, ему всем фрунтом честь отдал, и подал ему рапорт. Редко кто удостоен был таковой чести»⁴⁶. Такое назначение было явным знаком расположения Петра III, предполагавшим и частичную поддержку образовательных инициатив.

Скорее всего, не без влияния Шувалова положения Манифеста касательно дворянского образования и ограничения отставок получили развитие в последующих распоряжениях Петра III. Указом императора от 24 апреля 1762 г. был создан объединенный Шляхетный кадетский корпус, в состав которого вошли Сухопутный и Морской кадетские корпуса, а также Артиллерийская и инженерная школа. Его главным директором стал Шувалов. Седьмой пункт указа устанавливал, что дворянских недорослей старше 16 лет, которые были «ни чему не обучены, кроме своего языка, читать и писать» и которые будут направляться в корпус, следовало «отсылать для определения в солдаты, в Военную Коллегию». «Самых малотетных» дворян, которые «ни чему обучиться времени не имели, а в Кадетской корпус записаться хотят», следовало «записывать в сверх комплектные» в корпус, после чего «или отсылать в Университет и Гимназии, или отдавать свойственникам до того времени, как они столько обучены будут, и в такой возраст придут, что в корпусе исправными кадетами быть могут». Принимая во внимание указанный выше восьмой пункт Манифеста, следует предположить, что норма указа об определении в солдаты дворянских недорослей, знавших только грамоту, вполне могла означать лишение их выбора служить или не служить по своему желанию. Юный дворянин должен был либо получить надлежащее образование, после чего у него появлялась возможность выбора, либо быть записанным в солдаты⁴⁷. Все это вполне соответствовало взглядам Шувалова, который считал основную массу российского дворянства еще не достигшей должного уровня просвещения и, соответственно, нуждавшейся в воспитании с элементами принуждения от имени государства.

Итак, Шувалов выступил против провозглашенной Петром III 17 января 1762 г. свободы для российских дворян служить или не служить. Он не смог отменить решения Петра III. Тем не менее, ему удалось повлиять на его реализацию. Как результат, были введены некоторые ограничения на отставки для дворян. Кроме того, для дворянских недорослей вводилась двухуровневая система обучения. Юный дворянин должен был получить надлежащее образование либо дома, либо в гимназии, а затем поступить в кадетский корпус. Те же, кто к

16 годам не получали такого образования, должны были зачисляться солдатами на службу, которую им затем предстояло либо нести 12 лет, либо выслужить обер-офицерский чин, чтобы получить право на отставку. При этом данные нормы в обязательном порядке распространялись только на бедное и среднее дворянство. Скорее всего, предполагалось, что богатые дворяне должны были дать хорошее образование своим детям без дополнительного принуждения.

Дворцовый переворот, произошедший 28 июня 1762 г., поставил крест на реализации этих преобразований. Указом Екатерины II от 17 августа 1762 г. было предписано Шляхетным Сухопутному и Морскому корпусам функционировать на основании норм, действовавших при Елизавете Петровне⁴⁸. Новая императрица не была склонна поддерживать шуваловские образовательные инициативы. В 1763 г. Шувалов покинул Россию, уехав в длительное путешествие по Европе. В то же время, несмотря на негативное отношение Екатерины II к Манифесту, дворяне сохранили дарованную им вольность. При этом ограничения такой вольности, инициированные Шуваловым, фактически не действовали⁴⁹.

При оценке значения принятия Манифеста в исторической науке высказывались разные мнения, в том числе противоположные по смыслу. В современной историографии продолжает бытовать мнение, что принятие Манифеста оказалось результатом борьбы дворянства с государством⁵⁰. Впрочем, еще в 1966 г. М. Раев высказал мнение, что Манифест не был результатом победы дворянства над государством. Скорее, это была декларация независимости государства от дворянской службы, которое предпочло опереться на зависимую от него бюрократию⁵¹. Несмотря на кажущуюся противоположность этих мнений, у них все же есть нечто общее — это апелляция к обобщающим категориям («дворянство», «государство»), которые, оживая на страницах исследований, начинают действовать вместо людей.

Конечно, обобщающие категории и генерализирующие выводы — это составная и необходимая часть научного исследования. Однако генерализации должна предшествовать тщательная работа с источниками, которая, реконструируя действия конкретных людей, обязана стать прочным фундаментом для обобщений. Как показывает история текста Манифеста, реальные поступки людей могли быть далеки от тех схем действий, которые можно было бы приписать «государству» и «дворянству». Пётр III, который по своему статусу монарха должен был быть главным носителем государственных интересов, при освобождении дворянства от обязательной службы руководствовался идеями о том, что российское дворянство должно обладать схожими правами с дворянством европейских стран, включая свободу служить и не служить. Дворянин Шувалов, исходя из своих представлений о том, насколько просвещенными должны быть дворяне, полагал, что российскому благородному сословию еще рано обладать такой вольностью в полном объеме. В то же время для большинства дворян известие о вольности дворянской оказалось неожиданностью, так что в первое время они могли только выражать свою радость с помощью слез, торжественных вирш или предложений поставить Петру III золотую статую⁵².

Таким образом, Манифест стал результатом взаимодействия представителей элиты в рамках государственных институтов, и в этом

результате оказались представлены как «освободительные» элементы, так и «ограничительные», которые в той или иной пропорции будут присутствовать во внутренней политике и после 1762 года. При этом содержание Манифеста в немалой степени оказалось предопределено идеями, понятиями и представлениями, с помощью которых действовавшие лица оценивали окружавшую их социальную реальность.

Примечания

Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственных научных центров Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013.

1. Бумаги И.И. Шувалова. — Русский архив (РА), 1867, № 1, стб. 67—97. Об обширной публикаторской деятельности П.И. Бартенева см.: ЗАЙЦЕВ А.Д. Пётр Иванович Бартенов и «Русский архив». М. 2013.
2. Бумаги И.И. Шувалов, стб. 70—71.
3. ПОЛЬСКОЙ С.В. Политические проекты И.И. Шувалова конца 1750 — начала 1760-х годов. В кн.: *Философский век (ФВ)*. Вып. 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. СПб. 2000, с. 230—231.
4. ПОЛЬСКОЙ С.В. «На разные чины разделяя свой народ...»: законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века. — *Cahiers du Monde Russe*. 2010, vol. 51, № 2—3, p. 321.
5. Бумаги И.И. Шувалова, стб. 70—71.
6. Законодательство Екатерины II. Т. 2. М. 2001, с. 34.
7. Бумаги И.И. Шувалова, стб. 71.
8. Там же.
9. В Правительствующий Сенат Императорского Московского университета от куратора Шувалова доношение. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. III (июль-сентябрь). М. 1858, ч. V, с. 115—117.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 248, д. 3426, л. 283.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1329, оп. 1, д. 96, л. 99—103об.; ПСЗ-I, т. XV, № 11444, с. 912—915.
12. ПОЛЬСКОЙ С.В. Политические проекты И.И. Шувалова, с. 226.
13. Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 46, оп. 2, д. 338, л. 1, б, 42.
14. Там же, л. 6, 8.
15. Образцы написания букв в скорописи XVIII в. см.: ЧЕРЕПНИН Л.В. Русская палеография. М. 1956, с. 478—479.
16. Один из сборников писем к Шувалову оказался у гр. Прасковьи Николаевны Фредро, дочери гр. Николая Николаевича Головина (1756—1821) и Варвары Николаевны (1766—1819), дочери кн. Николая Фёдоровича Голицына (1728—1759) и Прасковьи Ивановны, сестры И.И. Шувалова. ГРОТ Я.К. Письма Ломоносова и Сумарокова к И.И. Шувалову. Материалы для истории русского образования. СПб. 1862, с. 2, прим. 1.
17. БАРТЕНЕВ П.И. Биография И.И. Шувалова. М. 1857.
18. ГРОТ Я.К. Ук. соч., с. 1.
19. Письма к И.И. Шувалову. — РА, 1869, № 11, стб. 1767.
20. Бумаги И.И. Шувалова, стб. 65.
21. Из бумаг Ивана Ивановича Шувалова (Сообщено флигель-адъютантом Е.И.В. Илларионом Николаевичем Толстым). Сб. Русского исторического общества. Т. 9. СПб. 1872.

22. См. о нем: Книга в России. Проблемы источниковедения и историографии. СПб. 1991; ШМИДТ С.О. К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича. Археографический ежегодник за 1992 год. М. 1994; ЦАМУ-ТАЛИ А.Н. Августейший историк: Великий князь Николай Михайлович. В кн.: Историки России. XVIII — начало XX века. М. 1996; ИСМАИЛ-ЗАДЕ Д.И. Великий князь Николай Михайлович — судьба и книги. В кн.: Николай Михайлович (вел. князь). Император Александр I. М. 1999.
23. ПАЛЕОЛОГ М. Царская Россия накануне революции. М.-Пг. 1923, с. 384—385, 461—462. См. также: АЛЕКСЕЕВА И.В. Агония Сердечного согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914—1917. Л. 1990, с. 48—51.
24. Извлечения из протоколов заседаний Академии. — Известия Академии наук. VI серия. Т. 11. 1917, вып. 11, с. 754—755.
25. Архив Академии наук СССР: Обзорение архивных материалов. Т. I. Л. 1933, с. 19—20, 183.
26. МОДЗАЛЕВСКИЙ Л.Б. Собеседник Вольтера Б.М. Салтыков и два его новых письма 1760—1761 гг. (По материалам Архива Академии наук СССР). В кн.: ВОЛЬТЕР. Статьи и материалы. Л. 1947, с. 182. Л.Б. Модзалевский в возрасте 47 лет трагически погиб 26 июня 1948 года. См.: ТУНКИНА И.В. К изданию монографии Л.Б. Модзалевского о М.В. Ломоносове. В кн.: МОДЗАЛЕВСКИЙ Л.Б. М.В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук: Из истории русской литературы и просвещения середины XVIII в. СПб. 2011.
27. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПФ АРАН), р. II, оп. 1, д. 226—227.
28. СПФ АРАН, р. II, оп. 1, д. 227, л. 10об. Первоначально Шувалов написал «великодушном», но затем зачеркнул и написал «великом».
29. См.: ШЕФЕР А. Императрица Елизавета Петровна в 1760—1761 гг. — Русская старина. Т. 28. СПб. 1880, с. 771; ALEXANDER J.T. Ivan Shuvalov and Russian Court Politics, 1749—63. In: Literature, Lives and Legality in Catherine's Russia. Nottingham. 1994, p. 8—11.
30. В Правительствующий Сенат Императорского Московского университета от куратора Шувалова доношение, с. 115—117.
31. ПСЗ-I, т. XV, № 11144, с. 564.
32. РГАДА, ф. 248, д. 2944, л. 35.
33. Там же, л. 48—51.
34. Бумаги И.И. Шувалова, стб. 85.
35. ПСЗ-I, т. IX, № 7142, с. 1022; ФАЙЗОВА И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М. 1999, с. 40—42; ФЕДЮКИН И.И. «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. В кн.: Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. М. 2014, с. 106—107.
36. РГАДА, ф. 248, д. 2944, л. 51об.
37. ПИСАРЕНКО К.А. «Петрова дочь к наукам матерски снисходит!»: Опыт императрицы Елизаветы Петровны. — Родина. 2014, № 3, с. 40.
38. ЛИШТЕНАН Ф.Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М. 2012, с. 493—495. ПИСАРЕНКО К.А. Елизавета Петровна. М. 2014, с. 441.
39. ПСЗ-I, т. XV, № 10924, с. 320.
40. РГАДА, ф. 248, д. 3426, л. 283.
41. Шувалов в письме, написанном вскоре после воцарения Павла I, вспоминал, что он «при вступлении на престол» Петра III «удостоен был» от императора «совершенной его доверенности. Он мне приказал в тот день в Совете быть, дозволил мне переправить манифест сочиненной Александром Ивановичем Глебовым; продолжать бессменно дежурство генерал-адъютанта, писать приказы в полки, распорядить караул и объявить оному Его вступление на престол, и видя мое к себе усердие и преданность жаловал меня деревнями, вице-канцлером и орденом Св. Андрея; но я просил Его дабы он награждал меня впредь по мере оказуемых услуг. Он мне при всех сказал: “Все просят, а он один не берет, что я ему даю”. Чему обершталмейстер Нарышкин и генерал Гудович свидетели» (НИВЬЕР А.

- Автобиографическое письмо Ивана Ивановича Шувалова. — ФВ. Вып. 8. Иван Иванович Шувалов (1727—1797). Просвещенная личность в российской истории. СПб. 1998, с. 192). Несмотря на отказ Шувалова от должности вице-канцлера, слух о таком шуваловском назначении довольно быстро достиг Москвы. 8 января 1762 г. гр. И.И. Воронцов писал своему брату гр. М.И. Воронцову в Петербург, что в Москве «все генерално говорят, что И.И. Шувалов вице-канцлером пожалован». РГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 128, л. 66.
42. СПФ АРАН, р. II, оп. 1, д. 227, л. 10об., 10.
43. РГАДА, ф. 248, д. 3427, л. 134—138. РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 96, л. 99—103об.; ПСЗ-I, т. XV, № 11444, с. 912—915.
44. ПСЗ-I, т. XV, № 11444, с. 914.
45. МАРАСИНОВА Е.Н. Вольность российского дворянства (манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II). — Российская история. 2007, № 4, с. 25.
46. [ГОЛИЦЫН Ф.Н.] Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, писанная племянником его тайным советником кн. Фёдором Николаевичем Голицыным. — Москвитянин. 1853, т. 2, № 6, март, кн. 2, отд. 4, с. 92.
47. ПСЗ-I, т. XV, № 11515, с. 986—987.
48. ТАТАРНИКОВ К.В., ЮРКЕВИЧ Е.И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. 1732—1762. Обмундирование и снаряжение. М. 2009, с. 6.
49. ФАИЗОВА И.В. Ук. соч., с. 99—107.
50. См., например: МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. СПб. 2003, с. 378; КАМЕНСКИЙ А.Б. Становление Российской империи. В кн.: Всемирная история. Т. 4: Мир в XVIII веке. М. 2013, с. 564.
51. RAEFF M. *Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility.* N.Y.-L. 1966, p. 107—109.
52. ЕКАТЕРИНА II. Записки. СПб. 1907, с. 532; ИСКЮЛЬ С.Н. На пути к сословному раскрепощению (манифест от 18 февраля 1762 г.). В кн.: Государство и общество в России XV — начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб. 2007, с. 402—405.

Межбиблиотечное сотрудничество и книгообмен в культурной политике СССР в Ираке в конце 50-х — 60-х гг. XX в.

Н.З. Мосаки

Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот материалов фонда Государственного комитета по культурным связям Совета Министров СССР рассматривается вопрос культурного сотрудничества между СССР и Ираком в конце 50-х — 60-х гг. XX в. в области книгообмена и межбиблиотечного сотрудничества, а также помощи Советского Союза Ираку в комплектования книжного фонда иракских библиотек. Показано, что культурную политику СССР в Ираке в данных сферах необходимо рассматривать как важную часть советской дипломатии, призванную формировать положительный образ Советского Союза среди иракской интеллигенции и широких слоев населения.

Ключевые слова: СССР, Ирак, культурное сотрудничество, советские библиотеки, Библиотека им. В.И.Ленина, иракские библиотеки, Багдадский университет, книгообмен, советский культурный центр в Ираке.

Abstract. In the article on the basis of archival fund of the State Committee for Cultural Relations of the Council of Ministers of the USSR considered the issue of cultural cooperation between the USSR and Iraq in the late 50—60 years of XX century in the field of book exchange and interlibrary cooperation and assistance of the Soviet Union to Iraq in the acquisition of book fund of Iraqi libraries. These archival materials introduced into scientific circulation for the first time. Shown that the cultural policy of the USSR in Iraq in these areas should be considered as an important part of Soviet diplomacy, designed to generate a positive image of the Soviet Union among Iraqi intellectuals and broad segments of the population.

Key words: USSR, Iraq, cultural cooperation, soviet libraries, Lenin State Library, Iraqi libraries, Baghdad University, book exchange, Soviet Cultural Centre in Iraq.

В 1955 г. монархический режим Ирака разорвал дипломатические отношения с СССР. Поэтому говорить о культурных отношениях между двумя странами было сложно. Все изменила революция 1958 года¹. Новые иракские власти провозгласили республику, страна вышла из военно-политических союзов, созданных США и Великобританией на Ближнем и Среднем Востоке. Правительство страны стало предпринимать активные действия, направленные на

Мосаки Нодар Зейналович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nodarmossaki@gmail.com.

Mossaki Nodar Z. — candidat of historical sciences, senior researcher. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: nodarmossaki@gmail.com.

развитие тесных отношений с Советским Союзом². Советский Союз, со своей стороны, также искал пути улучшения отношений с вновь возникшей республикой, тем более, что ее руководство выступало с резкой критикой прозападного курса свергнутых властей³. Наряду с политическими и экономическими отношениями между СССР и Ираком возникли научные, культурные и гуманитарные связи, которые (в широком смысле — «культурная дипломатия») в целом рассматривались Советским Союзом в качестве важнейшего средства для вывода развивающихся стран из-под «колониальной зависимости от Запада»⁴. Частью этого сотрудничества являлся обмен книгами, который стал налаживаться между библиотеками СССР и различных стран Азии и Африки, в частности, Ирака⁵. Это была одна из важных и в то же время малозатратных областей культурного сотрудничества с зарубежными странами⁶, тем более, что западные библиотековеды высоко оценивали организацию библиотечного дела в Советском Союзе⁷.

5 мая 1959 г. было подписано Соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и Ираком (ратифицировано Ираком 28 июня 1959 г., Советским Союзом — 16 октября 1959 г.), статья 6 которого предусматривала обмен книгами между двумя странами. 20 апреля 1960 г. СССР и Ирак подписали План мероприятий по культурному сотрудничеству, одной из составных частей которого являлся книгообмен⁸.

Основная роль по взаимодействию с иракскими библиотеками с советской стороны была возложена на главную библиотеку страны — Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина (ГБЛ), а также библиотеку МГУ. В мае 1959 г. ГБЛ через советское посольство в Багдаде направила Публичной библиотеке Министерства образования Ирака партию литературы и письмо с предложением об установлении обмена книгами⁹. Вскоре в Ирак были отправлены две партии книг на трех языках — русском, арабском и английском — по самой разнообразной тематике. Прежде всего, это была идеологическая литература (выступления Н.С. Хрущёва, материалы съездов КПСС, заседаний Верховного Совета СССР, книги об Октябрьской революции), а также различные сборники и справочники об СССР, словари на общественно-политическую тематику и ежегодники, книги о Востоке, арабах (в том числе труды выдающегося российского арабиста И.Ю. Крачковского), Ираке, об истории регионов СССР, которые имели религиозную и культурную близость с Ираком (Средняя Азия, Азербайджан), словари (в том числе изданный в 1957 в Москве Курдско-русский словарь Ч.Х. Бакаева¹⁰, поскольку курдский язык занимал второе место по распространению в стране, а с 1970 г. законодательно получил статус второго официального языка), большое количество профессиональной литературы (по нефтяной промышленности и нефтедобыче, медицине, искусству), в которой очень нуждался Ирак, произведения русских писателей (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.П. Чехов, М.А. Шолохов). На английском и арабском языках, помимо идеологической литературы, было отправлено большое количество книг по различным отраслям науки, художественная литература (русские и советские классики, а также классики народов СССР)¹¹. Вскоре ГБЛ отправила в Ирак еще 162 книги по различной тематике¹². Начиная с 1960 г. в планы культурного и научного сотрудничества между СССР и Ираком постоянно стали включаться пункты о поощрении обмена печатными изданиями между библиотеками двух стран¹³.

Иракские библиотеки регулярно обращались к советским представителям с просьбами о получении в качестве дара различных книг. Особый спрос наблюдался на Большую Советскую Энциклопедию, произведения классиков русской и советской литературы на арабском и английском языках, а также книги классиков марксизма¹⁴. Как правило, подобные просьбы перенаправля-

лись посольством СССР в Ираке и Госкомитетом Совета Министров СССР по культурному сотрудничеству с зарубежными странами Государственной библиотеке им. В.И.Ленина, которая весьма оперативно (как правило, в течение 2—3 недель) отправляла соответствующую литературу в Ирак ¹⁵.

Тесные связи с иракскими библиотеками имели и библиотеки вузов, а также научно-исследовательских институтов. Так, например, в 1961 г. были установлены научные связи между библиотеками Багдадского университета и Института народов Азии (ИНА) АН СССР (ныне — Институт востоковедения РАН), который с 1961 г. стал отсылать в Багдад различную востоковедческую литературу и каталоги литературных памятников и монографий в Багдадский университет. В свою очередь, Центральная библиотека Багдадского университета, созданная в 1959 г. и вскоре ставшая главной библиотекой страны ¹⁶, периодически высылала в ИНА списки имеющейся литературы для отбора необходимых изданий ¹⁷. Кроме того, в Центральную библиотеку Багдадского университета передавались каталоги и экземпляры научных трудов советских востоковедов в области исламоведения и арабистики, каталоги арабских рукописей, хранящихся в научных учреждениях СССР других городов — Ленинграда, Ташкента, Ашхабада, Бухары, Баку ¹⁸.

В связи с наличием в библиотеках СССР значительного числа арабских рукописей в советско-иракских планах по культурному сотрудничеству предусматривались стипендии со стороны Советского Союза иракским специалистам для командирования в библиотеки СССР и описания этих рукописей ¹⁹.

Иракские власти высказывали свое особое уважение в адрес руководителей крупнейших библиотек СССР — Библиотеки им. В.И.Ленина и Библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Они были приглашены на 1200-летний юбилей Багдада в 1962 году ²⁰. Иракские власти хотели, чтобы советская делегация, прибывшая на этот праздник, была представительной и включала руководителей Москвы, Самарканда и Бухары, академических институтов, университетов, крупнейших советских библиотек ²¹. Однако руководство ГККС, по-видимому, руководствуясь какими-то бюрократическими мотивами, выступило против включения в состав советской делегации глав библиотек ²².

Интерес к книгам, издаваемым в Советском Союзе, проявляли работники различных учреждений. Так, руководитель иракской организации, объединявшей сельскохозяйственных работников, в конце 1962 г. обращался в советское посольство в Ираке с просьбой о направлении из СССР в Ирак изданий по сельскому хозяйству на арабском и английском языках, отмечая, что основными источниками, используемыми организацией, являются книги, журналы, брошюры и кинофильмы, поступающие из США. По его мнению, через эти источники широко пропагандировались методы ведения американскими фермерами сельского хозяйства и, соответственно, навязывался американский образ жизни. Посольство СССР в Ираке всячески поддерживало просьбу иракского агрария, ходатайствуя перед ГККС о направлении в Ирак материалов по сельскому хозяйству в интересах расширения культурных связей с иракскими организациями ²³.

Понимание Советским Союзом необходимости проведения активной культурной политики в Ираке и возраставший интерес со стороны иракцев к СССР, русскому языку и советской литературе привели к созданию в Ираке в 1962 г. советского культурного центра, основными направлениями деятельности которого являлись распространение информации об СССР, преподавание русского языка и ознакомление с советской культурой. Одной из основных частей культурного центра (СКЦ) являлась библиотека. Работа по пополнению и систематизации ее фондов была развернута сразу же после создания СКЦ. Хотя эта работа велась непрофессионально, число постоянных абонентов библиотеки к

концу 1962 г. превысило 100 человек. Иракская цензура редко запрещала поступление каких-либо книг, но такие случаи были. Так, в 1962 г. цензура отказала библиотеке СКЦ в получении двух книг — «Устава КПСС» и «Белеет парус одинокий» В. Катаева. Однако структура книжного фонда библиотеки была далека от совершенства. По состоянию на конец 1962 г. библиотека насчитывала 7400 книг, среди которых 183 книги были на английском языке, 152 — на русском, 95 — на армянском и 80 — на арабском языке. Главной проблемой библиотеки являлось малое количество книг на арабском языке. Некоторые книги имелись в библиотеке в десятках экземпляров, что также не способствовало ее разнообразию. Поэтому работники СКЦ некоторые такие книги передавали в дар местным библиотекам. Работники СКЦ в Багдаде регулярно обращались в ГККС с просьбами о доукомплектовании библиотеки, в первую очередь, книгами на арабском языке²⁴. Однако эти заявки зачастую не выполнялись. В рамках проведения различных крупных мероприятий Советского культурного центра одной из важных составляющих являлись книжные выставки — «недели советской книги», организуемые совместно с Всесоюзным объединением «Международная книга»²⁵. В СКЦ осуществлялось также распространение свежей советской периодической печати, речей Хрущёва на арабском языке, бюллетеней ТАСС, изданий Агентства печати «Новости» (АПН)²⁶, а также рекламных журналов советского торгового представительства²⁷. СКЦ организовывал детские утренники, демонстрацию детских фильмов, что еще больше привлекало иракцев, учитывая, как отмечалось в отчете представителя Советского общества дружбы в Ираке, их большую любовь к детям²⁸.

После обострения иракско-советских отношений в 1962 г. и последующего их ухудшения в 1963 г., КЦ оказался единственной советской организацией в Багдаде, за посещение которой иракцев не преследовали (за исключением военнослужащих). Поэтому в Культурный центр ежедневно приходило большое количество посетителей (на фильмы, лекции, курсы русского языка, в библиотеку, музыкальный салон и т. д.). Интересовавшиеся советской литературой и культурой иракцы формировали слой просоветской (прорусской) интеллигенции, несколько смягчая те негативные последствия, которые наблюдались в периоды обострений политических отношений.

В Ирак отправляли литературу различные советские учреждения и республики СССР. Передача книг Ираку зачастую предшествовала мероприятиям в соответствующей области. В Ирак направлялись на гастроли артисты, музыканты, спортсмены, что было обусловлено желанием СССР продемонстрировать иракцам уровень достижений Советского Союза в этих сферах не только на основе литературы, музыкальных пластинок, фильмов, но и предоставить возможность непосредственно наблюдать за советскими деятелями искусства, культуры, спортсменами, иметь с ними непосредственные контакты, а также необходимостью подготовки иракской стороны для более глубокого практического сотрудничества с СССР.

Так, например, в 1962 г. Азербайджанской ССР советскому обществу дружбы в Ираке были отправлены книги выдающихся средневековых поэтов Востока — Низами («Хосров и Ширин», «Сокровищница тайн») и Физули («Лейли и Меджнун»), являвшегося уроженцем Кербелы и жителем Багдада, азербайджанских писателей и поэтов М.Ф. Ахундова и М.А. Сабира, буклет «Архитектура Азербайджана»²⁹.

В 1965 г. Министерство просвещения РСФСР направляло библиотеке Министерства просвещения Ирака учебники и программы начальной и средней школы³⁰, которые имели свою функциональную направленность, в том числе в деле содействия формированию ориентации иракских учащихся на обучение в СССР, что являлось важным элементом «мягкой силы» и пропаганды ценно-

стей Советского Союза. За учебниками следовали просьбы иракских властей об обучении студентов и аспирантов в СССР и о направлении в Ирак советских ученых и преподавателей.

Создаваемые в Ираке специализированные библиотеки также в первую очередь обращались за книгами к советским библиотекам. Так, при создании музыкальной библиотеки иракские власти в январе 1965 г. просили Советский Союз, имевший в те годы целую сеть музыкальных библиотек, направить в Ирак музыкальные пластинки и записи, художественные журналы и издания, а также книги об искусстве³¹. Союз композиторов в марте 1965 г. направил в посольство СССР в Багдаде для передачи Ираку нотные материалы, пластинки, книги по музыке, информационные бюллетени, буклеты с биографиями советских композиторов³².

Большую роль в росте спроса на советские книги играли экономическое развитие Ирака в конце 1950-х—1960-х гг., бурное увеличение количества учащихся и возрастание доли расходов бюджета на образование. Так, в 1955—1965 гг. численность учащихся школ и университетов увеличилась в 3—4 раза, доля расходов на образование в бюджете страны составила 24,4% (в 1957 г. — 18%)³³, были созданы новые высшие учебные заведения. Все это не могло не привести к росту количества библиотек³⁴ и их фондов. Западные исследователи отмечали и «пробуждение библиотечного сознания» в странах Ближнего Востока³⁵.

При создании новых вузов, как, например, во втором по величине городе Ирака — Мосуле — иракские власти, планируя организацию библиотеки, также обращались в СССР с соответствующей просьбой, которая выполнялась библиотекой МГУ³⁶.

Увеличение книжного фонда иракских библиотек и книжных фондов различных организаций за счет книг, издаваемых в Советском Союзе, приводило к формированию у иракцев глубокого интереса к русской литературе, искусству, музыке, спорту, к повседневной жизни в Советском Союзе³⁷.

Большой интерес в Ираке проявлялся и к советскому изобразительному искусству. В связи с этим посольство СССР в 1966 г. для «пропаганды и популяризации в Ираке достижений советского искусства» предлагало ГКСС передать в качестве дара Ассоциации иракских художников, объединяющей большинство художников и скульпторов Ирака, а также отделению живописи и скульптуры багдадского Института изящных искусств подборки иллюстрированных книг (в количестве 30—50 экземпляров), посвященных классическому русскому и современному изобразительному искусству³⁸.

В 1967 г. в связи с решением деканата факультета языков Багдадского университета создать при каждом отделении библиотеку книг по различным областям знаний, иракская сторона обращалась к советскому посольству с просьбой организовать регулярную присылку из Москвы книг на русском языке, при этом не только художественной и научной, но и политической литературы, в том числе и книг по марксизму-ленинизму, поскольку, как считало руководство факультета, студенты должны изучать не только язык, но и различные аспекты жизни стран, язык которых они изучают³⁹. Декан факультета языков отмечал, что русское отделение, наряду с испанским, было обеспечено учебными материалами хуже всего⁴⁰. Вскоре из СССР на адрес русского отделения Багдадского университета была отправлена партия книг и учебников.

Большую роль в направлении книг в Ирак играло посольство СССР в этой стране. Оно всячески старалось снизить идеологическую составляющую иракской политики СССР, выдвигая на первый план прагматизм. Это проявлялось, в частности, в рекомендациях ГКСС, ответственному за культурное сотрудничество с зарубежными странами, направлять в Ирак литературу, не

вызывающую напряжения в двусторонних отношениях, книги, которые могли бы быть полезными иракцам и создать среди них просоветские настроения. Так, в одном из писем в адрес ГКСС в 1965 г., посольство СССР в Ираке, отмечая, что Министерство культуры и пропаганды запретило ввоз и распространение в Ираке книг классиков марксизма и некоторых идеологических изданий, во избежание осложнений с иракскими властями просило дать указание прекратить посылку в Ирак запрещенных книг, заменив их книгами по научно-технической тематике, по различным аспектам культуры и искусства (на английском языке), художественной литературой (на русском и английском языках). Новые книги и брошюры о коммунизме посольство просило присылать в небольшом количестве, поскольку их и так было много ⁴¹.

В деле распространения советских книг в Ираке в рассматриваемый период следует отметить и роль Совинформбюро. Кроме издаваемого от имени пресс-центра посольства СССР двухнедельного иллюстрированного бюллетеня и выпуска журнала «Аль-Ахбар ас-Советия» (тираж от 5 до 10 тыс. экземпляров) ⁴², Совинформбюро в Ираке печатало в местных типографиях на арабском языке советские книги и брошюры. В основном это были издания идеологического содержания или работы, касавшиеся отношений СССР со странами Азии и Африки.

Иракские власти также прекрасно понимали, что книги являются одним из важных средств пропаганды Советского Союза. Ухудшение иракско-советских отношений в 1960 г. привело к ужесточению иракской цензуры в отношении советской литературы, что стало причиной резкого (в десять раз) спада ее продаж в Ираке в 1961 по сравнению с 1959 годом. И сразу же иракский книжный и газетный рынок заполнился американскими, английскими и западно-германскими изданиями, которые поступали в Ирак весьма оперативно ⁴³. В свою очередь, улучшение отношений Ирака с Советским Союзом приводило к увеличению объемов культурного сотрудничества, в том числе росту продаж советских изданий и распространению советских книг, что наблюдалось в середине 1960-х годов.

Таким образом, после иракской революции 1958 г. в развитии иракско-советских отношений большая роль со стороны обеих стран отводилась культурному сотрудничеству. Советскому Союзу оно позволяло подготавливать почву для усиления своего влияния и продвижения сотрудничества в различных областях. Хотя среди направляемой в Ирак литературы присутствовали идеологические издания, помимо них иракским библиотекам и другим организациям передавались в дар профессиональная и техническая литература, исследования в области востоковедения, произведения русских писателей и писателей народов СССР, различные учебники.

Книгообмен между странами как часть культурного сотрудничества играл в рассматриваемый период большую функциональную роль. Нисколько не лишая эту сферу сотрудничества гуманитарного и культурного характера, необходимо отметить, что именно советские книги отображали уровень науки, культуры, искусства в СССР, а также предоставляли возможности распространения русского языка в Ираке. Книгообмен, точнее — направление изданной в СССР литературы в Ирак — в свою очередь давал Ираку возможность снизить свою идеологическую зависимость от стран Запада, увеличивая таким образом свою ценность для внешнего мира.

Как свидетельствуют рассматриваемые документы, успех культурного сотрудничества между СССР и Ираком и расширение культурного влияния СССР в Ираке в конце 50-х—60-х гг. XX в. в значительной степени формировались на основе книгообмена и межбиблиотечного сотрудничества. В этом сотрудничестве особо следует выделить роль различных библиотек СССР, особенно

ГБЛ, библиотеки МГУ и ИНА, которые, будучи в числе мировых флагманов в своей области, имея богатейшие фонды и огромный опыт библиотечного дела, воспринимались иракцами в качестве одной из «витрин» Советского Союза.

Примечания

1. Революция в Ираке. М. 1959.
2. МГОИ Ш.Х. Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской Республике (1958—1970 гг.). Ереван. 1977, с. 49; ISMAEL T.Y., ISMAEL J.S. Government and Politics of the Contemporary Middle East: Continuity and Change. N.Y. 2011, p. 197.
3. SMOLANSKY O.M., SMOLANSKY B.M. The USSR and Iraq: The Soviet Quest for Influence. Durham. 1991, p. 13—15.
4. DAWISHA K. Soviet Cultural Relations with Iraq, Syria and Egypt 1955—1970. — *Soviet Studies*, vol. 27, No. 3 (Jul. 1975), p. 442.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-9518, оп. 1, д. 498, л. 29.
6. GVOSDEV Y. Publishing and Book Distribution in the U.S.S.R. — *The Library Quarterly*, vol. 28, No. 4 (Oct. 1958), p. 269—276.
7. WHITBY T.J. Soviet Libraries Today. — ALA [American Library Association]. *Bulletin*, vol. 53, No. 6 (June 1959), p. 485—489.
8. YITZHAK O. (Ed.). *Middle East Record*. Vol. 1. Jerusalem. 1960, p. 74.
9. ГА РФ, ф. Р-9518, оп. 1, д. 498, л. 39.
10. Курдско-русский словарь. М. 1957.
11. ГА РФ, ф. Р-9518, оп. 1, д. 498, л. 48—56.
12. Там же, л. 124.
13. Там же, д. 499, л. 17—20.
14. Там же, л. 96—97.
15. Там же, л. 100.
16. SRIVASTAVA A.P. Iraq. Education for Library Science and Documentation. — UNESCO. January 1969, p. 3—4.
17. ГА РФ, ф. Р-9518, оп. 1, д. 500, л. 203.
18. Там же, л. 193.
19. Там же, д. 1078, л. 15, 70.
20. Там же, д. 500, л. 38.
21. Там же, л. 56.
22. Там же, л. 39.
23. Там же, л. 80—81.
24. Там же, л. 109.
25. Там же, д. 1079, л. 85.
26. Там же, д. 500, л. 110.
27. Там же, л. 106.
28. Там же, л. 98.
29. ГАСЫМЛЫ М.Дж. Азербайджан в международных культурных связях (1946—1990 гг.). Тбилиси. 2005.
30. ГА РФ, ф. Р-9518, оп. 1, д. 501, л. 11.
31. Там же, л. 14—15.
32. Там же, л. 16.
33. SRIVASTAVA A.P. *Op. cit.*, p. 2.
34. AL-KINDILCHIE A. Iraq, libraries in. *Encyclopedia of Library and Information Science*. Vol. 13. N.Y. 1976, p. 66.
35. THOMPSON L.S. Awakening Library Consciousness in the Middle East. — *The Library Quarterly*, vol. 24, No. 2 (Apr. 1954), p. 154—168.
36. ГА РФ, ф. Р-9518, оп. 1, д. 501, л. 52, 55.
37. Там же, л. 68.
38. Там же, д. 1078, л. 57.
39. Там же, л. 17—18.
40. Там же, л. 18.
41. Там же, д. 501, л. 109.
42. Там же, д. 499, л. 23, 42—43, 59.
43. Там же, л. 117.

Кормиличный промысел в России в 1850—1917 гг.

Н.А. Мищук, Н.Л. Пушкарёва

Аннотация. Основываясь на женских эгодокументах и научно-публицистических работах «экспертов» начала XX в., авторы заостряют внимание на тенденциях в развитии «кормиличного промысла» в России. Основная причина устойчивости данной практики коренилась в традиционном укладе семейной жизни дворян. Активная критика «кормиличного промысла» врачами, педагогами, публицистами совпала со временем социального конструирования образа «сознательной матери», для которой самостоятельное грудное вскармливание признавалось «святой обязанностью». В отличие от Англии, США, где эмоциональная аргументация имела успех, в России, напротив, услуги кормилиц становились все более востребованными. Дворянки нивелировали свой отказ неспособностью к лактации, представленной во врачебных заключениях. Расширение «кормиличного промысла» происходило за счет зарождавшегося среднего класса, представители которого все чаще привлекали кормилиц для новорожденных. «Кормиличный промысел» вовлекался в процесс медиализации и коммерциализации частной жизни. Кормилицы занимали высокий статус в семье нанимателей. Их предпочтения не ограничивались временем службы. «Кормиличный промысел» пошел на убыль с начала XX в., когда появились доступные искусственные детские смеси.

Ключевые слова: кормилица, материнство, сознательное материнство, кормиличный промысел, грудное вскармливание, детское питание, медиализация.

Abstract. The authors focus on the trends and specifics of wet nurse trading in Russia, based on the women's egodocuments and nonfiction works of «experts» of the early XX century. The main reason for the sustainability of this practice explains preserving the traditional structure of the family life of nobles. The active criticism of the «kormilichnogo promysla» doctors, teachers, publicists was parallel with the social construction of the image of «conscious mother» for which independent breastfeeding was considered a «holy duty». Unlike England, the United States, where the emotional argument was a success, in Russia the services of wet nurses became more popular. Noblewomen explained the refusal of a lactation medical conclusions and recommendations. The extension of the wet nurse trading was due to the emerging middle class, whose members have been attracted to the wet nurses for infant. The wet nurse trading involved in the process of medicalization and commercialization of private life. The wet nurse held a high status in the family employers. Their preferences were not confined to time of service. The wet nurse trading began to decline in the early twentieth century, when there were available artificial manmade infant feeding.

Key words: wet nurse, motherhood, conscious motherhood, «kormilichnyj promysel», breastfeeding, infant feeding, medicalization.

Мищук Наталья Александровна — кандидат исторических наук, докторант Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, старший преподаватель Смоленского государственного медицинского университета. E-mail: mitsyuk.natalya@gmail.com; *Пушкарёва Наталья Львовна* — доктор исторических наук, профессор Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая. E-mail: pushkarev@mail.ru.

Mitsyuk Nataliya A. — PhD (History), the doctoral candidate at the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, senior lecturer of the Smolensk State Medical University. E-mail: mitsyuk.natalya@gmail.com; *Pushkareva Nataliya L.* — PhD (History), professor of Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. E-mail: pushkarev@mail.ru.

История грудного вскармливания — неотъемлемая часть мировой женской истории, тема, рожденная гендерными исследованиями прошлого, новой социальной историей и историей повседневности ¹. Отказ самим вскармливать детей и нанимать для этого кормилиц был мотивирован в высших слоях общества различными причинами. Среди них были и физиологические ² и медицинские, а в Новое время к ним добавились стандарты красоты и моды.

В европейской и американской науке к истории грудного вскармливания на протяжении последнего полувека обращаются не только историки и социологи, но также демографы, гигиенисты, специалисты по истории медицины ³, и лишь в нашей историографии эта тема пока остается практически неразработанной (за исключением недавно защищенной диссертации Е.В. Колгановой, в которой один из параграфов посвящен социальной защите кормилиц) ⁴.

Нам представляется важным проанализировать тенденции в развитии кормиличного дела в России на рубеже XIX—XX вв., выявить специфику взаимоотношений между кормилицами и их нанимателями в условиях конструирования в общественном сознании нового образа «сознательной матери». Для этого стоит обратиться к научным и научно-публицистическим работам медиков и гигиенистов XIX—XX вв., в которых они касались проблемы грудного вскармливания, а также женским автобиографическим текстам, страницы которых отразили отношение матерей к грудному вскармливанию и нанятым кормилицам.

Отказ от самостоятельного грудного вскармливания традиционно был привилегией аристократок. Кормление грудью считалось проявлением близости к миру животных и дикарей, и лишь самые бедные дворянки, родив дитя, обходились без кормилиц ⁵. История русских женщин доиндустриального времени пестрит историями о «грудной горячке»: перетягивание груди сразу после родов нередко заканчивалось высокой температурой, а подчас и смертью.

Нанятая для грудного вскармливания женщина, согласно традиционным представлениям, должна была быть «одарена всеми качествами, требуемыми от хорошей кормилицы, как-то: молодостью, здоровьем, обилием молока, ровностью расположения духа, добротой и кротостью характера», а по возможности — быть не из самых бедных (и следовательно, плохо питавшихся) ⁶. В крепостной России — до середины XIX в. — кормилицы становились действительными членами семьи, нянями, поскольку, как правило, еще и воспитывали тех хозяйских детей, которых выкормили ⁷. Кормилицы имели тогда особый статус в дворянских семьях, любая из них знала, что «после детей, она первый человек в доме, что ей всегда припасается лучший кусок за обедом, что за ней следят и ходят, как за принцессой: лишь бы не огорчилась чем-нибудь, лишь бы не заболела!» ⁸

В этом заключается серьезное отличие российских практик от западноевропейских, где кормилицы и не помышляли о том, чтобы стать почти что членами семьи. Это была наемная рабочая сила; претендентки проходили медицинское освидетельствование, а к ней самой рекомендовалось «относиться исключительно как к дойной корове; едва она утратит способность [кормить], ее надо сразу уволить» — говорилось во французской книге по домоводству ⁹.

В России до поры до времени никаких попыток регулировать практику найма кормилиц не делалось. Зато уже в начале XIX в. представление о необходимости грудного вскармливания родными матерями получило довольно активную поддержку со стороны врачебного сообщества. С начала 1860-х гг. начал создаваться идеал «сознательной матери», чье становление как раз и должно было начаться с отказа от найма кормилиц. Эксперты — врачи, педагоги, писатели — наперебой твердили, что кормление грудью — «святая» обязанность каждой матери, а отказ кормить самой — предрассудок ¹⁰. Наблюдая матерей-дворянок, многие из тогдашних эскулапов писали, что основные причины от-

каза от самостоятельного вскармливания были у аристократок «естественные»: недостаточность молока и болезни. Но они же не уставали повторять и о распространённости женской «лени» — нежелании дам высшего сословия жертвовать красотой и светской жизнью¹¹. Обвиняя богатых матерей, на них возлагали ответственность и за гибель детей кормилиц, которыми те вынужденно пренебрегали во имя заработка в господском доме¹². Критики как бы забывали о том, что распространение института кормилиц не было простым следствием эгоизма богачей. Оплачиваемые кормилицы требовались и для брошенных детей (это давало многим женщинам заработок в приютах; там они рисковали собственным здоровьем, выкармливая больных младенцев, в том числе зараженных сифилисом¹³).

Женщина-врач З.О. Мичник взывала к «сознательной и планомерной борьбе» с кормиличным промыслом¹⁴, обращая внимание на то, что, во-первых, поступающая в кормилицы женщина в большинстве случаев вынуждена была покинуть собственного ребенка и он, лишенный материнского молока, как правило, умирал (за исключением случаев, когда удавалось кормить и своего, и «хозяйского»)¹⁵. Во-вторых, считали врачи, случаи детских смертей и разного рода увечий, причиненных наемным персоналом, стали слишком часты.

Если в Англии под воздействием моральных увещаний «кормиличный бизнес» с середины XIX в. пошел на убыль¹⁶, а в США к началу XX в. стал просто редкостью¹⁷, то в России, напротив, аристократки не спешили отказываться от привилегии нанимать помощницу¹⁸. Но в этом своем желании они теперь не могли признаваться открыто, стремясь обосновать отказ врачебными заключениями о своей слабости¹⁹.

Расширение «кормиличного промысла» было обусловлено социально-экономическими причинами. По мнению западных исследователей, урбанизация, рост числа женщин-работниц способствовали привлечению кормилиц из крестьянской среды²⁰. В России работницы, в силу своего нищенского существования, куда реже своих западных сестер пользовались услугами кормилиц. Иное дело — зарождавшийся средний класс, желавший подражать образу жизни аристократии: «Чуть ли не всякая достаточная семья чиновника, получающего 1500—2000 р. жалования, не обходится без кормилиц, раз имеют детей»²¹.

Отношение общества к кормиличному бизнесу на рубеже веков стало амбивалентным. В мемуарах можно найти сведения, что кормилиц не без насмешки стали звать «мамками», «двуногими коровами» (а вскармливаемых детей — «выкормышами»). Врачи, не уставая именовать кормиличное дело безнравственным, все же вынужденно признавали, что в случае отказа матери от кормлений, лучшей заменой материнскому молоку остается молоко иной женщины²² и потому предлагали не запретить, а законодательно регламентировать деятельность кормилиц. Врач В.П. Герасимович, раскритиковавший «кормиличный промысел», разработал проект, призванный урегулировать найм таких нянек²³. В те же годы за рубежом шла стремительная разработка состава доступных по цене детских смесей для кормления (Бидерта, Меллина, Нивса, Кнорра, Куфеве, а также Нестле)²⁴. Производство детского питания мгновенно стало прибыльным для многих международных компаний. Коммерциализация грудного вскармливания вела к тому, что и в России, и на Западе именно смеси стали основными конкурентами естественного вскармливания²⁵. Активное внедрение отечественных детских смесей происходило под патронажем Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества. В условиях первой мировой войны это было велением времени²⁶.

Однако обеспеченные семьи все так же ориентировались на натуральное женское молоко. Найти хорошую кормилицу оставалось делом непростым. Если в крепостнической России помещики могли выбрать лучшую, так как хозяйка

лично знала всех потенциальных кормилиц, то в пореформенной России наниматель вовсе не был застрахован от большой или нечистоплотной женщины. Судя по мемуарам и иным эгодокументам, поиск кормилицы был тяжелым, нервным делом для всех членов семьи. Искать начинали на последних месяцах беременности. Предпочитали найти кого-то из крестьянской среды, меньше доверяли мещанкам. Главным аргументом был достаток молока²⁷. Внешний вид кормилицы, ее нравственные качества, интеллектуальные способности теперь стали играть самую незначительную роль²⁸. Любопытно, что, помимо всего прочего, идеальная кормилица должна была «как можно более походить на мать ребенка»: считалось, что это благотворно влияет на малыша²⁹. Тщательно выспрашивали и о сроке родов кормилицы: он должен был быть максимально приближенным к дате рождения ребенка в хозяйской семье. Наилучшим возрастом для кормилицы считались 20—35 лет. Под влиянием упреков врачей, обвинявших нанимательниц в смерти детей кормилиц, сознательные родители стали чаще брать няnek сразу с их грудными детьми³⁰.

В начале 1900-х гг. процесс поиска кормилиц еще более медиализировался. К услугам родителей в обеих столицах оказалась лабораторная диагностика — ничуть не хуже, чем в Европе³¹. Столичный чиновник А.В. Половцов специально отправлял пробы грудного молока потенциальных кормилиц в Аничкову аптеку М. Юргенса для установления степени его жирности³². В связи с распространением в русской деревне сифилиса врачи настоятельно рекомендовали прежде, чем брать кормилицу, обследовать ее у доктора. По той же причине врачи убеждали нанимателей исследовать кровь кормилиц на реакцию Вассермана³³. Коммерциализация кормиличного дела явственно проявилась в том, что в столице и провинции получили распространение частные конторы, занятые поиском кормилиц и проведением диагностики их здоровья³⁴. В известной степени это снимало этическую проблему осмотра клиентами кормилиц и те не считали подобный осмотр оскорбительным, важнее для них была перспектива хорошего заработка. Часто кормилица была уже профессионально подготовлена в особом таком «заведении». У Половцовых, например, кормилицу нашел знакомый врач: «Взята мамка Анна Михайловна Комарова. Выбрала ее А.Е. Попова, утром в заведении Мейзер»³⁵. Понятно, что в таком случае семейный врач выступал в роли независимого эксперта и был гарантом качества приобретенного «товара».

Что касается отношений между матерями и кормилицами, то они тоже существенно изменились с середины XIX века. Разброс в эмоциональной окраске и поведенческих стратегиях был огромный: от полной передачи всех забот о новорожденном нанятому персоналу до мелочного контроля аристократок за тем, что делают кормилицы. Специализированная литература неустанно напоминала о необходимости следить, размещать детские поближе к своей комнате, проверять поведение кормилиц в ночное время, выяснять, не берут ли они дитя в свою постель. Предписывалось также «делать неожиданные визиты», дабы предотвратить возможность жестокого обращения с грудничком. Сознательной и прогрессивной матери следовало самой наблюдать за правильным питанием младенца, отучать кормилиц и няnek от использования сосок, от перекутывания, строго проверять, не посещает ли «мамка» питейных мест.

Обеспеченные семейства могли прибегать к услугам и нескольких кормилиц, чтобы гарантировать полноценное питание малышу. В этом случае в их обязанности входило исключительно кормление, а забота и воспитание возлагались на няню, «мамушку». Не исключалось привлечение кормящей к иным домашним делам: уборке детской, укачиванию, присмотру за младенцем. Когда семейный бюджет был скуден, супруги договаривались, что кормилица будет и няней, и кухаркой для новорожденного, а сама мать оценивала лишь качество исполнения этих обязанностей.

Реже случались попытки совместить самостоятельное грудное вскармливание с услугами кормилиц ³⁶. Полный отказ от кормилиц встречался редко: дворянок буквально сызмальства воспитывали в предубеждении, что у них будет «мало молока». Кроме того, даже для самых «сознательных матерей» ночные кормления были непосильным трудом. Мать ночью отдыхала, а к ребенку вставала кормилица. Добросовестность исполнения ею обязанностей могла контролировать няня, которая вставала к плачущему ребенку, поила его, а в случае необходимости, будила кормилицу ³⁷. В дневнике графини С.Ф. Вонлярлярской сохранились упоминания об особенностях кормления младенца: «1 ч. — сосала кормилицу..., 2 ч. 30 мин. — кричала..., 4 ч. — сосала у кормилицы, 6 ч. — кормила графиня» ³⁸. В дневное время суток мать проводила немало времени с ребенком, гуляла, играла с ним и ревностно следила за тем, чтобы растущее дитя не слишком привязывалось к кормилице. Одна из матерей, убежденная, что ее дитяtko слишком выделяет кормилицу из других подходящих к колыбели, распорядилась завязывать кормилице лицо платком при кормлении, а сама стояла, наклонившись над ним, чтобы ее черты лица ассоциировались у грудничка с наслаждением от сосанья ³⁹. Молодых матерей расстраивала привязанность малышек к кормилицам, но обойтись без них женщины не могли. Это становилось причиной сложных эмоциональных переживаний дворянок, усугублявших их нервозность и истеричность ⁴⁰.

К перемене кормилицы прибегали редко. Считалось, что это навредит грудничку, а гарантии того, что новая кормилица будет лучше, не было. Отслужившая кормилицей женщина всегда рассчитывала остаться подольше, скажем, в качестве няньки ⁴¹. Если ребенок был к ней привязан, наниматели иногда соглашались и многое ей позволяли: употребление бранных слов, бесцеремонность, запросы на подарки, дерзость по отношению к другой прислуге и даже злоупотребление спиртными напитками ⁴². Кормилицам, ставшим нянями, другая прислуга завидовала. Труд кормилицы гарантировал хорошие условия проживания, отменное питание и доброе расположение хозяев чуть ли не до самой старости. Для крестьянок и бедных горожанок это могло стать социальным лифтом. Оплата труда кормилиц значительно превышала плату за другие работы, в столицах заработки кормилиц колебались от 60 до 120 руб. в год (в царской семье — до 1500 руб. в год ⁴³), между тем, как жили они на полном содержании, обеспечивались одеждой и даже украшениями (в дневниках дворянок упомянуты подарки кормилицам — «янтарное ожерелье», «парчовый кокошник»). Традиция ношения кормилицами сарафанов с кокошниками, вероятнее всего, пошла от царской семьи: с конца XVIII в. кормилиц наследников российского престола облачали именно в них, о чем сохранились записи в документации царского дворца ⁴⁴.

Статус кормилицы в русских дворянских семьях и в начале XX в. оставался высоким. По окончании срока службы ее в благодарность одаривали дорогим подарком, оказывали и далее покровительство, не отказывали в личных просьбах. Образчиком выступала императорская семья. Скажем, А. Негодова (кормилица детей Николая II и Аликс) и вся ее семья в буквальном смысле оседлали удачу на долгие годы — и все благодаря тому, что именно ее молоко в 1904 г. было признано придворным медиком лучшим из представленных образцов ⁴⁵.

Для бывшей кормилицы всегда были открыты двери нанимателей. Она могла «проведывать» выкормленного ею ребенка, писать поздравительные письма в адрес членов семейства. Зачастую это делалось не из привязанности к дитяте, а для того, чтобы лишний раз напомнить о себе. Доказательство тому — частные случаи, встречающиеся на страницах личной переписки. Так, Н. Ширяева,

кормилица первых двух детей смоленских дворян Волконских, писала: «Имею честь поздравить Вас и Ваше уважаемое семейство с Высочайшим праздником Светлого Христова Воскресения... и поздравляю Вас с новорожденной дочерью...»⁴⁶. Тут же она обращалась с откровенной просьбой помочь ей материально: «Осмеливаюсь Вам писать, что у меня нет денег на молоко и сапог нет... в церковь Божью не в чем пойти и не с чем на свечичку. Остаюсь Ваша кормилица, всегда помнящая и молящаяся за вас»⁴⁷. Эта просьба и сам характер обращения может показаться дерзким со стороны уже бывшей кормилицы. Однако подобные послания считались вполне уместными и были распространены. Не удалось обнаружить ни одного случая, чтобы бывшая кормилица получила отказ в своей просьбе.

Статус кормилицы всегда давал возможность женщине рассчитывать на помощь не только той семьи, в которой она выкармливала ребенка, но и его родственников. В письме к кузену князь указывал: «Сегодня ко мне явилась некая женщина вся в слезах... прося дать ей хоть на дорогу. Она приехала в Москву искать места и, не находя его, голодает теперь. Так как своими показаниями она точно доказала, что она кормилица Павлика, то я дал ей 10 р.»⁴⁸. С бывшими кормилицами держали связь на протяжении всей жизни «хозяев». За ними надолго закреплялось звание кормилицы, о ней упоминали не иначе, как «кормилица того-то». Женщины эти, спустя годы «службы», не упускали возможности обратиться с просьбами «пристроить» их собственных детей в учебные заведения, на работу или найти удачное место воинской службы: «его взяли из запаса вольноопределяющим... Мать его старая болезненная женщина очень просит Вашу Светлость не можете ли вы перевести его куда-нибудь поближе в Петроград или в Москву»⁴⁹.

Известная художница и мемуаристка М. Башкирцева упомянула, что, будучи взрослой девушкой, навещала свою первую кормилицу, которая ее кормила всего лишь на протяжении первых трех месяцев⁵⁰.

Подводя итоги, отметим что борьба с традиционно практиковавшимся привлечением кормилиц в семьи аристократов совпала со временем начала активного социального конструирования образа «сознательной матери». Несмотря на доказанную важность материнского вскармливания как для здоровья ребенка, так и его матери, несмотря на объявление этой практики святой обязанностью каждой женщины, кормиличный промысел в России не угас даже в начале XX в., в том числе и во время быстрого распространения детских смесей. Аристократки в большинстве своем были не готовы отказаться от услуг кормилиц. Сам процесс найма кормилиц сильно медиализировался (медицинские осмотры кормилиц, сдача анализов) и внес элемент коммерциализации в частную жизнь обеспеченных слоев (открытие частных бюро по подбору кормилиц). Даже попытки самостоятельного грудного вскармливания аристократками вовсе не означали полного отказа от услуг кормилиц, особенно в ночное время, когда выполнение этой обязанности выглядело особенно утомительным. Судя по автобиографическим материалам, дворянки следовали этой практике лишь днем — во имя соответствия идеалу «хорошей матери». Помощь кормилиц им была по-прежнему необходима, отношение к «мамушкам» оставалось теплым, а статус тех, кто выкормил и вынянчил, — высоким (как ко «второй матери»). Преференции кормилицам не ограничивались временем их службы. Это продолжало русскую национальную традицию исключительного отношения к лицам, нанятым в семью, обосновывало и укрепляло пресловутую русскую патриархальность. «Кормиличный промысел» пошел на убыль лишь в 1910-е гг., когда в широком распространении появился более доступный аналог услуг кормилиц — искусственное детское питание.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (№ 14-31-01217) «Субкультура материнства в дворянской среде пореформенной России: антропологический и исторический подходы».

1. SCHIEBINGER L. *Nature's Body. Gender in the Making of Modern Science*. Boston. 1993, p. 69.
2. CHAO S. The effect of lactation on ovulation and fertility. — *Clinical Perinatology*. 1987, vol. 14, № 1, p. 39—50.
3. FILDES V.A. *Breasts, Bottles, and Babies: A History of Infant Feeding*. Edinburgh. 1986; APPLE R.D. *Mothers and medicine: a social history of infant feeding, 1890—1950*. Madison-Wis. 1987; BAUMSLAG N., MICHELS D. *Milk, Money and Madness*. N.Y. 1995; BORSAY A., HUNTER B. (eds). *Nursing and Midwifery in Britain since 1700*. Hampshire. 2012.
4. КОЛГАНОВА Е.В. *Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX — начале XX вв.* Автореф. дисс. к.и.н. М. 2012.
5. БОК М.П. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М. 1992.
6. ЧИЧАГОВ П.В. *Записки адмирала, заключающие то, что он видел и что, по его мнению, знал*. В кн.: *Великороссы*. М. 1992, с. 13.
7. МОРДВИНОВА Н.Н. *Воспоминания об адмирале Николае Семёновиче Мордвинове и о семействе его (Записки его дочери)*. В кн.: *Записки и воспоминания русских женщин XVIII — первой половины XIX века*. М. 1990, с. 408; ЩЕПКИНА А.В. *Воспоминания*. В кн.: *Русские мемуары. Избранные страницы. (1826—1856)*. М. 1990, с. 384.
8. БОК М.П. *Ук. соч.*, с. 28.
9. FAY-SALLOIS F. *Les Nourrices à Paris au XIX siècle*. Paris. 1980, p. 237.
10. ДЕРИКЕР В.В. *Физиологическая история женщины*. СПб. 1873, с. 273.
11. ЖУК В.Н. *Почему многие матери не кормят грудью детей?* — *Акушерка*. Кн. 6, № 11—12, с. 178; ДЕРНОВА-ЯРМОЛЕНКО А.А. *Азбука матери. Первые уроки по уходу за ребенком*. М. 1912, с. 51; СКЛОВСКИЙ Е.Л. *К вопросу о борьбе с детской смертностью*. Киев. 1906, с. 2—3; ГЛАГОЛЕВ Д.М. *К вопросу о кормилицах*. М. 1896, с. 2.
12. ВОЮЦКИЙ С.Ф. *Жестокий обычай*. — *Врач*. № 19, с. 546.
13. ИВАНОВ В.М. *«Капля молока» как средство борьбы с детской смертностью*. Таганрог. 1909, с. 5; ЭКК Н.В. *Опыт обработки статистических данных о смертности в России: Рассуждение, представленное для получения степени доктора медицины лекарем Николаем Экком*. СПб. 1888; FILDES V. *Wet Nursuring: A History From Antiquity to the Present*. Oxford. 1988, p. 207.
14. МИЧНИК З.О. *Об естественном и искусственном вскармливании грудных детей. — Охрана материнства и младенчества*. 1916, № 2, с. 47.
15. ГЕРАСИМОВИЧ В.П. *Кормиличный промысел и меры законодательной его регулировки. — Охрана материнства и младенчества*. 1917, № 6, с. 469; ВОЮЦКИЙ С.Ф. *Ук. соч.*, с. 545; СКЛОВСКИЙ Е.Л. *Ук. соч.*, с. 3.
16. FILDES V.A. *Op. cit.*, p. 152.
17. GOLDEN J. *Social History of Nursing America: from Breast to Bottle*. Cambridge. 1996.
18. *Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)*, ф. 142, оп. 1, д. 383, л. 50об.
19. ГЛАГОЛЕВ Д.М. *Ук. соч.*, с. 2; КОНРАДИ Е.И. *Исповедь матери*. Т. 1. СПб. 1899, с. 346; *Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)*, ф. 2313, оп. 1, д. 1, л. 140; *Смоленский музей-заповедник (СМЗ)*, КП 30397/1, л. 2; ГА ТО, ф. 1022, оп. 1, д. 30; ЛУКАШЕВИЧ К.В. *Мое милое детство: Автобиографическая повесть к моим читателям*. М. 2011, с. 8; БЕКЕТОВА М.А. *Шахмотово. Семейная хроника*. М. 1930.
20. OSBORN MS. *The rent breasts. Part II. — Midwife, Health Visitor & Community Nurse*. 1979, vol. 15, № 9, p. 347—348.
21. КОЛГАНОВА Е. *Смертельное молоко*. — *Родина*. 2010, № 7, с. 146—148.

22. Женщина в семейной и социальной жизни. СПб. 1901, с. 23.
23. ГЕРАСИМОВИЧ В.П. Ук. соч., с. 483—484.
24. БРЕЙТМАН М.Я. Питание и вскармливание детей с современной точки зрения. СПб. 1907.
25. BAUMSLAG N., MICHELS D. Op. cit.
26. МИКИРТИЧАН Г.Л. Организация помощи детям в годы первой мировой войны. — Российский педиатрический журнал. 2014, т. 17, № 4, с. 61—64.
27. ГЛАГОЛЕВ Д.М. Ук. соч.
28. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 601, оп. 1, № 57, л. 1; Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1654, оп. 1, д. 13, л. 3.
29. МАНАСЕИНА М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб. 1870, с. 107.
30. УВАРОВА П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М. 2005, с. 54; КОНРАДИ Е.И. Ук. соч., с. 342.
31. VIGOT F. Les Enjeux de l'assistance à l'enfance. Ph.D. diss. University of Tours. 1988, p. 138—139.
32. РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 9, л. 31.
33. МАНАСЕИНА М. Ук. соч., с. 107.
34. Правила для приютов кормилиц и для вскармливания и воспитания грудных детей. В кн.: Медицинский департамент. Циркуляры. 1870—1899 гг. СПб., с. 1.
35. ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, № 57, л. 1.
36. Положения к законопроекту по охране материнства, младенчества и детства. В кн.: Труды Междуведомственной комиссии по пересмотру законодательства. Т. 5. Пг. 1914, сессия 5, с. 6—7.
37. Холопы (рассказ няни З. Корецкой). — Родина. 1914, № 11, с. 169—172.
38. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 618, оп. 1, д. 32.
39. КОНРАДИ Е.И. Ук. соч., с. 341.
40. ОР РНБ, ф. 601, оп. 1, № 645, л. 71об.
41. РГИА, ф. 1654, оп. 1, д. 13, л. 3; ЦГИА СПб, ф. 2313, оп. 1, д. 1, л. 32; РГАЛИ, ф. 2319, оп. 1, д. 159, л. 174об.
42. УВАРОВА П.С. Ук. соч., с. 55; СМЗ КП 30397/1, л. 2; КОНРАДИ Е.И. Ук. соч., с. 356.
43. РГИА, ф. 525, оп. 1, д. 126, л. 33.
44. Александр III. В кн.: Мемуары графа С.Д. Шереметева. М. 2001, с. 602.
45. ЗИМИН И. Повседневная жизнь российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М. 2010, с. 57.
46. Государственный архив Смоленской области (ГА СО), ф. 108, оп. 1, д. 15, л. 238.
47. Там же, л. 239.
48. Там же, ф. 108, оп. 1, д. 15, л. 131.
49. Там же, л. 41, 57об.
50. БАШКИРЦЕВА М. Дневник Марии Башкирцевой. М. 2001, с. 170.

Трансформация российского транспорта в 1917—1920-х гг. (к историографии проблемы)

В.А. Поляков

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых работ, опубликованных в 1920-е — 2010-е гг. и освещающих изменения в российском транспорте, происходившие с конца 1917 до середины 1920-х годов.

Ключевые слова: историография, методология, российский транспорт, железная дорога, Наркомат путей сообщения, транспортный кризис.

Abstract. The article is dedicated to the analysis of key works that were published in the 1920s — 2010s. They elucidated the changes in the Russian transport from 1917 till the middle of the 1920s.

Key words: historiography, methodology, Russian transport, railway, the People's Commissariat of Communications, transport crisis.

В проектах предстоящей модернизации российского железнодорожного транспорта самые грандиозные в истории современных железных дорог новации придется на Транссиб и БАМ. По предварительным оценкам экспертов, они позволят увеличить рост ВВП Российской Федерации как минимум на 2%. Такие глобальные изменения в России происходили лишь однажды — в царствование Николая II, когда символом экономического развития страны на рубеже XIX—XX вв. стало строительство Великого сибирского пути — Транссиба. Только благодаря этой дороге удалось превратить Дальний Восток в мощный экономический регион и дать толчок развитию Сибири.

Совершенно иным, абсолютно катастрофическим стало положение российского транспорта после прихода к власти в октябре 1917 г. большевиков. При них к середине 1920-х гг. разрушение транспорта достигло наихудшего предела. В связи с этим изучение мероприятий, проводившихся под ленинским руководством на том отрезке времени и сопровождавшихся плачевными последствиями, представляется достаточно важным, поскольку без осмысления отрицательного опыта вполне возможно его повторение. Но в советский период, когда историография базировалась на марксистско-ленинской методологии, все мероприятия партийных и хозяйственных структур интерпретировались позитивно. Ситуация стала меняться только в конце XX века. Данное исследование посвящено анализу ключевых работ, опубликованных в 1920-е — 2010-е годы.

Первым, кто попытался охарактеризовать работу советского транспорта за пять послектябрьских лет, был В.В. Фомин. Его 50-ти страничная брошюра¹, хотя и представляла собой

Поляков Вячеслав Александрович — доктор исторических наук, профессор Волгоградского государственного университета. E-mail: vavpoliakov@rambler.ru.

Poliakov Vyacheslav A. — doctor of sciences (History), professor of Volgograd State University. E-mail: vavpoliakov@rambler.ru.

текст без научно-справочного аппарата, несомненно, имеет научное значение. Во-первых, как раз в те годы автор занимал должности члена Особого комитета по проведению военного положения на железных дорогах (Оском), Чрезвычайной комиссии по борьбе со снежными заносами на железных дорогах республики (Чрезкомснегопуть), а затем — военного комиссара Центрального управления военных сообщений (ЦУПВОСО) при Революционном совете РСФСР, председателя Высшего совета по перевозкам и заместителя наркома путей сообщения. Ему были доступны все материалы, отражавшие не только деятельность транспорта, но и положение в иных отраслях хозяйства страны.

Во-вторых, принадлежа к большевистско-ленинской партии, но, не будучи искушенным в методах изложения материала по марксистско-ленинской методологии, он привел факты, которые чуть позже стали скрываться в архивах под грифом секретности, потому что были свидетельством не просто производственно-хозяйственной несостоятельности власти, но и ее преступных деяний. Так, начиная свои заметки своеобразным экскурсом в досоветскую Россию, он указал, что «строительная деятельность железных дорог последних десятилетий 19 и начала 20 века была в значительной степени в руках хищнического капитала (Поляковы и др.), которые, в стремлении личной наживы, в меньшей мере были заинтересованы в правильном и достаточном техническом оборудовании строящихся (у автора было написано «строющихся». — В.П.) ими железных дорог. Все их устремления были направлены к тому, чтобы как можно меньше рисковать своими капиталами...»²

15 ноября 1919 г. автор в своем секретном докладе на имя ЦК РКП(б), характеризуя советских транспортных комиссаров, был красноречив в значительно большей степени: «Надо отказаться от мысли, что наши большевистские худосочные техники могут управлять дорогами, товарищи Руцкие, Мамаевы, Пятницкие, Неймонты и т.д. хорошие товарищи, но плохие начальники дорог, это показывает опыт Казанской дороги, которая, пролегая по лесистой местности, сидит без дров, то же на Северных дорогах, но они могли бы быть хорошими комиссарами. Если мы оглянемся назад и учтем опыт прошлого, то увидим, что царское правительство для управления дорогами выдвигало исключительно способных... и [со] специальными знаниями техников-инженеров — Аржановы, Рейслеры, Воскресенские и др.»³ В рецензируемой брошюре об этом не упоминается. Зато приведенные им данные о «чистой прибыли русских железных дорог в 1904 году, равнявшейся 217,2 милл. руб., в 1910 году поднявшейся до 317,9 милл. руб., а в 1913 году выражавшейся суммой в 480,1 милл. руб.»⁴ при сопоставлении с теми, которые нарком путей сообщения Ф.Э. Дзержинский в октябре 1922 г. обнародовал на втором Всероссийском съезде работников железнодорожного и водного транспорта, стали уже не просто укором советской власти, а приговором ей.

Главный путеец, заместителем которого был Фомин, приведя тогда данные о подвижном составе и вагонном парке, состоянии железнодорожного пути, положении с топливом и производительностью труда в 1922 г. относительно 1913 г., вынужден был констатировать: «Эти цифры и эти данные вводят нас в глубину транспортной проблемы в условиях разрушенного хозяйства и указывают на то, что у нас нет соответствия между ресурсами страны и доходами ее, с одной стороны, и, с другой стороны, между аппаратом, которым мы ворочаем, и результатами той работы, которую этот аппарат производит. Как в отношении рабочей силы, так и в отношении основного капитала нашего громаднейший процент отходит на холостой ход»⁵.

Начало «отхода на холостой ход» Фомин раскрывает в главе рецензируемой брошюры под названием «Транспорт во время Керенщины», причем именно Керенского автор пытается сделать виновным в разрушении транспорта. В его изложении это предстает таким образом: «Особенно резко и заметно стало обостряться положение с железными дорогами к концу 1917 г. Так называемая «демобилизация» царской армии, представлявшая собою сплошную лавину уходивших с фронта солдат, которые на своем пути, стремясь скорее попасть домой, самовольно захватывали поезда, вагоны, паровозы, и благодаря чему в короткое время превратили пассажирский парк абсолютно в негодное состояние и значительно ухудшили положение железнодорожного хозяйства вообще»⁶. Приводя этот факт, Фомин обходит молчанием принципиально

важный вопрос о действиях большевиков. А ведь именно ленинский СНК с целью сохранения власти в своих руках 10 ноября 1917 г. приступил к постепенному сокращению армии на основании декрета, подписанного В.И. Лениным, В.А. Антоновым-Овсеенко и Н. Крыленко⁷, после чего 15 ноября последовал приказ о демобилизации русской армии.

В этой же части еще одним разрушительным для транспорта фактором предстают так называемые пассажиры-мешочники. С упором на некие внешние обстоятельства Фомин пишет: «К этому моменту под влиянием дороговизны и отсутствия достаточного количества продовольствия (его не стало именно после прихода к власти большевиков. — В.П.) в больших городах подоспело большое зло наших железных дорог, продолжавшееся долгое время на нашем транспорте — мешочники, которые в этот период представляли собою значительный контингент своеобразных пассажиров, курсирующих по разным направлениям со спекулятивными целями, перегружая и ломая подвижный состав...». Таким образом, если в добольшевистский период пассажиры приносили прибыль транспорту, то теперь они стали обременяющим фактором. Налицо абсолютная несуразница, присущая нерыночной экономике. Соответствует этому и вывод, приводимый в ключевой фразе, о том, что «транспорт катился неудержимо под гору, докатившись в апреле месяце 1920 года до 60,7% больных (то есть поломанных. — В.П.) паровозов».

Однако в разделе «Транспорт во время гражданской войны 1917—1920 гг.» Фомин причины транспортного коллапса относит еще и на счет Всероссийского железнодорожного союза — «Викжеля». Написав, что эта профсоюзная структура, «захваченная еще при правительстве Керенского меньшевиками и эсэрами, не признавала пролетарской власти», автор не только не указал, что с «Викжелем» было покончено уже в декабре 1917 г., но и выставил в позитивном ракурсе советский правящий режим. Намеренно предвзятый вывод Фомина гласил: «Таким образом, несмотря на все старания со стороны Советской власти наладить взаимоотношения с «Викжелем», и путевойской министерской интеллигенцией, ничего не выходило; положение на дорогах с каждым днем становилось все катастрофичнее: процент больных паровозов возрастал непрерывно...»

Данные о количестве поломанных локомотивов (31,1% в январе 1918 г. и 60,7% в апреле 1920) и констатация, что «та же картина наблюдается и с вагонным парком», закончились удручающей фразой: «Положение становилось невыносимо тяжелым».

Дополняют этот вывод и две подробные таблицы, каждая объемом в две страницы. В первой, посвященной железнодорожному транспорту, данные за 1913, 1919 и 1920 гг. отражают абсолютное падение всех производственных показателей, включая сокращение эксплуатационной длины железных дорог с 63 749 верст в 1913 г. до 53 261 версты в 1920 г., исправных паровозов — с 16 422 до 7 372, исправных вагонов — с 413 790 до 290 398.

Такого же характера выводы следуют и из второй таблицы о ситуации на речном транспорте, экономические показатели которого столь же убедительны. Если по рекам России в 1913 г. перевезли 2 435 млн пудов грузов, то в 1920 г. — всего лишь 750 млн. Такой плачевный результат не мог быть иным, что подтверждается данными последующих советских лет. Так, если к началу навигации 1921 г. в РСФСР было 1 548 работающих паровых и 3 252 непаровых судов, то в 1922 г. первых стало 1 619, а вторых 2 664 судна⁸.

Вот такими в брошюре Фомина предстают последствия хозяйственной деятельности большевиков на транспорте, которые автор вполне искренне отразил, хотя это и шло вразрез с марксистско-ленинской методологией. В последующие годы такие издержки были учтены, о чем свидетельствуют мемуары этого же автора. Когда в 1962 г. из печати вторым изданием вышла книга «Встречи с Лениным. Воспоминания железнодорожников», в которую вошли и размышления под названием «Ленин и транспорт»⁹, данных 1922 г. читатель уже не увидел.

Спустя десятилетие последовало еще одно переиздание мемуаров Фомина, где все изложение концентрировалось вокруг фигуры большевистского вождя. Получился хвалебный панегирик, где автору то «приходится поражаться, как у Владимира Ильича хватало времени во все вникать и на все реагировать», то восхищаться тем, какая «огромная работа была проделана

Владимиром Ильичём по восстановлению железнодорожного хозяйства», то удивляться «всей многогранной деятельностью Владимира Ильича в области транспорта» и сожалеть, что в «короткой статье-воспоминаниях невозможно охватить всю многогранную деятельность Владимира Ильича в области транспорта», а в конце констатировать: «Роль Владимира Ильича в деле улучшения работы транспорта, максимального использования его средств для нужд обороны и перевозки продовольствия и топлива, в деле укрепления технической базы транспорта, повышения трудовой дисциплины и во всех прочих больших и малых транспортных делах была исключительно велика».

С выводом автора об исключительно великой ленинской роли нельзя не согласиться. Правда, последствия его деятельности имели характер трагический и, по выражению Фомина, «разруха транспорта в истекший период была велика», однако по «объективным» причинам: «Технические средства железных дорог были настолько слабы, что огромнейшая работа, проделанная партией и Владимиром Ильичем в течение 1920 года», к положительным результатам не привела из-за того, что «в этот короткий период произвести было невозможно»¹⁰.

Нельзя не обратить внимания и на упоминание «новой экономической политики»: «Новая экономическая политика, принятая по докладу Владимира Ильича на X партийном съезде (на самом деле термин «нэп» появится в документах только на X партконференции в конце в мае 1921 г., то есть через два месяца после партсъезда. — В.П.), очень быстро стала давать положительные результаты, и приток продовольствия к городам увеличился»¹¹. Однако эти слова не соответствуют действительности, потому что именно в это время голод достиг своего апогея и на конец 1925 г. унес жизни не менее 6 млн россиян.

Голод и его жертвы — особая страница советской истории, в которой истина многие годы замалчивалась. В этом отношении Фомин оригинальным не был. Не упоминая о голоде, он вновь и вновь прославляет вождя: «Многочисленные документы с линии и из наркоматов по делам транспорта давали возможность Владимиру Ильичу быть в курсе всей работы транспорта». Здесь же приводится важный пример: «он (Ленин. — В.П.) имел также возможность наблюдать транспорт непосредственно, совершив в январе 1922 года поездку на автодрезине по дорогам Московского узла».

Та поездка была событием исключительным, однако заместитель наркома путей сообщения в своих мемуарах замечает: «Впечатление от этой поездки оказалось весьма неутешительным»¹².

Сказав это, Фомин передал только маленькую толику правды, скрыв полное содержание документа, направленного Лениным 16 января 1922 г. в адрес трех лиц: И.С. Уншлихту — заместителю председателя ВЧК, самому Фомину — председателю Высшего совета по перевозкам, замнаркому путей сообщения, а также копии Н.П. Горбунову — управляющему делами СНК и СТО¹³. В письме отмечалось: «Мне пришлось на днях ознакомиться лично с состоянием автодрезин ВЧК, находящихся, очевидно, в совместном заведовании ВЧК и НКПС. Думаю, что и для ВЧК и для НКвоен абсолютно необходимы автодрезины (я слышал, что у ВЧК их 2) в Московском узле для очень быстрых поручений, посылки архиспешно и архиконспиративно небольших (5—10 чел.) отрядов и т.п.

Состояние, в котором я нашел автодрезины, хуже худого. Беспризорность, полуразрушение (раскрали очень многое!), беспорядок полнейший, горячее, видимо, раскрадено, керосин с водой, работа двигателя невыносимо плохая, остановки в пути ежеминутны, движение из рук вон плохо, на станциях простой, неосведомленность начальников станций (видимо, понятия не имеющих, что автодрезины ВЧК должны быть на положении особых литер, двигаться с максимальной быстротой не в смысле быстроты хода — машины эти, видимо, «советские», т.е. очень плохие, — а в смысле минимума простоя и проволочек, с военной аккуратностью), хаос, разгильдяйство, позор сплошной. К счастью, я, будучи инкогнито в дрезине, мог слышать и слышал откровенные, правдивые (а не казенно-сладенькие и лживые) рассказы служащих, а из этих рассказов видел, что это не случай, а вся организация такая же неслыханно позорная, развал и безрукость полнейшие». После такого ленинского вердикта все и всем должно быть ясно.

Последующая советская историография этого периода всегда оставалась поверхностно-скудной, обходясь всего лишь мимолетными упоминаниями о транспорте, «положение которого было тяжелым»¹⁴. Наиболее примелькавшимися стали следовавшие друг за другом издания «Истории Коммунистической партии Советского Союза», готовившиеся под руководством Б.Н. Пономарёва. Если в однотомнике 1960 г. было написано, что «народное хозяйство было разорено империалистической и гражданской войнами, иностранной военной интервенцией. Интервенты и белогвардейцы довели до развала железнодорожный транспорт»¹⁵, то в седьмом, дополненном, издании 1985 г. в той же самой фразе и вовсе обошлись без транспорта: «Народное хозяйство было разорено империалистической и гражданской войнами, иностранной военной интервенцией. Продукция крупной промышленности сократилась в 1920 году по сравнению с довоенным временем почти в семь раз. Из-за отсутствия топлива и сырья большинство предприятий стояло»¹⁶.

Совсем незначительно отличалась «История КПСС», заявленная в шести томах, из которых только пять были опубликованы (1964—1980)¹⁷. Ни партия коммунистов, ни историки, в этой партии состоявшие, не могли отказаться от марксистско-ленинской методологии, образцом воплощения которой является «Краткий курс». Это хорошо видно, когда читаешь во второй книге третьего тома следующий текст о состоянии РСФСР на начало 1920 г.: «Белогвардейцы и интервенты нанесли огромный урон экономике Советской республики. Страна задыхалась в тисках топливного кризиса, отягощавшегося разрухой на транспорте»¹⁸. Затем в первой книге четвертого тома: «Переход Советской страны к хозяйственному строительству начинался в обстановке крайней разрухи, вызванной империалистической войной, интервенцией и белогвардейской контрреволюцией... В тяжелом состоянии находился транспорт, было разрушено 1700 верст железнодорожных путей, 3672 железнодорожных моста; большая часть паровозов и около четверти всех вагонов оказались неисправными»¹⁹.

Здесь констатация «крайней разрухи» верна, а вот ее причины от истины далеки. Фомин еще в ноябре 1919 г. предвосхитил все приводимые версии, когда в секретном докладе для ЦК РКП(б), объясняя причины «разрухи и катастрофичность положения транспорта», написал: «Спрашивается, кто виновник всему этому. Нам скажут — четырехлетняя война. Но сказать это — значить (так в тексте. — *В.П.*) отмахнуться от самой сути вопроса... при этом нам неизвестно главное, что сделано КПС (Комиссариатом путей сообщения. — *В.П.*) в смысле улучшения, налаживания за эти два с лишним года существования Советской власти для того, чтобы сколько-нибудь наладить транспорт, улучшить его состояние»²⁰. С этим мнением не поспоришь.

Говоря об «империалистической и гражданской войнах», которые, естественно,несли разрушение, нельзя закрывать глаза на главное: именно Ленин в сентябре 1914 г. от имени «Центрального Комитета Российской С.-Д. Рабочей Партии» предложил «единственно правильный пролетарский лозунг» о «превращении современной империалистической войны в гражданскую войну»²¹. Месяц спустя названная партийная структура этот ленинский лозунг приняла²², а, захватив в октябре 1917 г. власть в России, реализовала его.

В анализируемом томе «Истории КПСС» без каких-либо комментариев к событиям, свидетельствующим о продолжавшейся деградации транспорта и после 1920 г., было заявлено, что «к началу 1923 года хозяйственное положение Советской страны заметно укрепилось... Постепенно восстанавливался железнодорожный транспорт».

Представители историко-партийного сообщества продолжали делать безосновательные выводы о том, что к концу 1925 г. якобы «укреплялись также такие командные высоты пролетарского государства в экономике, как транспорт». При этом, будучи близки к истине в том, что «экономика по-прежнему оставалась главной сферой борьбы между социализмом и капитализмом», они отмечали: «В итоге восстановительного периода была осуществлена в основном важнейшая задача — научиться вести хозяйство не хуже капиталистов. Это создавало условия для успешного решения в ближайшие годы вопроса «кто — кого?» в пользу социализма»²³. Но этого как раз и не получилось. Прав был Ленин, когда в марте 1922 г. при анализе годовичного периода хозяйственной деятельности сказал, что «за этот год мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать мы не умеем. Это основной урок»²⁴.

Советская историография также могла рассматривать проблему транспорта только через принципы марксистско-ленинской методологии. Базировались на ее прочном фундаменте и главная редакционная коллегия, а также авторский коллектив многотомного издания «История советского рабочего класса»²⁵. Причины разрушения транспорта, как и все хозяйственные неудачи, начавшиеся после прихода к власти большевиков и реально обусловленные советской социалистической системой производственных отношений, авторы находили в «гражданской войне, усиленной военной интервенцией империалистов». При этом, говоря об «огромном количестве неисправных паровозов и вагонов, а на реках — различных судов и барж» (что подтверждали статистическими данными о процентах неисправных паровозов, «дошедших в январе 1918 г. до 38, в мае — до 41; в 1919 г. он вырос до 52, в 1920 г. — до 58») при сравнении с 1916—1917 гг., когда доля неисправных паровозов не превышала 17 %, авторы фактически невольно свидетельствовали о бесперспективности навязываемой системы хозяйствования. В императорской России и даже при Временном правительстве в условиях мировой войны, но при рыночной экономике, все обстояло совершенно иначе. А вот в условиях большевистского режима «подъем» был только в нараставшем числе неисправных не только паровозов, но и вагонов. Если в 1916 г. таких было 5,5 %, то в 1918 их доля «поднялась до 11,6, в 1919 г. — до 18,8, в 1920 — до 23,9%».

Столь же плачевной была динамика перевозок на флоте, где «в 1919 году тоннаж транспортных судов составил 1/3 довоенного, а перевозки грузов — лишь 1/8 от показателей 1913 года»²⁶. На этом фоне слова о том, что «предметом особой заботы Коммунистической партии и Советского правительства было преодоление транспортного кризиса и возрождение транспорта», становятся признанием того, что именно большевиками он и был полностью разрушен. А приводимые данные о меньших объемах коммерческих перевозок, которые в 1925/26 г. составили 116,8 млн тонн грузов против 132,4 млн в 1913 г., оправдываются некими «объективными» причинами и, в частности, «условиями эксплуатации устаревших основных фондов». После этого следует текст о том, как «в 1921—1925 гг. строились железные дороги...», и «всего за эти годы было сдано в эксплуатацию 2,5 тыс. км новых железных дорог»²⁷, но только без ссылки на источники этих данных.

А цифры выглядят так: 1921 г. — 197 км, 1922 — 113 км, 1923 — 174 км, 1924 — 1463 км, 1925 — 459 км, а всего за пять лет — 2406 км, которые не могут идти в сравнение с тем, что было построено в военном 1915 г. — 3323 версты или в 1916 — 5074 версты²⁸.

По тем же методологическим «рельсам» следовали и историки-аграрники. Так, авторы многотомной «Истории крестьянства СССР» в единственном упоминании о положении транспорта в первом томе второй серии «Истории советского крестьянства» виновными транспортного коллапса «назначили»: «Спекулянтов и мешочников, сковававших и без того расстроенное железнодорожное движение»²⁹.

Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что в работах ряда зарубежных авторов, касавшихся изменений в российской экономике после прихода к власти большевиков, причинно-следственная взаимосвязь новых советских производственных отношений и хозяйственной деградации страны не всегда находила отражение. Так, например, в опубликованной в 1952 г. в Лондоне книге Э. Карра, говоря «об упадке промышленного производства при военном коммунизме», заявляет, что «дополнительной причиной упадка, являлся кризис на железнодорожном транспорте». И далее продолжает: «Из 70 тыс. верст железных дорог в европейской части России только 15 тыс. оставались неразрушенными в результате мировой и гражданской войн. Подвижной состав пострадал в той же пропорции; в конце 1919 г., когда кризис достиг своей наиболее критической точки, более 60% из общего числа 16 тыс. локомотивов были выведены из строя»³⁰.

Принципов иной, действительно научной методологии, придерживается американский историк Р. Пайпс. В последней части трилогии «Русская революция» он, говоря о «губительных последствиях экономических экспериментов новой власти», заключает, что «эти эксперименты разрушили до основания российскую экономику. В 1920—21 гг. в сравнении с 1913 г. промыш-

ленное производство упало на 82%, производительность труда до 74%». Цифры, отражающие катастрофические изменения в хозяйстве страны по двум базовым показателям, верны. При этом существенно, что Пайпс вскрывает уловку большевиков, которые в свое оправдание говорили о «потребностях, якобы вызванных гражданской войной и иностранной интервенцией», и делает адекватный вывод, что «эта политика в действительности была продиктована не столько экстренными потребностями военного времени, сколько стремлением в самый кратчайший срок во что бы то ни стало построить коммунистическое общество».

Страна становилась заложницей большевиков, а транспортная катастрофа всего лишь одним из следствий их иррациональной хозяйственной деятельности. Убедительным примером, приведенным Пайпсом, является колоссальное раздувание штатов. Уже через три года советской власти «на транспорте при общем спаде производительности до 80% и неизменившемся числе рабочих штат чиновников увеличился на 75%. Если в 1913 году на один километр дороги приходилось 12,8 человек, считая вместе и служащих и рабочих, то в 1921 году на выполнение той же работы требовалось уже 20,7 железнодорожников»³¹.

Столь удручающая картина российского транспорта обусловила нечастое обращение советских историков к этой теме. Поэтому, выделяя небольшую по объему коллективную монографию под редакцией А.Г. Мушрубца³², надо заметить, что она соответствовала всем критериям марксистско-ленинской методологии, рассказывая об успехах в развитии транспорта в советское время, хотя к середине 1980-х гг. по техническим критериям и эксплуатационным показателям он на порядок отстал от мировых лидеров, да и сейчас задача сокращения такого разрыва остро стоит перед российскими транспортниками.

Содержание двух первых глав этой работы, охватывающих период с конца 1917 и по 1925 г., чем-то принципиально иным от советской историографии не отличалось. В связи с этим нет смысла детально их анализировать.

В 1997 г. под грифом Петербургского государственного университета путей сообщения была опубликована двухтомная «История железнодорожного транспорта России и Советского Союза». Ее авторы в характере изложения материала сохранили прежнюю советскую традицию. Надо заметить, что периоду 1917—1928 гг. в книге посвящено всего 36 страниц. Кроме того, нельзя не заметить манипуляций с такими элементами научного исследования, как «причина» и «следствие». Даже верные данные, например, представленные в таблицах «Работа железнодорожного транспорта в 1918—1919 гг.» или «Показатели использования подвижного состава в грузовом движении в 1918—1920 гг.», будучи многократно меньшими относительно 1913 г., авторами «связывались с разрухой в стране и расстройством транспортных связей». На самом деле это было не причиной, а следствием разрушительной деятельности большевиков, реализовавших свои утопические замыслы. В связи с этим очень странным выглядит, с одной стороны, утверждение о том, что «тем не менее, наметилось некоторое улучшение работы транспорта», а с другой — признание: «В исключительно плохом состоянии находились подвижной состав и путевое хозяйство железных дорог... Перевозка грузов по сравнению с довоенным временем сократилась более чем в три раза», подтверждавшееся свидетельским доводом, что «в декабре 1922 г. на станциях можно было видеть «буквально кладбища поломанных паровозов и вагонов»».

Повторением прежнего советского клише осталось и увязывание политики «военного коммунизма» с гражданской войной без упоминания о том, что она являлась необходимым элементом ленинских планов перехода к социализму, им же реализованных на практике. Довольно скудной предстает источниковая база книги, о чем говорит наличие только трех ссылок на архивные фонды в первой главе, а во второй — их полное отсутствие. В книге делается акцент на разного рода планы, задачи, реорганизационные мероприятия при одновременной недоговоренности в оценке полученных результатов.

Авторы книги утверждают, что «в 1926 г. транспорт по большинству показателей превзошел довоенный уровень»³³, но не упоминают о том отчаянии, с каким председатель ВСНХ Дзержинский 20 июля 1926 г. на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) поставил вопрос перед заместителем

председателя СНК Л.Б. Каменевым: «Почему он не рассказал нам о том, что... мы ведем наше хозяйство страшнейшим образом бесхозяйственно?»³⁴.

Еще в 1815 г. Н.М. Карамзин определил «удел Истории... быть верным зеркаломъ минувшего». Особо выделив то, что «Гражданская История не терпит вымысловъ, изображая, что есть или было, а не что быть могло», он обозначил задачи, стоящие перед историком, который «должень знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится и малому не давать правъ великаго»³⁵. Непременным условием возвращения к этому исходному принципу — «открывать великое, где оно таится и малому не давать прав великаго» — является отказ от марксистско-ленинской методологии.

Оценивая публикации по транспортной проблематике, появившиеся в первом десятилетии XXI в., надо заметить, что в них чаще всего отсутствуют упоминания об используемой авторами методологии. Вместе с тем, акцент нередко делается на какие-то выискиваемые недостатки именно досоветской эпохи, примером чему является статья О.Н. Елютина. В ней даже неопровержимые достижения, например, то, что «за 1908—1913 гг. количество паровозов на дорогах увеличивалось, автор пытается перечеркнуть уточнением «только» на 387 машин (2,6%)». С этой же целью он пишет: «причем примерно $\frac{1}{4}$ часть парка эксплуатировалась дольше положенного срока службы», не осознавая того, что в этом отразилась надежность тех локомотивов. Признавая «рост вагонного парка», автор делает оговорку о том, что он, «хотя и был более значителен, также отставал от потребностей страны». Все это вызывает горькое сожаление, чему не может служить оправданием то, что столь изощренная стилистика была заимствована из публикации некоего А.Л. Сидорова еще 1948 года.

В финале статьи без критического осмысления дается ссылка на «докладную записку председателя Государственной думы М.В. Родзянко, посланную им в феврале 1917 г. Николаю II», хотя далее сам автор констатирует: «Родзянко надеялся, что картина нарисованного им кризиса заставит Николая II пойти на ряд политических уступок»³⁶. Таким образом, при отсутствии сопоставления с тем, что станет происходить с российским транспортом после 1917 г., логика изложения материала с акцентом на изъянах предшествующих лет делает публикацию научно малопродуктивной.

Но в те же самые 2000-е гг. интерпретация состояния российского транспорта имела и иной характер, который зримо предстал в грандиозных достижениях на 200-летнем отрезке истории, начиная с Манифеста Императора Александра I об учреждении «Главного управления водяными и сухопутными сообщениями и Института Корпуса инженеров путей сообщения» от 20 ноября 1809 года. Так, в кратком очерке Т. Максимовой наряду с крупнейшими железнодорожными проектами были названы некоторые их авторы и талантливые организаторы³⁷.

В статье П. Фёдорова, не обошедшего вниманием трудности с проектированием, а затем и строительством в годы первой мировой войны железной дороги через Заполярье от Петрозаводска до нового российского города Романова-на-Мурмане (Мурманска), представлены результаты «первостепенной государственной важности», которые сопоставимы со всемирно признанными проектами. С удовлетворением можно воспринимать сравнение этой стройки с Дарданеллами, а также документальные свидетельства о том, что «на строительстве Мурманской железной дороги действительно были достигнуты беспрецедентные в мировой практике темпы прокладки рельсового пути: в среднем по 52,5 км в месяц. Более чем 1000-километровое полотно было уложено за 20 месяцев!»³⁸

В связи со 120-летием начала и 95-летием завершения строительства Транссиба отмечалось, что масштабы и качество решения различного рода и уровня задач — стратегических, социальных, инфраструктурных и коммуникационных — в этом проекте имеют непреходящее общечивилизационное значение. Реализация проекта осуществлялась невиданными в истории темпами, что достигалось сдачей отдельных участков, по которым сразу же начиналось движение поездов. Так, если к зиме 1893 г. было построено 413 километров пути, то в 1894 г. — 891 км, а еще через год — более 1340. Вокзалы (каменные — в больших городах, деревянные — в малых) и привокзальные постройки, как правило, возводились заранее, до прихода первого поезда.

Мосты, вокзалы, локомотивные депо и водонапорные башни не только соответствовали своему практическому назначению, но и отвечали высоким эстетическим требованиям. Многие из них впоследствии были признаны памятниками архитектуры. Не были забыты и духовные потребности населения. На средства Фонда имени Императора Александра III для переселенцев за 1897—1902 гг. вдоль Транссиба выстроили 218 церквей и 184 школы на 8 тыс. мест, некоторые из которых работают и поныне.

Все это было действительным «русским чудом», потому что разработка и ввод в действие этого уникального проекта, даже по меркам сегодняшнего дня, явилось событием мирового цивилизационного уровня. Россия входила в XX в. ведущей железнодорожной державой. Неслучайно именно Транссиб стал главным российским брендом на Всемирной промышленной выставке 1900 г. в Париже. В визуальном материале экспозиции основное внимание уделялось людям — от простых рабочих до руководителей дороги. Человеческий капитал был неотъемлемой и самой ценной частью данного проекта. Его завершающим этапом стала сдача в эксплуатацию моста через Амур в Хабаровске, открытие движение по которому было приурочено к 5 (18) октября 1916 г. — дню рождения наследника престола цесаревича Алексея³⁹. Так, по существу за короткий исторический срок (1891—1916 гг.) был проложен уникальный транспортный коридор из центра страны до Тихого океана.

Россия и в условиях войны не остановилась в своем развитии. Но грянул 1917 г., и вслед за февральско-мартовским переворотом начались деградирующего характера изменения в экономике страны. В достаточно подробном анализе основных мероприятий Временного правительства по железнодорожному транспорту, который провел А.С. Сенин в статье «Железные дороги в марте-октябре 1917 г.: от кризиса к хаосу», не отмечено ничего, что дало хотя бы какой-то положительный эффект. Его верную оценку деятельности Министерства путей сообщения, возглавлявшегося Н.В. Некрасовым, а затем П.П. Юреневым и А.В. Ливеровским, можно выразить короткой авторской фразой: «после Февральской революции говорить о доходности уже не приходилось», а вот «в предвоенные годы железные дороги общего назначения не только полностью покрывали свои эксплуатационные расходы, но и приносили немалый чистый доход».

Такой довод неоспорим, хотя нельзя не обратить внимания на то, что в начале статьи приведено обличающее царское правительство высказывание революционного министра путей сообщения Некрасова о том, что якобы «железнодорожное хозяйство в России было при царизме доведено «до полного расстройтва», так что спасти ситуацию могли лишь крупные мероприятия»⁴⁰, хотя именно «крупные мероприятия» революционных министров, как это и показал Сенин, обернулись хаосом для железнодорожного хозяйства.

Еще более ситуация в этой отрасли усугубилась тогда, когда в октябре 1917 г. к власти в России пришли большевики. Их административные усилия, нивелируясь порочностью социалистических производственных отношений, лишь усугубляли положение трудящихся масс. Их тяготы по заготовке топлива, в том числе для функционирования железных дорог, на примере Среднего Поволжья нашли отражение в статье Е.В. Воейкова⁴¹.

Для преодоления тяжелейшего кризиса в транспортной отрасли, что видно из статьи английского исследователя Э. Хейвуда, СНК РСФСР пошел еще и на беспрецедентные траты по железнодорожному импорту. Контракты НКПС, подписанные в 1920—1921 гг., оцениваются от 202 до 250 млн в золотых рублях, что составляет примерно 50% всех расходов. Следующими по объему шли военные расходы — около 20% — и только 11,53% — продовольственный и тому подобный импорт. При этом сравнение паровозного парка по состоянию на 1 октября 1925 г. с 1913 г. показывает, что его состояние стало намного хуже: в 1925 г. более 50% локомотивов побывало в ремонте или еще ожидало его по сравнению с 16,8% таковых в 1913 году. Ухудшились и другие показатели: если пик отечественного производства паровозов в 1906 г. составлял 1266 единиц, то теперь он опустился до 448 единиц в год⁴².

В завершение можно констатировать, что с момента появления первых публикаций об изменениях на российском транспорте с конца 1917 и до середины 1920-х гг., хотя отдельные

аспекты и исследовались, но работы обобщающего характера, не отягощенной издержками марксистско-ленинской методологии, до сих пор нет. Именно на решение этой проблемы, не прекращая разработки и частных задач, стоит направить свои усилия тем специалистам, научные интересы которых обращены к данной тематике.

Примечания

1. ФОМИН В. Пятилетие советского транспорта, 1917—1922 гг. и его ближайшие перспективы. М. 1922 (обл. 1923).
2. Там же, с. 4—5.
3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 6938. оп. 1, д. 7. л. 66об.
4. ФОМИН В. Ук. соч., с. 5.
5. ДЗЕРЖИНСКИЙ Ф.Э. Доклад на втором Всероссийском съезде работников железнодорожного и водного транспорта. 3 октября 1922 г. В кн.: Избранные произведения. Т. 1. М. 1957, с. 332—336.
6. ФОМИН В. Ук. соч., с. 6.
7. Декрет о сокращении численности армии. 10 (23)ноября. Декреты Советской власти. Т. 1. М. 1957, с. 66—67.
8. ФОМИН В. Ук. соч., с. 7—9, 18—19, 28—29.
9. ЕГО ЖЕ. В.В. Ленин и транспорт. В кн.: Встречи с Лениным. Воспоминания железнодорожников. М. 1962, с. 225—268.
10. ЕГО ЖЕ. Ленин и транспорт. М. 1973, с. 3—5, 68, 70.
11. Там же, с. 47.
12. Там же.
13. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. М. 1982, с. 120—121.
14. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1955, с. 229.
15. История Коммунистической партии Советского Союза. М. 1960, с. 320.
16. История Коммунистической партии Советского Союза. М. 1985. с. 288.
17. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1—5. М. 1964—1980.
18. Там же. Т. 3. Кн. 2. М. 1968, с. 373.
19. Там же. Т. 4. Кн. 1. М. 1970, с. 9—10.
20. РГАЭ, ф. 6938. оп. 1. д. 7, л. 52.
21. ЛЕНИН В.И. Война и российская социал-демократия. Полн. собр. соч. Т. 26. М. 1961, с. 22.
22. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 1. М. 1983, с. 461—467.
23. История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4. кн. 1. с. 376.
24. ЛЕНИН В.И. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта (1922 г.). Полн. собр. соч. Т. 45. М. с. 80.
25. История советского рабочего класса. Т. 1—5. М. 1984—1988.
26. Там же, т. 1, с. 309—310.
27. Там же, т. 2, с. 59—60.
28. Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1883 по 1990 гг. М. 1996, с. 51—103.
29. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Т. 1. М. 1986, с. 62.
30. КАРР Э. История Советской России. Кн. 1. М. 1990, с. 554—555.
31. ПАЙПС Р. Россия при большевиках. М. 1997, с. 443—444, 527.
32. Развитие советского железнодорожного транспорта. М. 1984.
33. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. СПб.-М. 1997, с. 19—20, 25—27, 44.
34. ДЗЕРЖИНСКИЙ Ф.Э. Речь на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 20 июля 1926 г. Избранные произведения. Т. 2. М. 1977, с. 505.
35. КАРАМЗИН Н.М. История Государства Российского. Репр. воспр. изд. 1842—1844 гг. Кн. 1. М. 1988, с. XII.
36. ЕЛЮТИН О.Н. «Золотой век» железнодорожного строительства в России и его последствия. — Вопросы истории. 2004, № 2, с. 47—57.
37. МАКСИМОВА Т. Дороги, без которых нам не жить. — Родина. 2009, № 11, с. 105—107.
38. ФЁДОРОВ В. Вторые Дарданеллы. — Родина. 2008, № 6, с. 84—86.
39. Стальной пояс России. — Родина. 2011, № 5, с. 58, 63; Русское чудо. — Там же, № 8, с. 119—121; Врываясь в даль, работал поезд. — Там же, № 10, с. 66—68.
40. СЕНИН А.С. Железные дороги в марте-октябре 1917 г.: от кризиса к хаосу. — Вопросы истории. 2004, № 3, с. 32—56.
41. ВОЕЙКОВ Е.В. Топливная трудовая повинность в Среднем Поволжье в 1918—1921 гг. — Вопросы истории. 2009, № 1, с. 96—105.
42. ХЕЙВУД Э. Российская железнодорожная миссия за границей в 1920—1923 годах. — Родина. 2012, № 8, с. 96—99.

Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Под редакцией П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М. Изд-во Ипполитова. 2014. 765 с.

(Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». — Вып. 4).

Рецензируемый сборник включает статьи участников заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»¹ (в том числе международных круглых столов «Крестьянство и власть в истории России XX века»², «Сталинизм и крестьянство» — I³, «Сталинизм и крестьянство» — II⁴) и материалы этих мероприятий⁵.

Позиции представителей общественных наук — как российских, так и зарубежных — далеки от консенсуса по всему комплексу рассматриваемых вопросов. Было бы чересчур смело утверждать даже о наличии двух-трех господствующих концепций, настолько велик разброс взглядов, хотя полярные позиции и можно выделить. Краткое резюме этих контрастных подходов содержится в сборнике в историографической статье Н.А. Серогодского (с. 193—203). Предложенный вниманию читателей жанр — сборник работ, опирающийся на материалы многосторонних дискуссий, проводившихся в рамках «круглых» столов, — наилучшим образом отвечает нынешнему уровню понимания проблемы научным сообществом. Круг участников этих дискуссий широк — в них вовлечены представители многих институтов РАН, десятков вузов, ряда архивов, различных общественных организаций. Широким это участие является и по географическому охвату — помимо российских ученых, мы видим среди авторов сборника представителей Украины, Беларуси и Великобритании. Составителям сборника удалось привлечь многих известных историков и представителей других общественных наук, что обеспечило широкий и в то же время содержательный анализ большой совокупности проблем, касающихся судеб российского крестьянства в XX веке.

Несмотря на значительно расширившуюся источниковедческую базу и отсутствие необходимости строго придерживаться неких официальных идеологических постулатов, изучение вопросов резких изменений судьбы российского крестьянства в прошлом веке стал-

кивается с крайне неоднозначным, а подчас и весьма расплывчатым толкованием ряда исторических феноменов. Так, у авторов нет какой-либо однозначности в понимании категории «Сталинизм», вынесенной в заголовок сборника и являвшейся непосредственно заданным предметом дискуссии. Многие из них даже оставили эту важнейшую категорию без какого-либо определения, ограничившись лишь принятием ее как определенной хронологической рамки.

Сталинизм трактуется то как специфика политической практики самого Сталина и его окружения; то как политико-идеологическая направленность деятельности всей большевистской партии и советского государства, нашедшая в действиях Сталина наиболее концентрированное выражение; то как последовательное воплощение марксистской идеологической доктрины. Первый подход представлен в статье А.В. Чертищева: «Под сталинизмом следует, на наш взгляд, понимать теорию и практику управления всеми сферами жизни общества, основанных на тотальном насилии, тотальном упрощении и тотальной лжи» (с. 224). Однако другими участниками дискуссии определения даются подчас настолько расплывчатые, что специфика собственно сталинизма размывается. Такого рода определение присутствует у Д.И. Люкшина: «...Под сталинизмом в рамках заданной темы мы будем понимать систему мероприятий и их теоретико-концептуальное — в том числе идеологическое — обоснование по организации государственного контроля в аграрной сфере, претендовавшей со времен общинной революции на некоторую автономию» (с. 124). Иногда в определение сталинизма включаются одновременно как серьезные социально-экономические обоснования, так и довольно-таки произвольные допущения, как, например, у С.Ю. Разина: «Сталинизм, на мой взгляд, следует рассматривать как политику проведения форсированной модернизации, включающей в себя в качестве

двух взаимосвязанных элементов индустриализацию и коллективизацию, в условиях продолжающейся гражданской войны и начавшегося формирования союзной государственности» (с. 557). Вопрос о форсированной модернизации, несомненно, является одним из ключевых в историческом понимании природы сталинизма, но вряд ли его стоило смешивать с явно неточно сформулированным распространением гражданской войны на весь период 1920-х — 1930-х годов.

Одновременно в сборнике предпринимаются поиски глубинных исторических корней сталинизма. Их ищут и в традициях деспотизма, свойственных российской политической системе на протяжении столетий, и в патриархальном мире крестьянской общины как основе этого деспотизма, и в мировоззрении большевиков, и в насущных исторических задачах модернизации страны.

Сложность вопроса заключается в том, что каждый из этих подходов в той или иной мере приближается к истине, но, подвергаясь абсолютизации, отрывается от нее. Так, было бы нелепым отрицать влияние на политическую практику большевиков марксистских идей, пересаженных на российскую почву и соответствующим образом переосмысленных, в духе как имевшихся традиций общественного сознания, так и практических проблем, которые ставила перед правящей партией советская действительность. Но, превращая этот несомненный факт в утверждение, что марксистская доктрина не могла воплотиться в жизнь иначе как путем создания «агроулага», и что этот «агроулаг» есть непосредственная реализация марксистских идей, мы не приближаемся к истине, а отдаляемся от нее.

Более ясное понимание, которое может явиться основой для сопоставления научных концепций, а не просто мнений, требует выяснения взаимодействия и субординации тех объективных и субъективных факторов, из которых складывался феномен сталинизма; проведения сложной работы как по отделению друг от друга исторически объективного и субъективно привнесенного, так и по выяснению меры и степени взаимного влияния субъективных и объективных факторов в историческом процессе формировании сталинизма.

Одним из центральных полей дискуссии является выяснение вопроса о том, в какой мере архаические черты полупатриархальных общин русского крестьянства оказали влияние на формирование сталинизма; в какой степени эти черты были использованы Сталиным в политике давления на крестьянство, а в какой сами стали составной частью сталинской политики и нового образа жизни коллективизированного крестьянства. Известно, что архаичные крестьянские общины выступают в истории той социальной платформой, на которой вырастают различные формы деспотизма. В связи с этим несомненный интерес представляет собой обсуждение в статье В.В. Бабашкина (с. 38—48) концепции «аграрного деспотизма» М.Л. Левина, в которой сделан акцент на преемственности применявшихся в 20-е — 30-е гг. XX в. командно-бюрократических методов принуждения по отношению к крестьянству, унаследованных от царской России. Другие участники дискуссии так же нередко ссылались на разобщенность общин, на индивидуализм крестьянина, сочетавшийся с неприятием индивидуального успеха, на веру крестьян в государственный патернализм как основу воздвигавшейся над ними деспотической надстройки. Это хорошо показано в статье В.В. Зверева (с. 83—96).

При всей справедливости таких наблюдений сложно объяснить сталинский деспотизм только этим — ведь сталинская политика вела как раз к преобразованию общины и замене ее другими формами социальной организации, связанными с отходом от прежнего патриархального быта. Тем не менее, черты схожести с формами добуржуазного деспотизма обнаруживаются в конструкции сельского образа жизни, создаваемой коллективизацией — недаром участники дискуссии приводят крестьянскую расшифровку аббревиатуры ВКП(б): «второе крепостное право большевиков». Можно сослаться хотя бы на практически неоплачиваемую в массе колхозов работу в общественном хозяйстве (аналог барщины) в противоположность служившей долгое время главной экономической основой существования колхозной семьи работе на своем приусадебном участке (аналог надела крепостного крестьянина).

Подобные черты быта советских колхозников (плюс административно-правовое зак-

репление их за колхозом) дали основание В.А. Бондареву характеризовать колхозное крестьянство, во всяком случае, в сталинский период, как квазисословие (с. 49—57). В то же время колхозная система была вовсе не тождественна феодально-крепостническим порядкам, несмотря на просматривающиеся параллели. На это указывает Чертищев: «Термины “феодализм”, “барщина”, “община” вряд ли применимы к колхозной системе из-за большой социальной мобильности, текучести, возможности увильнуть от работы, уйти в город на стройки пятилетки» (с. 233).

Поэтому нельзя обойти стороной вопрос о том, что при всех издержках сталинской аграрной политики она имела на селе и сторонников. В.В. Кондрашин даже видит в российских крестьянах чуть ли не приверженцев коммунистической идеологии (как тут не вспомнить Бакунина или Ткачёва), правда, весьма своеобразно трактуемой: «И здесь, несомненно, влияние коммунистической идеологии, обосновавшей необходимость насилия над крестьянством, оправдавшей его жертвы “светлым будущим”... При всей своей утопичности она оказалась ближе советскому крестьянству, по сравнению с рыночными идеалами П.А. Столыпина, поскольку совпадала с многовековыми общинными представлениями крестьян о социальной справедливости» (с. 102). В своем выступлении на «круглом столе» Кондрашин обратился к поиску уже гораздо более реалистичных корней поддержки коллективизации среди части крестьянства, ссылаясь на книгу японского историка Х. Окуды о социальной базе сталинизма: «По его мнению, разделяемому нами, в деревне и городе это была молодежь, воспитанная Советской властью, ориентированная на новую жизнь, образование, карьеру в рамках “нового курса”. Сама советская деревня была “молодой”. По переписи 1926 г. 60% ее населения составляли люди моложе 30 лет» (с. 278).

Более взвешенно оценки позиции крестьянства в период аграрных преобразований Советской власти резюмируются М.М. Кудюкиной: «К концу 20-х гг. крестьянство пришло расколотым, у Советской власти были как активные сторонники, так и убежденные противники, но большая часть крестьян продолжала относиться к власти как к силе, к которой не-

обходимо приспособляться. Именно их позиция предопределила в конечном итоге “победу” колхозного строя» (с. 347). Можно согласиться и с выводом А.В. Гордона: «Воплощал ли сталинизм особенности крестьянской психологии и крестьянского сознания или манипулировал ими? Мне кажется, что чаще стоял вопрос именно о манипуляции» (с. 633).

Одной из составляющих вопроса о роли архаических черт крестьянства в формировании сталинизма является и вопрос о том, была ли сталинская колхозная система полным разрушением традиционной общины или же ее трансформацией? И если ни один из этих вариантов не является однозначно верным, то в какой мере сочетались черты того и другого? Трудность ответа на этот вопрос коренится, в том числе, и в отмеченном выше факте — недостатке у участников дискуссии точно определенного понимания самого феномена сталинизма. Во многом в зависимости от его толкований находится и ответ на вопрос о судьбе общины, который и сам по себе таит немалые сложности: невозможно отрицать ни разрушения общинных порядков коллективизацией, ни использования большевистским руководством некоторых из них, ни воспроизведения ряда функций общинного самоуправления на иной — административно-командно-управленческой платформе.

Особую остроту столкновение полярных точек зрения приобретает, когда речь заходит об оценке исторической неизбежности преобразования русского крестьянского мира. Невозможно отрицать саму необходимость преобразования полупатриархального мелкокрестьянского производства в интенсивное высокотоварное. Однако на этом основании нельзя представлять сталинское решение крестьянского вопроса единственно возможным и находить в этом некое полуоправдание насильственным методам, повлекшим за собой значительные жертвы в ходе коллективизации и раскулачивания. В этом смысле характерна позиция П.П. Марченя, колеблющегося между названными постановками проблемы. Сначала он находит в сталинском решении аграрного вопроса черты крестьянской общинной утопии и заявляет, что замысел коллективизации был не вполне чужд российскому крестьянству (с. 600—602). Затем вполне право-

мерно задает риторический вопрос: «Что лучше: обличать “крестьяноборческую” антиутопию сталинского режима или воспевать сталинскую Россию как страну победившей крестьянской утопии (пусть и возглавила ее “антикрестьянская” власть)?» (с. 602). Сам он, похоже, склоняется к последнему варианту, подытоживая свое выступление в дискуссии еще одним вопросом: «Все аграрные историки... ну разве что только ленивый не попытается обыграть безумные, кошмарные цифры жертв сталинского режима. Но хоть кто-нибудь попробовал посчитать, каких жертв удалось избежать этой ценой?» (с. 630).

Вопрос этически сомнительный, однако исторически вполне правомерный. Вот только в качестве ответа напрашивается контрвопрос: «Кто доказал, что мы заплатили верную цену, что все эти жертвы были необходимы?». Вопреки распространенному мнению, я полагаю, что масштаб реальных жертв оказался несравненно выше, чем требовалось для осуществления реализованного замысла коллективизации деревни. Тут сказались как крайности бюрократизации системы управления, так и субъективные просчеты правящей верхушки, основанные на ее преувеличенном самомнении и пренебрежительном отношении к науке вообще и к марксистской теории в частности. Простое следование первоначальным расчетам пятилетнего плана и в отношении коллективизации, и в отношении темпов промышленного роста, привело бы к концу второй пятилетки практически к тем же результатам в создании крупного общественного хозяйства, что и были достигнуты, но без диких скачков, судорог административного произвола, массовых репрессий, огромных экономических потерь и т.п. Лишь горький опыт 1930—1933 гг. как в сельском хозяйстве, так и в промышленности заставил Сталина осторожнее относиться к объективным социально-экономическим закономерностям.

Фактическое признание всеми участниками дискуссии ключевой роли проблемы модернизации российского общества в понимании судьбы крестьянства не помешало неоднозначным трактовкам содержания советской модернизации. Некоторые авторы с большим сомнением рассматривали революционные процессы первой трети XX в. в СССР в каче-

стве «правильной» модернизации, указывая на наличие, с их точки зрения, контрмодернизационных тенденций. Так, Гордон замечает: «Модернизация, как переход от традиционного общества к модерности, включает разрыв с натуральным хозяйством и развитие товарно-денежных отношений, а соответственно обеспечение этих отношений утверждением права собственности. И здесь все обстояло ровно наоборот» (с. 60).

Совершенно иначе смотрит на оценку модернизационных процессов в Советской России А.В. Михайлюк, и здесь сказывается не просто разница в точках зрения, но различие в методологических подходах, а может быть, и в мировоззрении: «Основной причиной революции в России стал кризис модернизации, совпавший с системным кризисом всей западноевропейской цивилизации, проявлением которого стала первая мировая война. Революция, по словам Т. Шанина, впервые поставила под сомнение универсальность западноевропейского опыта для остального человечества, доказала, что природа российского общества отличается от той, которую допускали разные теоретики и общественные деятели» (с. 148).

Объективная необходимость модернизации аграрной экономики периода нэпа обосновывается и в такой достаточно редкой еще для наших историков форме как компьютерное моделирование. По данным Л.И. Бородкина (с. 333 и далее), результаты этого моделирования показывают, что базой для форсированной индустриализации нэп служить не мог.

Не меньшие споры вызвала и дилемма «раскрестьянивание или окрестьянивание?» в оценке социальных последствий коллективизации. Не отрицая в целом факта постепенной трансформации или даже исчезновения крестьянства как социального слоя, некоторые авторы заострили внимание на противоположной тенденции — на закреплении черт общинного крестьянства в колхозах и переносе крестьянской ментальности в города. Говорилось даже, что происходила не столько «урбанизация», сколько «рурализация». Наиболее резко эту точку зрения выразил Михайлюк. Сначала он оговорился: «Модернизация всегда болезненна для крестьян. Рынок и капитализм “убивает” мелких землевладельцев

с их специфическим образом жизни и менталитетом» (с. 145). Однако затем ход его мысли пошел совсем в иную сторону: «Представляется, что коллективные формы производства, несмотря на принудительность их внедрения и связанные с этим эксцессы, выступали не как средство разрушения, а именно как средство защиты крестьянства от тех трудностей, которые приносит крестьянину рыночная действительность... При всех внешних и поверхностных изменениях “ядро” крестьянской культуры сохранилось» (с. 150—151). Более взвешенно к трактовке этого вопроса отнеслись участники первого круглого стола, которые пришли к выводу, что хотя крестьянская ментальность оказывала существенное влияние на социальную психологию первого поколения переселенцев из деревни в город, однако крестьянин в городе по образу жизни уже перестает быть крестьянином, а следующее поколение окончательно урбанизируется (с. 301—304).

Столкновением мнений характеризуется и выяснение вопроса о том, было ли «раскрестьянивание» сталинской эпохи, сопровождавшееся немалыми человеческими жертвами, чем-то из ряда вон выходящим, или здесь сказались общие закономерности исторического процесса, свойственные многим странам? Отсюда вытекает и вопрос о том, как оценивать судьбу социального слоя российского крестьянства в XX веке.

Наиболее категоричную оценку коллективизации и созданным ею аграрным порядкам дал на одном из «круглых столов» Люкшин, заявив: «В этой аудитории нет нужды доказывать, что голодовки возникали не сами по себе. Они были спланированы большевиками, ими проводились и — дали желаемые для государства результаты. С этой позиции, развязанную большевиками “Великую деревенскую войну” можно признать выигранной, а миллионы трупов — допустимыми потерями» (с. 554). С таких позиций аграрные преобразования сталинского периода предстают как крестовый поход против собственного народа, одновременно иррациональный, вытекающий из идеологических догм, и цинично-прагматичный, основанный на желании любой ценой вытянуть из деревни ресурсы для индустриализации.

Такая позиция, разделяемая рядом других участников, находит в сборнике своих оппонентов. Так, Кондрашин, признавая трагичность судьбы российского крестьянства, смотрит на причины этой трагедии совершенно иначе: «Прежде всего, очевиден факт исторической неизбежности трагедии крестьянской страны, вставшей на путь индустриальной модернизации. Сталинский режим осуществил ее, но не был пионером в этом деле. Антикрестьянский характер аграрной политики, связанный с необходимостью индустриализации страны и коммерциализации сельского хозяйства, был характерен и в эпоху отмены крепостного права, и в пореформенный период, в том числе в годы столыпинской аграрной реформы» (с. 100). Далее Кондрашин ссылается на исторические прецеденты в других странах: британские огораживания, голодовки в Ирландии, трагедию крестьянства Вандеи и т.д. (с. 101—102). Его поддерживает В.Т. Логинов: «У нас очень многие любят противопоставлять то, “как у нас было плохо”, тому, как “на Западе все было хорошо”, потому что там происходил естественный, эволюционный процесс. Наверное, это от неосведомленности. У нас, к примеру, не было такого демократического документа, как “Билль о правах”, по которому обезземеленным крестьянам можно было отрезать уши, чтобы не шастали они по стране. В Ирландии в период раскрестьянивания разразился голод, от которого погибло около миллиона человек» (с. 328).

Ряд выступавших вообще не признавали постановки вопроса об исторической закономерности раскрестьянивания. Бондарев категорически заявил: «Когда сегодня некоторые историки говорят о том, что коллективизация была исторически оправдана, то мне кажется, что это страшно. В стране и так много сталинистов. Я, честно говоря, даже не понимаю, почему их так много» (с. 304). И далее он патетически восклицает: «Если мы не дадим однозначно отрицательный ответ на вопрос о том, нужна ли была коллективизация или не нужна, то деревню мы потеряем» (с. 306).

Один из авторов (Чертищев), резко отрицательно относящихся к практике сталинизма вообще и к его аграрной политике в час-

тности, контрастирует с большинством единомышленников, демонстрирующих единодушное «крестьянолюбие», вместе со сталинизмом обрушивая филиппики и на крестьянство, подытоживая: «...все это вряд ли дает основание считать крестьянство цивилизационным фундаментом России», и добавляет: «Крестьянство следует с полным основанием считать могильщиком Российской Империи» (с. 387).

При всей верности некоторых наблюдений автора, его тезисы несут на себе печать абсолютизации избранных сторон характеристики российского крестьянства, а потому и приводят к искажающим реальность выводам. Как будто для контраста с этой позицией некоторые крестьяноведы приходят чуть ли не к сакрализации предмета изучения, наделяя его всеми мыслимыми добродетелями, а сокращение численности и трансформацию крестьянства рассматривают как трагедию. Так, А.И. Шевельков с очевидной печалью констатирует: «Шел постоянный процесс сокращения сельского населения. В 1926 г. сельское население СССР составляло 82%, 1939 г. — 67%; 1959 г. — 52%, 1970 г. — 44%, 1979 г. — 38%, 1990 г. — 34%» (с. 588). Что же он скажет тогда о развитых странах, где фермерство (которое уже нельзя полностью отождествлять с крестьянством), составляет от 1 до 5% населения? Почему-то об этой «трагедии» многие плакальщики о судьбе российского крестьянина не вспоминают.

Закономерным представляется наличие в сборнике весьма странных (если не выражаться сильнее) суждений многих признанных специалистов относительно роли марксистской идеологии в сталинском решении аграрного вопроса. К счастью, марксизм давно уже утратил в нашей стране неприкосновенность, его можно и нужно критиковать. Правда, для этого его нужно хотя бы знать, чем многие авторы, взявшиеся рассуждать о роли марксизма, отнюдь не грешат. За марксизм они выдают в лучшем случае собственные фобии относительно прослушанных в студенческие годы курсов «научного коммунизма» и «истории КПСС», в худшем — полицейскую точку зрения на марксизм, сформулированную еще в XIX в., правда, интеллигентно интерпретированную.

Подобный подход формулирует Чертищев: «Мировоззренческие интенции марксистской теории импонировали деспотической природе Сталина, потому что он правильно понял его социальную сущность как просвещенного патернализма, закреплявшего право одних, “просветленных”, классов присваивать себе жизнь, счастье и мысли других, “непросветленных” классов» (с. 231). Ему вторит Гордон: «Нет, я не хочу сказать, что сталинизм во всех отношениях был марксизмом. Скажем, в национальном вопросе очень спорно, что сталинизм — и в начале, и особенно в конце — был марксистским подходом. А вот в аграрно-крестьянском вопросе — по-моему, нормально. Это был марксизм эпохи реализации социалистического идеала, утопии, программы» (с. 633). Разумеется, марксизм смотрел на крестьянство как на исторически отмирающий социальный слой — и этот вывод историей не опровергнут. Но отсюда вовсе не вытекает, что в марксизме содержатся хоть какие-то намеки на «право» насильственного вмешательства в судьбы крестьянства.

Довольно странным опытом оказалось для меня столкновение с элементарным незнанием некоторыми крестьяноведами ряда основополагающих фактов по аграрной экономике (об идеологически ангажированных оценках я уже не говорю). Так, Люкшин пишет: «Результаты — выход Советского Союза на мировой рынок хлебов в качестве продавца — можно было бы признать блестящими, если бы не мелкие издержки в виде головокружения от успехов и сотен тысяч умерших от голода. Собственно вопрос, как нищую голодную страну, в которую превратил Россию Ленин, удалось в короткие сроки трансформировать в ведущего экспортера хлебов, в имплицитной форме уже содержит констатацию высокой эффективности аграрной политики Сталина, в сравнении с коллегами по партийному менеджменту» (с. 129). Здесь что ни слово — то открытие. О каком выходе «Советского Союза на мировой рынок хлебов» в результате сталинских преобразований может идти речь, если, начиная с 1930 г., хлебный экспорт СССР неуклонно сжимался, достигнув к середине 1930-х совершенно незначительных величин? И уж тем

более СССР не являлся «ведущим» экспортером хлеба.

Впрочем, хотелось бы оговориться, что огрехи в статьях и выступлениях некоторых авторов нисколько не умаляют огромной коллективной работы, которая была проделана по выяснению непростых вопросов нашей аграрной истории. Не умаляет это и достойных высокого признания трудов составителей сборника, предоставивших интересующимся проблематикой судьбы российского крестьянства в эпоху сталинизма обширный и ценный материал, как с точки зрения исторических фактов, так и с точки зрения их теоретических оценок.

А.И. КОЛГАНОВ

Примечания

1. Вместо введения: От организаторов научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» и теорети-

ческого семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». В кн.: Сталинизм и крестьянство. М. 2014, с. 15–26.

2. Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации. Там же, с. 252–419 (в журнальной версии см.: Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века». — Власть. 2011, № 8, с. 161–171; № 9, с. 173–184).
3. Коммунистическая Россия как мегаобщина. Там же, с. 535–614. См. также: Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного круглого стола. В кн.: Крестьяноведение. Теория. История. Современность. 2013. Вып. 8. М. 2013, с. 386–440.
4. Иосиф Сталин как крестьянский царь. В кн.: Сталинизм и крестьянство, с. 615–709.
5. Община и революция. В кн.: Сталинизм и крестьянство, с. 420–480; Крестьянство под колесами прогресса. Там же, с. 481–534.

Contents

Articles: **V.D. Puzanov**. The Russian state and nomads in the south of Western Siberia in the first half of the 17th century. Historical profiles: **E.V. Sirotkina**. Count Alois Lexa von Aehrenthal. Historical publicistics: **V.V. Ishutin**. From history of the idea of the presidency in Russia. Publications: **M.L. Kosmovskaya**. Diaries of N.F. Findeisen and materials of the “Russian musical newspaper” about the first world war. Contributions: **D.N. Kopelev**. Background of Madagascar secret expedition of 1723—1724 years; **S.V. Kondratiev**. The Antiquarian myths and limits of the royal power in England in the first half of the XVII century; **N.P. Podgornova**. Tuaregs. History and fates; **M.A. Kiselev**. Shuvalov and Manifesto on the freedom of the nobility of 1762. People. Events. Facts: **N.Z. Mossaki**. Interlibrary cooperation and book exchange in cultural policy of the USSR in Iraq in the late 50—60 years of XX century; **N.F. Mitsyuk**, **N.L. Pushkareva**. Wet nurse trading in Russia in 1850—1917. Historiography: **V.A. Poliakov**. Transformation of the Russian transport in 1917—1920 (to the historiography of the problem). *Reviews on books*: Stalinism and the peasantry (by A.I. Kolganov).

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 3, 2016

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.02.2016. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1400. Заказ 215-2016. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2016 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

*Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21*

ВИИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**